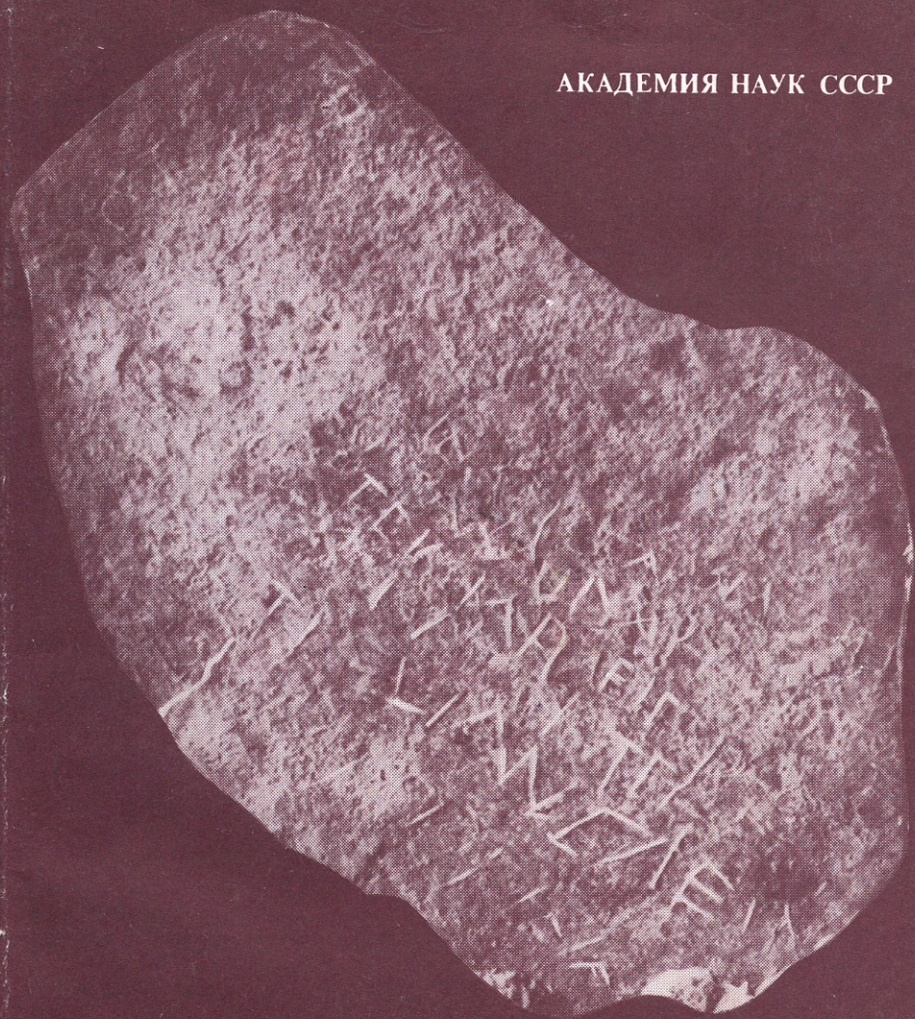

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Л.А. ГИНДИН

МОСКВА
"НАУКА"
1987

Сборник включает статьи по филологии, лингвистике, истории, фольклору, искусствоведению, археологии. Рассматриваются актуальные проблемы языковой и этнической истории карпато-балканского региона и сопредельных районов, вопросы доиндоевропейского вклада в языки и культуру народов Балкан. Интерпретируются надписи на древних языках Балкан (греческие, фракийские, минойские).

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Л.А. ГИНДИН,
доктор исторических наук Е.С. ГОЛУБЦОВА, И.А. КАЛУЖСКАЯ

Рецензенты:

С.А. ИВАНОВ, М.Н. СЛАВЯТИНСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник тематически и методически продолжает ряд предшествующих публикаций, отражающих состояние исследований по античной балканистике в нашей стране¹. Сборник частично составлен по материалам симпозиума "Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии" (Москва, 1984 г.), организованного Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом всеобщей истории и Институтом археологии²; в него также вошли статьи, близкие указанной тематике.

Как и в предыдущих изданиях, составители и авторы стремились, насколько это возможно, воплотить междисциплинарный подход к проблемам языковой и этнокультурной истории карпато-балканского региона. Характерная черта данного сборника проявляется в его преимущественно историко-филологической направленности, что вполне соответствует духу времени, когда в историческом цикле дисциплин наметилось явное возрождение интереса к филологии в ее традиционном понимании как науке об интерпретации письменного текста. За филологией вновь начинают признавать приоритет, по сравнению с другими гуманитарными отраслями знания, в возможности решения целого ряда проблем (этногенетических, исторических и т.п.). Все больше осознается факт, что при наличии письменных свидетельств, обработанных филологически, собственно лингвистическая реконструкция и сделанная на ее основе этническая атрибуция археологических культур, перемещаются на второй план, одновременно получая возможность верификации своих построений реальными фактами. При этом в исследовании таких крупных экстралингвистических проблем как этногенез, воссоздание духовной, а иногда и материальной культуры древних народов во многих случаях только филология способна дать исследователю доброкачественный исходный материал и возможность апробации его достоверности. Другой важный момент заключается в том, что филология, будучи комплексной наукой по своей внутренней сущности, уже изначально содержит в себе междисциплинарный подход, необходимый при решении аналогичных задач.

Говоря о содержательной стороне сборника, следует отметить известное увеличение интереса к фракологической и — шире — палеобалканской проблематике, что объясняется ее все более ощущаемой актуальностью, особенно в свете необычайно возросшего в последнее время внимания к проблемам прародин и протокультуры индоевропейцев. Практическая автохтон-

¹ См. например : Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.

² Молчанов А.А. Симпозиум "Античная балканистика" // ВДИ. 1985. № 1.

ность "протофракийских" и других древнебалканских индоевропейских носителей археологических культур на территории Древней Фракии, начиная со второй половины IV тыс. до н.э. в рамках устанавливаемого археологами достаточно очевидного континуитета с начала раннебронзового периода (Н.Я. Мерперт, Р. Катинчаров и др.), с учетом довольно большого числа фрако-анатолийских (особенно фрако-лувийских) топонимических изоглосс, наряду с индоарийскими лексическими вкраплениями в переднеазиатские тексты — все это может служить абсолютной хронологической и пространственной точкой отсчета многих построений в области индоевропейской диалектографии. Указанная проблематика в той или иной мере нашла отражение в статьях Л.С. Бакун, Л.А. Гиндина, Вяч.Вс. Иванова. Особый интерес в плане обобщения археологических данных и соотнесения их с высказанными в последнее время идеями об индоевропейской прародине представляет статья Е.Н. Черных. В сборнике вновь подняты важные вопросы доиндоевропейского субстрата в Эгее (В.А. Воробьев и А.А. Молчанов) и этрусско-фракийских языковых связей (совместная статья Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского). Древнебалканские истоки греческого мифа о Беллерофонте прослежены В.Л. Цымбурским и получили совсем недавно интересное подтверждение (см. корректурные дополнения). Изучение генезиса античной философской терминологии представлено в работах А.Ф. Лосева и В.Н. Топорова. Выявлению древнебалканских и античных пережитков в современном балканском фольклоре посвящены статьи Т.Н. Свешниковой и Т.В. Цивьян.

По традиции значительное внимание уделено сопредельной Балканам территории Северного Причерноморья. В сборнике нашло отражение как исследование эпиграфических памятников этого района (статьи Ю.Г. Виноградова, С.Ю. Сапрыкина, В.П. Яйленко), так и фрако-скифская проблематика (статья Д.С. Раевского). Вопрос о возможности фракийского религиозного влияния на Боспоре поднят в работе И.А. Левинской. Актуальная для фракологии проблема киммерийского этноса основательно исследована на материале письменных источников А.И. Иванчиком. Продолжает публикацию материалов по индоарийским реликтам в Северном Причерноморье О.Н. Трубачев.

В сборнике представлены и исследования, связанные с более поздними периодами истории карпато-балканского пространства, в частности ранней этнической и языковой историей славян времени транскарпатской миграции и заселения ими Балканского п-ова (работы Л.В. Куркиной, О.В. Ивановой и Е.П. Наумова), а также вопросы албано-восточнороманских лексических схождений (статья И.А. Калужской).

ФРАКО-АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Достижения последних десятилетий в области исследования фракийского лексического материала¹ позволили выявить значительное число фрако-анатолийских схождений и провести их хронологическую стратификацию². Среди них выделяются тождества с индоевропейской этимологией, восходящие, как полагают, к периоду контактов до II тыс. до н.э.³; другие, не объясняемые из индоевропейского, датируются более поздним временем — рубежом III—II тыс.; третьи относятся к различным периодам письменной истории соответствующих языков. Очевидно, что проблема фрако-анатолийских языковых связей выходит за узколингвистические рамки, переходя в плоскость этногенетической проблематики; приводимые ниже факты могут стать подтверждением некоторых связанных с ней идей, сформулированных на другом материале⁴.

Фрако-анатолийские лексические тождества с и.-е. этимологиями включают слова, описывающие явления общественной жизни, ритуальную терминологию и некоторые другие. Список их, приводимый в "Древнейшей ономастике...", можно расширить за счет следующих соответствий.

1. Фрак. *μῖνα* в названии кастеля *Βουρδομῖνα* (Detschew. S. 81, 305; Proc. Saec. IV. 4⁵) является второй частью (до сих пор никак не объясняемой) сложного слова, первая часть которого содержит основу *βουρδ-*, по Дечеву, к и.-е. **bhred(h)-* 'переходить вброд'. Второй компонент представляется возможным связать с общелувийской основой **mena-* 'город'. Мы находим ее в лув. иер. URU *mina* 'город', а также в лик. *meñne* то же, ср. первые строки ликийско-греческой билингвы из Ксанфа (TL 45): [*eb*] *eññē pixederekat[amla]h arñna se tlawa se p[inale] se xadawāti meñna* 'это⁶ Пикедере, сын Экатамлы, (дал) городам Ксанфу, Глосу, Пинаре, Кадланде', ср. еще лик. *meññehi* (TL 54, 4) 'горожанин'. Значение 'город' у и.-е. основы **men-* развивается в лувийских языках и фракийском; в других и.-е. языках представлено значение 'возвышаться' или его производные: лат. *ēmineo* 'возвышаюсь', авест. *mati* (< **mṛti*) 'горный уступ' и т.д. Семантическое развитие фрак. и общелув. **mená-* 'город' аналогично, например, гот. *baúrgs* 'город; башня' (< 'высокий', ср. *baúrgahei* 'горная местность'); в обоих случаях в основе наименования лежит признак 'возвышение' (впрочем, уже, вероятно, не релевантный для фрак. *μῖνα*).

2. Фрак. *Σευδας*, *Σευδης* и т.п. (Detschew. S. 434, f.), согласно старой идее Рёзлера, связаны с др.-инд. *hótar*, авест. *zaotar* 'жрец'⁷. Параллель фрак. *Σευδας* обнаруживается в ликийском, где известна основа *utā/en-*

<и.-е. *ǵheu- с закономерным исчезновением в общелувийском и.-е. палатального звонкого придыхательного и со старым гетероклитическим суф. -r/-n-, обобщенным, как это регулярно имеет место в ликийском, на все формы данной основы⁸. Лик. *utā/en-* обозначает центральное действующее лицо ритуала, в обязанности которого входило, в частности, произнесение сакральных текстов, ср. TL 55,1 (мил.): *ebēñfle me utenew elputi* 'это вот и. изрекает' (далее следует текст ритуального характера); ср. еще TL 44 с 5: *se utāna sttati sttala* 'и и. ставит стелу'.

. Допущение генетической близости фрак. *Σευδας* и лик. *utā/en-* предполагает, с одной стороны, отражение и.-е. *ǵh во фракийском в виде *s* (соответствие, удостоверяемое такими примерами, как фрак. *Σεμελη*, *Semele* (Detschew. S. 429), к и.-е. *(dh)ǵhem- 'земля', и рядом других) и, с другой стороны, отсутствие гетероклитического суффикса во фракийской основе (которая перешла в разряд тематических основ или основ на *-ā). Данное сопоставление расширяет круг производных от и.-е. *ǵheu-/ǵh(o)u-, развивших специализированное ритуальное значение, ср. еще семантику балтийских форм типа лит. *žavėti* 'околдовывать, зачаровывать', лтш. *zavēt* 'заговаривать, зачаровывать'. Очевидно, что сравниваемые фрак. и лик. формы отражают независимое сохранение элемента унаследованного словаря.

3. Фрак. -κενθος в многочисленных личных именах (ЛИ): *Αυλου-κενθος*, *Μα-κέντης* и др., — сравнивали с кельт. *cinto* 'первый' (Solmsen, KZ, 34, 1894, 69) и одновременно с лик. ЛИ типа *Κενδαβορα* (Detschew. S. 239, f.). Следует заметить, что кельтские и ликийские формы не сводимы к одному архетипу, т.к. первые содержат в анлауте велярный смычный (и.-е. *ken- 'начинать, происходить'; Pokorny I. S. 563, f.), а вторые — старый ларингал, ср. лик. ЛИ (в местной передаче) *qñtbe*, *qñtbēddi* < *hant- и формально сопоставимые с фракийскими ликийские composita *pdda/ā-xñta* 'первый по месту' (тип *bahūvrihi*). Порядок расположения элементов во фрак. составных ЛИ с компонентом -κενθος, -centius и т.п. идентичен ликийскому, но ср. кельтский, где элемент *cintu-* регулярно занимает первое место (*Cintu-gnatus*, *Cintu-marus* и др.), что ставит под сомнение сопоставление с кельтскими формами (Древнейшая ономастика... с. 77). Наличие во фракийских композитах с элементом *κενθ-* и других основ, имеющих малоазийские (в том числе и хет.-лув.) этимологии, ср. *Επτα-κενθος* (Древнейшая ономастика... с. 76 и сл.), *Αυχα-κενθος*⁹ и т.п., может свидетельствовать в пользу фрако-анатолийской параллели, чему не препятствует и начальный κ-, т.к. это регулярный способ передачи старого ларингала в греческой записи позднеанатолийских имен, ср. примеры у Сундвала¹⁰.

4. Фрак. 'Αραζος, *Arason* — топоним в районе Понта (Steph. Byz. 108, 13): слово, в котором выделяется корневая часть *ara-* к и.-е. *h₁er- 'мужчина, самец'. Полное формальное соответствие обнаруживается в лувийском *arrazza* 'самец' (лув. *arrazza haqiš* 'баран', но *haqiš* 'овца'); ср. также др.-инд. *ṛsa-bha* 'бык', греч. (ион., крит.) *ῥρορν* 'мужской; мужественный, мощный'. Фрак. ΜΗ 'Αραζος может, таким образом, означать 'мощный, сильный'¹¹. Не исключена более отдаленная связь рассматриваемой основы с фрак. 'Αραρος (приток Дуная — Detschew. S. 21), возможно, и.-е. *h₁er-s- 'течь', хотя на основании внешних данных допускается вторичный характер сближения этой основы с и.-е. *h₁er- 'самец'¹².

Отдельно рассмотрим фрако-анатолийские тождества, не имеющие прямых и.-е. соответствий.

1. Фрак. *-ζητα, -ζητης, -ζeta* (Detschew. S. 185) встречается в составе теофорных имен *Βενδι-ζητα, Δωι-ζητης, Eта-ζeta*. Была высказана мысль о связи второго компонента этих имен с лув. *ziti* 'человек, мужчина' (Древнейшая ономастика... С. 77), но сопоставление наталкивалось на ту трудность, что фрак. имена *Βενδι-ζητα* и *Eта-ζeta* принадлежали женщинам. Действительно, семантика лув. *ziti* препятствует этому сближению, но если мы обратимся к мильйскому, то увидим, что в этом диалекте, во многих отношениях очень архаичном, *ziti* обозначает лицо, выполняющее определенные ритуальные функции, ср. TL 44 d 7–8: *albm ubē ti zawa qttide ziti qñnāṭba* 'а.¹³ быка принес в жертву человек-ziti (=жрец) двенадцати богам'. В этом случае приведенные выше фракийские (и некоторые малоазийские) формы получают естественное объяснение: *Eта-ζeta* 'жрица (богини) Хепат', *Βενδι-ζητα* 'жрица Бендис', *Δωι-ζητης* 'жрец Бога древнего света', ср. ликаон. [A]ρμα-σητας (Zgusta. Kleinas. Pers. S. 381, прим. 60): хет.-лув. *Arma-ziti* 'жрец (=человек) бога Луны'.

2. Фрак. *Као-* в ЛИ *Κασετορις, Κασσυριακис* и др., ср. также кастели *Κασεηρα, Κασσωνων* (Detschew. S. 233, v.) выделяется в качестве корневого элемента, который находит параллель в хет.-лув. обозначении 'рода', 'потомства' (**has-*): хет. *ḫaš-* 'рождать', *ḫašša* 'потомство', мил. *ereqzze* то же, *qzze* 'род'. Представляет интерес фрак.-мил. соответствие на уровне словосочетания: фрак. этникон *Καο-αρσηνος*, вероятно, от *Καο-αρσος (Detschew. S. 233) 'род мужей', и мил. *qzze mireñne* 'род мужей' (TL 44 d 65) – устойчивая формула в архаизированном тексте. Фрако-анатолийское сопоставление можно продолжить и для производных от основы *Као-*, ср. фрак. ЛИ *Καομιλος, Καομελος* (Detschew. S. 234 и сл.) с суф. *-λ-*, который во фракийском часто сочетается с другими суф. типа *-ου-, -ην-* и др.¹⁴: лик. *hezṡmi, qezṡmi* '(на)род' – старое причастие с общелувийским суф. *-mi* 'рожденный'.

3. МН *Ζαρυῖαβα* (город в Дакии – Detschew. S. 176), в этом топониме после вычленения известной основы *-бава* остается элемент *Ζαρυῖ-*, сопоставимый с хет.-лув. основой **sarh-* 'нападать, сражаться': хет. *šarḫ-* 'нападать, набрасываться', мил. *zrqqi-* 'сражаться, нападать', ср. TL 44, с 44–45: *me uwe kemijedi : waxsadi : zrqqiti zireimemedi xbadasadi* 'и и. нападает (вместе) с воинами, украшенными доблестью *k.*'; ср. также мил. *zrigali* 'воин'. Характер отношения данной фракийской основы к анатолийским до конца не ясен; в любом случае надо отметить, что она оформлена по правилам, типичным для позднеанатолийской фонетики и морфологии, ср. передачу старого ларингала посредством знака для *g* (велярного спиранта?) и переход **s > z* в позиции перед *r*¹⁵.

Особо следует остановиться на фрако-ликийских и фрако-милийских тождествах, не распространяющихся на другие анатолийские языки.

1. Фрак. МН *Ζουσι-бава* (Detschew. S. 98); первый компонент идентичен мил. ТН *zusi* (=греч. *Ζευς*) в TL 44 d 20: *zusi zballi* 'божественный Зевс' (где *zballi* из хет.-лув. диалект. **siqali-*). В других анатолийских языках это имя не засвидетельствовано. Полное совпадение фракийской формы с мильйской, даже несмотря на то, что последняя – вероятный грецизм, указывает на источник заимствования фрак. *Ζουσι-*.

2. Фрак. ЛИ *Ἀδαμ/αδαμνα* (Detschew. S. 6) сопоставимо с лик. ЛИ *adm̃ma*

(TL 44 b 9), *adaṣmīna* (TL 112, 2). Возможна связь с лик. *ada* 'искушение, штраф', с суф. **-m-no-*.

Приведенный материал отчасти дополняет свод данных о фрако-анатолийских сходжениях, содержащийся в наиболее полном виде в "Древнейшей ономастике...". При этом естественно встает вопрос о их интерпретации. В этой связи заслуживает особого внимания тот факт, что большая часть отмеченных параллелей имеет вполне определенную этноязыковую соотнесенность: даже в тех случаях, когда родственная фракийской основа обнаруживается независимо в нескольких хетто-лувийских языках, наиболее близкое сходжение устанавливается между фракийской и ликийской (а чаще — милийской) формами. Это касается как семантической стороны сопоставлений, так и сходных фонетических процессов, охватывающих рассматриваемые языковые общности, а также и некоторых явлений морфологии и синтаксиса.

В фонетике рассмотренных фракийских форм обращают на себя внимание следующие особенности: а) трактовка старого ларингала **h*, передаваемого знаками для взрывного (или сильного спиранта) *k*, *g*, что может свидетельствовать о его переходе в разряд аспирированных согласных типа *kh*, подобно тому, как это имело место в ликийском¹⁶; б) палатализация спиранта **s* перед гласными переднего ряда, на что указывают фракийские формы с *z* или *ζ* на месте **s*. Это явление было широко распространено в милийском, где **si* регулярно развивалось в *z*.

К числу общих структурных черт, объединяющих фракийский с частью позднеанатолийского ареала, следует отнести сходные (до идентичности) типы составных ЛИ, выявляемые во фракийском и ликийском¹⁷. Наибольшей абсолютной частотой в обоих языках характеризуются имена со структурой 'определение + определяемое' типа *karmadharaya* (ср. лик. *hri-xmta* 'перво-священник (?)', фрак. *Κῆτι-δίζα*, возможно, 'сильный/мощный город') и посессивные *composita* типа *bahuvrihi*: лик. *pdda-xnta* 'первый по месту', фрак. *Δουρα-ζερικ* 'сильно-рукий (?)' и др. Характерно, что структура 'имя + отглагольная форма' (типа *Lucifer*) для обоих языков абсолютно не типична¹⁸.

Подводя итоги сказанному, отметим основные положения, которые представляется возможным сформулировать на основе имеющихся фактов: фракийский материал, бесспорно, обнаруживает особенности, объединяющие его с западно-анатолийской языковой областью; за вычетом единиц, относящихся к унаследованному фонду, остается тем не менее достаточное количество общих новообразований, свидетельствующих о параллельном развитии как в отношении словаря, так и в фонетике, и в грамматической структуре языка. Соображения хронологии, несомненно, приводят к выводу о сравнительно позднем ареальном характере фрако-ликийского взаимодействия; наличие специфических фрако-милийских сходжений приобретает особую значимость в свете идеи о присутствии по крайней мере части "доисторических" ликийцев на северо-западе Анатолии¹⁹. Здесь необходимо сделать одну оговорку: хотя традиция и относит ликийский А и милийский к двум диалектам ликийского языка, расхождения между ними затрагивают не только лексику или фонетику (что могло бы объясняться жанрово-стилистическими или хронологическими причинами), но также отчасти именное и глагольное словоизменение²⁰, что

заставляет считать ликийский А и милийский продолжением отдельных лувийских диалектов, обособленных уже в начале II тыс., но сохранивших значительное сходство благодаря ареальной близости их носителей. В различные периоды своего существования они могли контактировать (вместе или обособленно) с другими этноязыковыми группировками, что вело к неравномерному распределению соответствующих языковых сходжений, в частности к появлению значительного числа фрако-милийских тождеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См. монографические исследования: Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957; Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; Он же. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981 (далее — Древнейшая ономастика...), с обширной библиографией вопроса.

²Древнейшая ономастика... Особенно гл. IV.

³Этот период истории хетто-лувийских языков иногда определяется в литературе как "преданатолийский", обозначая (в рамках концепции, локализующей древнейшую территорию обитания индоевропейцев на Балканах) время до появления исторических хетто-лувийцев в Малой Азии, см.: Древнейшая ономастика... с. 184 и сл.

⁴Там же. С. 30 и сл.

⁵Prosopii Caesariensis opera omnia recognovit J. Hauriy. Lipsiae, 1963—1964. Bd. I—IV.

⁶Объект в ликийской части надписи не обозначен (либо он находился в 4-й — фрагментированной — строке); в греческой части в качестве прямого объекта выступает δεκατη (вин.п.) 'десятина'.

⁷Zeitschrift für österr. Gymn., 1873. S. 114.

⁸Ср.: лик. *ašāna-esēne-* при хет. *ešhar/-n-* 'кровь' и др.

⁹Первый компонент этого имени *Auša-* может быть сопоставлен с мил. *wzza*; оба — к и.-е. **aues-* 'светить' (относительно фрак. см.: Detschew. S. 34).

¹⁰Sundwall J. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme // Klio, 1913. N 11.

¹¹Ср.: лик. *teteris erizāna* 'город Эризана', где второе слово восходит к **er^asi-*, и.-е. **her-s-*.

¹²Иллич-Свитух В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. 1. С. 247 и сл.

¹³Вероятно, из хет.-лув. **alba-* 'белый, светлый', и.-е. **albho-*.

¹⁴См.: Vlahov K. Die l- und k-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung // Годишн. на Софийск. ун-т, 1968. Т. LXII, № 1.

¹⁵В данном случае было бы неосторожно говорить о милийском как о единственно возможном источнике фрак. *Zaruy-*, т.к. в мил. **r* обычно развивается в последовательности *r^h*; на это, кроме прямых свидетельств, указывает графика *rc₁c₁c₂*, которая, по наблюдениям фонетистов, является аналогом последовательности **r^hc₁c₂*.

¹⁶См. нашу работу: Баюн Л.С. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописанной истории. — ВДИ, 1980. № 2. С. 19.

¹⁷Но отметим совершенно иной принцип строения лидийских ЛПИ, среди которых полностью отсутствуют составные имена.

¹⁸Данные о структуре составных личных имен имеют немаловажное значение для реконструкции синтаксиса таких языков, как фракийский, где исследователь располагает в основном ономастическим материалом, однако применительно к фракийскому этот вопрос требует специального изучения, выходящего за рамки нашей работы.

¹⁹См.: Цымбурский В.Л. Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 1. С. 107—110.

²⁰См. нашу статью: Баюн Л.С. Некоторые вопросы реконструкции общепанатийского глагольного строения // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 14 и сл.

ТАБЛИЧКА ДИКАСТА ИЗ ЭРМИТАЖНОГО СОБРАНИЯ

В фондах Государственного Эрмитажа хранится бронзовая пластинка с надписью, имеющая первостепенное научное значение, а потому заслуживающая отдельной публикации. Пластинка прямоугольной вытянутой формы со скругленными углами; с одного края она переходит в узкое достаточно длинное острие с загнутым впоследствии кончиком, с другого — заканчивается небольшим выступом-рукояткой, повернутым под прямым углом к основной плоскости и имеющим отверстие для подвешивания. Размеры пластинки: макс. дл. — 112 мм, шир. — 27 мм, толщ. — 1 мм. Инв. № 15783, опись № В 2221. Поступила в 1931 г. из Сектора доклассовых обществ ИИМК из собрания бывшего Русского археологического общества¹.

С обеих сторон пластинка имеет надписи (рис. 1, а–б 2, 1), причем текст на стор. А затерт, но не до конца, так что читается без труда (соотношение осей ↑ ↓).

А.   Γ   Ἀρτεμίδωρος   Б.   Γ   Μῆκος
                  Πολυῤαρμου   Ἀρτεμίδωρου

На стор. Б в стк. 2 на месте третьей буквы мастер сперва ошибочно выбил *μ*ю, а потом затер ее. Обе надписи изготовлены пунсонной техникой: все прямые элементы букв отчеканены инструментом типа зубильца, все округлые (*омикрон*, *ро*, *омега*) — круглым штампом небольшого диаметра. Высота букв 4–10 мм.

Что касается датировки надписей, то прежде всего обращает на себя внимание курсивная форма омеги, выполненной двумя круглыми чеканками, поставленными под наклоном. Этому обстоятельству не стоит, однако, придавать решающего значения, ибо мастеру-чеканщику так было наиболее удобно изобразить эту букву. Поскольку лунарная омега появляется в эпиграфике, как известно, достаточно регулярно с III в. до н. э.², а формы прочих букв (даже с учетом пунсонной техники) этой дате не противоречат, то и сами надписи я склонен относить к этому столетию, не рискуя далее уточнять эту датировку (см. примечание 5).

Беглого взгляда на содержание надписей достаточно, чтобы определить, что перед нами табличка (*πινακιον*) судьи-дикаста. За это говорит следующее: 1) Артемидор, сын Полихарма (стор. А), бесспорно, приходился отцом Микю, сыну Артемидора (стор. Б); 2) сын, отдавая пластинку мастеру для отчеканки своего имени, распорядился не полностью уничтожить с оборотной стороны имя своего отца, как бы демонстрируя тем самым свои гражданские права, по крайней мере, во втором колене; 3) как отец, так и сын заседали в одном и том же — третьем — отделении суда, обозначенном на пластинке цифрой *гамма*.

Эрмитажная табличка находит близкие параллели среди ей подобных³. Как среди аттических, так и неафинских судейских табличек нередки палимпсесты, причем доходит до трехкратного и более их использования⁴. Наряду с гравировкой и наколкой точками надписи на табличках часто изготовлялись и в пунсонной технике⁵. Определенные параллели находятся и для формы нашего пинакиона (см. ниже).

Рис. 1. Пинакион дикаста из Эрмитажа: а — сторона А; б — сторона Б

Понятно, что ценность любого археологического памятника значительно увеличивается, если известно его происхождение — только тогда он становится полноценным историческим источником. К сожалению, наш памятник точным паспортом не обладает. Во II томе "Каталога и инвентаря Музея Императорского русского археологического общества", хранящегося в Первобытном отделе Гос. Эрмитажа (инв. № 1876), публикуемая табличка входит под № 71 в коллекцию № 33, составленную из предметов самого разного происхождения. Здесь и вещи, поступившие в 1862 г. из Археологической комиссии (№ 1—43), и "челюсть скифского военачальника из Куль-Обы", переданная гр. А.С. Уваровым (№ 44), и расписные вазы, помпейские фрески, светильники и терракоты, принятые на хранение в 1873 г. от Академии художеств, а также такие предметы, как бронзовая пластина с латинской надписью (№ 74), керамика, стекло, амфорные клейма и целые амфоры, свинец и т. п. В инвентарной книге Эрмитажа из той же коллекции приведено 402 предмета (№ 15525—15926), среди которых обращают на себя внимание клейма Книда, Родоса, Фасоса, неизвестных центров и — что особенно важно — Синопы и Гераклеи.

В поисках места происхождения нашего пинакиона не может помочь и просопография, поскольку имена его владельцев достаточно распространены. Правда, среди афинских эфебов в год архонта Аристарха (107/6 г. до н. э.) мы встречаем некоего $M[\iota]κκοϛ \text{ } \text{Ἀρτε}[\mu\iota\delta]\acute{\omega}\rhoου \text{ } \text{Αἰξ-ωρε}ύς$ ⁶, однако делать на этом основании вывод об афинском происхождении нашей таблички мы не вправе по следующим причинам: 1) у всех аттических табличек абсолютно прямоугольная форма; 2) все они имеют демотикон; 3) все они несут отчеканенное изображение городского *παρθένιον* — совы и/или горгонеяона; 4) все афинские палимпсесты имеют вторичные надписи на той же стороне, на которой стояли и предшественники; 5) афинские пинакия дикастов укладываются в тесные рамки 378/7 — 330 гг.⁷, после чего они, по свидетельству Аристотеля (Ath. pol., 63, 4), были заменены деревянными; 6) едва ли Мик, сын Артемидора, мог быть вышеупомянутым афинским эфебом, поскольку Эрмитажную табличку следует датировать III в., но никак не рубежом II—I вв.

Полученный негативный результат заставляет обратиться к неафинским

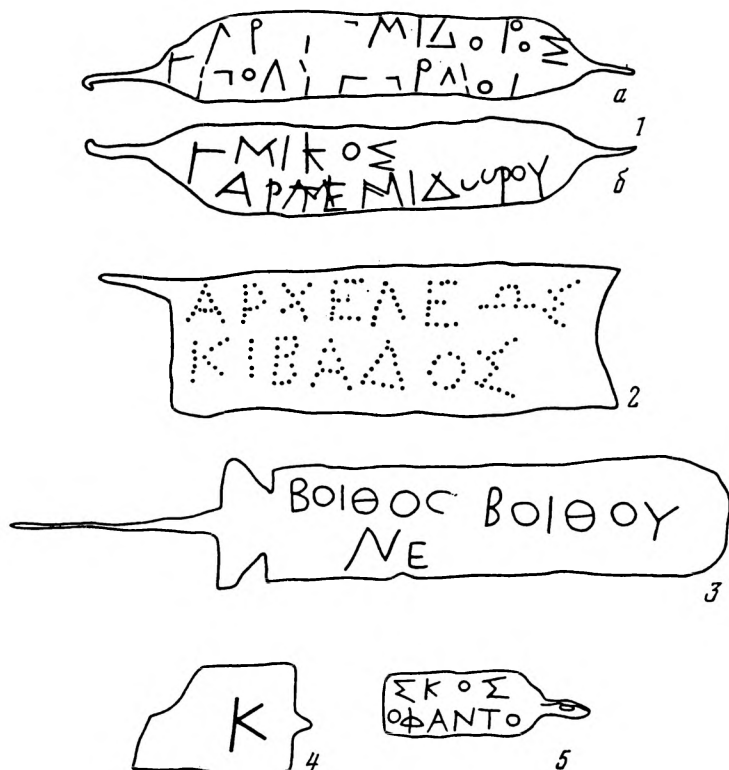

Рис. 2. Пинакиа дикастов: 1 а, б — из Эрмитажа; 2 — с Фасоса; 3 — с Родоса; 4 — из Афинского национального музея; 5 — из Лувра

пинакиа, которые на сегодняшний день засвидетельствованы для Синопы, Фасоса, Родоса, Памфилии, Эолиды и неизвестных центров. Синопский пинакион IV в. до н. э. почти полностью повторяет афинский образец: он прямоуголен, несет на себе городской герб "орел на дельфине", имя с отчеством, хотя и не имеет демотикона⁸. Аналогией нашему он служить не может. Определенное сходство с Эрмитажной имеют пять табличек дикастов с Фасоса: надписи на них, исполненные наколкой, так же не содержат демотикона, но что важнее — будучи прямоугольными, они так же имеют остроконечный выступ, но не в середине, а сверху пластинки (рис. 2, 2)⁹. С. Доу правильно определил его конструктивное назначение не как рукоятки, но как шпиа для крепления в пазу машины для жеребьевки — клеротерия.

Две памфилийские таблички (одна явно из Сиде) конца III — начала II в. до н. э.¹⁰ по форме (но в несколько иных пропорциях) и присутствию демотикона копируют афинские, а потому аналогии нашей составить не могут (табличка из Сиде имеет к тому же парасемон города — плод граната). Фрагментированная табличка из Аркадии (?), насколько можно судить по ее сохранности, повторяет по форме и элементам текста афинские¹¹.

Гораздо ближе по форме Эрмитажному пинакиону судейские таблички с Родоса¹². Все они имеют так же, как и наша, правый скругленный конец, а на левом — в большей или меньшей степени профилированный выступ. У одной из пяти табличек из этого выступа как бы вырастает остроконечный шип (рис. 2, 3). Такой же шип, но с правой стороны и гораздо менее ярко выраженный, имеет фрагментированный пинакион дикаста неизвестной даты и происхождения из Афинского национального музея (рис. 2, 4)¹³. Все перечисленные последними пластинки вместе с Эрмитажной подтверждают наблюдение С. Доу о назначении этих шипов (см. выше).

Имеется, однако, еще одна, хранящаяся в Лувре, бронзовая пластинка неизвестного происхождения (рис. 2, 5), дающая абсолютную аналогию правому концу публикуемой здесь: как и у нашей, конец скруглен и заканчивается повернутым под прямым углом выступом с отверстием для подвешивания¹⁵. На табличке имеются окончания имени и патронимика в две строки¹⁶. К сожалению, у нее не сохранился левый край, но, по аналогии с Эрмитажной, можно предположить, что и он заканчивался острием¹⁷. Рассмотренные выше таблички дикастов с точным паспортом показывают, что некоторые из них имеют элементы сходства с нашей, однако точной аналогии не дает ни одна, что заставляет искать место происхождения ее в других полисах и других областях греческого мира. Синопские и гераклейские клейма коллекции № 33, откуда происходит и наша пластинка (см. выше), допускают предположение о том, что она могла быть найдена в одном из центров Северного Причерноморья, поскольку, как известно, распространение первой группы клейм преимущественно, а второй — исключительно ограничивается понтийским регионом.

Вполне понятно, что искать следов такого демократического института, как гражданский дикастерий, на Боспоре не приходится, поскольку, по единодушному мнению исследователей, к III в. до н. э. он превратился в монархию эллинистического типа. Если мы далее обратимся к Херсонесу, то неожиданно натолкнемся на один интересный памятник, не привлекавший к себе должного внимания исследователей. В 1937 г. при раскопках эллинистических жилых кварталов была найдена прямоугольная бронзовая пластинка дл. 7,5 и шир. 1,8 см, на одной стороне которой отсиснуто рельефное изображение дельфина вправо, а на другой — исполненная точечным наколом двустрочная надпись: *Ἀρτεμίδωρος Διοσκυρίδα*. Издатели датируют ее широко: III—II вв. до н. э.¹⁸, по палеографии эта дата, скорее всего, должна быть сужена до III в. Дорийская огласовка генитива патронимика указывает на то, что табличка принадлежала гражданину Херсонеса¹⁹. И хотя на ней нет обычного номера отделения суда, мы, думается, вправе с большой долей вероятности считать ее пинакионом дикаста²⁰ или, по крайней мере, булевца. Но коль скоро синхронная Эрмитажной табличка из Херсонеса полностью отличается от нее по форме, следует продолжить поиски происхождения первой в других полисах Причерноморья.

Об устройстве судопроизводства Тиры нам пока ничего не известно, зато для Ольвии в этом отношении мы располагаем уже довольно богатым материалом. В договоре Милета и Ольвии, повторно фиксированном вскоре после 329 г. до н. э.²¹, упоминается *δημοτικὸν δικάστηριον*, т. е. отделение суда в том и другом полисе, где разбирались дела граждан. Из Ольвии же происходит свинцовая пластинка с надписью, по-видимому,

III в. до н. э., определяемой как письмо судье²². Начинается оно словами: "Точно так же, как мы не знаем тебя, мы не знаем, как выступят по новому процессу... (следует список имен)". В конце письма анонимный автор обещает судье за какие-то действия, воспрепятствующие даче свидетельских показаний поименованных лиц, взятку (*ἄριστον* [δῶ]ρον ?). Из содержания документа следует, что в Ольвии в это время применялась жеребьевка дикастов перед судом, что предполагает использование клеротерия. Вот почему составитель письма, не зная заранее, кто будет заседать по интересующему его делу, вероятно, попросту подбросил свое послание в одно из отделений дикастерий²³.

Наконец, самые важные для нашей темы материалы дали раскопки ольвийского здания суда — дикастерия. В нескольких его помещениях и во дворе было обнаружено большое число граффити и дипинти на простых амфорных черепках с мужскими именами — одиночными либо списками в пять имен, предварительно определяемые как черновые наброски состава коллегий магистратов²⁴. Кроме них, сотнями попадались небольшие глиняные кружки, многие из которых имели отверстия; они интерпретированы исследователями здания как псефы, служившие для голосования²⁵. Эта интерпретация замечательно подтвердилась в 1969 г. находкой в одном из подвалов дикастерия двух настоящих бронзовых псефов, стержень которых имеет отверстия. Единственное их отличие от аттических в том, что на дисках их не вырезано, как в Афинах, ΨΗΦΟΣ ΔΗΜΟΣΙΑ, в прямоугольном клейме рельефно отчеканено ΙΕΡΑ²⁶. Очевидно, либо данные псефы служили для голосования по особо важным процессам, связанным с религиозными преступлениями, либо — что менее вероятно — ольвийский дикастерий находился под особым покровительством божества. По условиям находки и палеографии псефы должны датироваться второй половиной IV — началом III вв. до н. э. Пока это единственная находка подобного рода, обнаруженная вне Афин.

Все перечисленные памятники и особенно бронзовые псефы свидетельствуют о том, что, по крайней мере, с IV в. до н.э. ольвиополиты стали во многом копировать афинскую модель судопроизводства, что косвенно могло бы указывать и на вхождение Ольвии в V в. до н. э. в Афинскую архэ, члены которой, как известно, охотно заимствовали отдельные аттические институты, прежде всего юридические²⁷. Это делает вполне вероятным использование ольвиополитами в IV—III вв. до н. э. бронзовых табличек дикастов и позволяет, учитывая сказанное выше о возможном происхождении коллекции № 33 Русского археологического общества, в предположительной, осторожной форме поставить вопрос об ольвийском происхождении публикуемой пластинки. Ономастика такому предположению не противоречит, поскольку находящиеся на пинакионе имена неоднократно встречались среди жителей ольвийского полиса в догетское время:

Πολύχαρμος — IPE, 1, № 27.2; HO, № 71, I.8;

Ἀρτεμίδωρος — IPE, 1, № 201, II.9; граффито на чаше, опубликованное Э.В. Дилем²⁸; неизданное граффито с Березани (Гос. Эрмитаж);

Μίκος — точно такого имени в Ольвии пока не встречено, однако на березанских граффити известны родственные женские имена Σίκη²⁹ и Σίκρις (неизданное граффито — KAM).

В итоге я прихожу к заключению о том, что, хотя решающих доказа-

тельств в пользу ольвийского происхождения Эрмитажной таблички дикаста и нет, все-таки такую возможность исключать не приходится. Если со временем раскопки Ольвии дадут аналогичный материал, то он вместе с публикуемым памятником внесет лишний штрих в историю организации ольвийского судопроизводства, равно как и в историю ольвийско-афинских отношений классической и эллинистической эпох. Но и в противном случае он не перестанет быть ценным источником для изучения греческих судебных табличек, число которых растет с каждым годом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор искренне признателен ныне покойной К.С. Горбуновой за любезное разрешение опубликовать пластинку.

² См.: *Guarducci M. Epigrafia greca. Roma. 1967. Vol. I. P. 377.*

³ Изучение этого интереснейшего материала значительно облегчилось с выходом в свет статьи: *Dow S. Dicasts' Bronze Pinakia. — BCH. 1963. 87. P. 653–687, — и, особенно, фундаментального исследования: Kroll J.H. Athenian Bronze Allotment Plates. Cambridge: Mass., 1972.*

⁴ *Kroll J.H. Op. cit. P. 8.*

⁵ Подавляющее большинство афинских табличек изготовлены пунсонной техникой, почему Дж. Кролл резонно замечает, что датировать их по палеографии надо осторожно (*Kroll J.H. Op. cit. P. 24, f., n. 16*).

⁶ *Kirchner J. Prosopographia Attica. B. 1903. Vol. II, P. 88. Nr. 10194 = IG II². 1011. 107. III.*

⁷ *Kroll J.H. Op. cit. P. 5–7. 99.*

⁸ *Robert L. Études anatoliennes. P. 1937. P. 296, s., N 13; Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 100, рис. 13; Dow S. Op. cit. P. 676; Guarducci M. Op. cit. 1969. II. P. 458, fig. 105; Kroll J.H. Op. cit. P. 270–272, fig. 309. О датировке его см.: Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. — ВДИ, 1981. № 2. С. 70, примеч. 41.*

⁹ *Dow S. Op. cit. P. 676–684; Kroll J.H. Op. cit. P. 272–277, fig. 310–315. Фасосские пинакиа датируются от середины IV до начала III в. до н. э.*

¹⁰ *Guarducci M. Op. cit. II. P. 458, fig. 106; Kroll J.H. Op. cit. P. 258, 269.*

¹¹ *Kroll J.H. Op. cit. P. 277 f., fig. 317, 318.*

¹² *Fraser P.M. Notes on Two Rhodian Institutions. II. The Rhodian Jury-System//Annual of the British School of Archaeology, 1972. 67. P. 119–124, pl. 35. Родосские пинакиа — самые поздние, они датируются эллинистическим и императорским временем.*

¹³ *Kroll J.H. Op. cit. P. 277, fig. 316.*

¹⁴ Кроме перечисленных, в некрополях эолидских полисов Мирины, Киме и Питаны было обнаружено несколько десятков бронзовых табличек с именами (многие из которых палимпсесты) позднеэллинистического времени, но они не имеют обозначения отделения суда и настолько разнообразны по форме, что Дж. Кролл сомневался в их использовании для клеротерия (*Kroll J.H. Op. cit. P. 269*).

¹⁵ *Robert L. Collection Froener. P. 1936. Vol. 1. P. 11. N 10u, pl. VI; Dow S. Op. cit. P. 684–686, fig. 9.*

¹⁶ По геп. на -о С. Доу датирует ее не на много позднее середины IV в. до н. э.

¹⁷ Публикуемый памятник заставляет отказаться от скепсиса Дж. Кролла, считающего, что Луврская пластина не пинакион, а амулет (*Kroll J.H. Op. cit. P. 277, n. 12*). В свою очередь, она опровергает могущее возникнуть сомнение в подлинности Эрмитажной таблички (ср.: *Dow S. Op. cit. P. 684*). Маловероятно и альтернативное предположение С. Доу о том, что ушко Луврской пластинки могло служить для подвешивания на клеротерии; шип нашего пинакиона показывает, что он крепился в пазу клеротерия.

¹⁸ *Белов Г.Д., Стрелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI. — МИА, 1953. 34. С. 73, рис. 53.*

¹⁹ Важно отметить, что дельфин как эмблема или надчеканка постоянно присутствует на херсонесских монетах IV–III вв., причем надчеканка "дельфин" доходит

только до 230 г. до н. э. (Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 135–142, № 21, 22, 76, 80, 82–86, 88, 90, 95, 97–102, 107, 112, 114–117). Этот факт позволяет, с одной стороны, рассматривать изображение дельфина на табличке как государственный символ, а с другой – уточнить ее датировку.

²⁰ Ср.: подобное замечание П. Фрезера (*Fraser P.* Op. cit. P. 121) по поводу отсутствия номера отделения дикастерия на родосских табличках. Предлагаемая атрибуция получает больше веса, если вспомнить такой демократический институт Херсонеса, как остракизм; см.: *Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса//ВДИ, 1976. № 3. С. 121–124.

²¹ *Schmitt H.H.* Staatsverträge des Altertums. München, 1969. Bd. 3. Nr. 408.17.

²² *Шкропил В.В.* Пластинки с надписями из Ольвии//ИАК, 1908. 27. С. 71–73. Ср.: *Диль Э.В.* Ольвийская чашка с наговором//Изв. археол. комис. 1915.58. С. 48, примеч. 1; *Книпович Т.Н.* Население Ольвии в IV–I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников//МИА, 1956.50. С. 122; *Виноградов Ю.Г.* Древнейшее греческое письмо с о. Березань//ВДИ, 1971. № 4. С. 79; *Bravo B.* Une lettre de plomb de Berezan//Dialogues d'histoire ancienne. P., 1974. Vol. 1. P. 114 s. Аргументы Э. Дили и Б. Браво не столь убедительны, чтобы считать надпись наговором, а не частным письмом.

²³ О развитии судопроизводства и многочисленных тяжбах в классическое и эллинистическое время свидетельствует и довольно большое число как неопубликованных, так и изданных судебных наговоров из Ольвии, см.: *Диль Э.В.* Указ. соч. С. 40–56.

²⁴ *Леви Е.И.* Раскопки ольвийской агоры и теменоса//Античное общество. М., 1967. С. 163; *Карасев А.Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967–1969 гг./КСИА, 1972. 130. С. 37.

²⁵ Там же.

²⁶ *Карасев А.Н.* Указ соч. С. 38 и сл., рис. 9,3; *Карасев А.Н., Леви Е.И.* Исследования Ольвии после Б.В. Фармаковского//Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 38, 40, рис. 11.

²⁷ См.: *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия... С. 70, сл. и лит. в примеч. 44; ср. с. 89, примеч. 119. Дискуссию о вхождении Ольвии в Архэ, базирующуюся главным образом на одном фрагменте закона о мерах, весах и монете (*Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969. P. 45) см.: *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз//МАСШ, 1959. 3. С. 57–100 (за вхождение); *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. С. 74–79 (против). В настоящее время я склоняюсь в пользу ольвийского происхождения фрагмента.

²⁸ *Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 45–46, № 63 (*Диль Э.В.* Указ. соч. С. 46.)

²⁹ *Штерн Э.Р.* Новый эпиграфический материал, найденный на юге России//Зап. Одесского об-ва истории и древностей, 1900. 23. С. 26, № 23; В.П. Яйленко склонен читать это женское имя как *Μίκη* (*Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии//ВДИ, 1980. № 2. С. 94, № 28).

В.А. ВОРОБЬЕВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ В ГРЕЧЕСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Становление медицинской терминологии в античной Греции лучше всего документирует *Corpus Hippocraticum*. (СН), который содержит свыше 70-ти книг медицинского характера. Гиппократ мог быть автором лишь нескольких произведений (об этом свидетельствует крайняя разнородность СН по содержанию, стилю, языку и времени написания). По традиции к подлинным гиппократовским сочинениям относят несколько трактатов: 1-ю и 3-ю книги "Эпидемий", "О переломах", "О вправлении суставов", "Афоризмы" и некоторые другие. Н. ван Брок ограничивает подлинные произведения двумя трактатами ("О вправлении суставов" и "О переломах")¹.

Медицинские знания греков можно проследить с микенской эпохи. Если верить интерпретации Р. Янко, табличка PY Un 1314 содержит рецепт успокоительного лекарства². Засвидетельствовано слово *i-ja-te* — ἰατήρ, но в целом лишь этимологический анализ позволяет вычлениить некоторые обозначения частей тела: *e-ro-mi-jo* 'плечевые пластины панциря' KN S 8100, свидетельствует, что было известно ὤμος 'плечо' и т.д.

Более полно познания греков в медицине находят отражение в гомеровском эпосе. Сравнение анатомической лексики "Илиады" и "Одиссеи" и трактата *De locis in homine* из СН обнаруживает, что среди сотни слов две трети уже известны из Гомера, хотя не все они имеют ту терминологическую точность, которую приобретают у Гиппократов. Из оставшейся части половина имеет параллели в архаической лирике и у Геродота, современники ранних трактатов СН³.

Некоторые термины, не встречающиеся ни у Гомера, ни в литературе, предшествовавшей СН, могут получить объяснение в пределах ионийского диалекта, на котором писал Гиппократ. Отдельные черты языка СН могут восходить к живому диалекту Коса (например, употребление *ποτί* в трактатах "О переломах" и "О вправлении суставов").

С точки зрения происхождения лексика СН может быть подразделена на индоевропейскую и неиндоевропейскую. Разумеется, такое деление не во всех случаях достаточно отчетливо. Происхождение отдельных медицинских терминов остается неопределенным: ἄδην, ἑνός f. 'железа'; τράχηλος m. 'шея', γάγγραινα f. 'ракообразная опухоль'. Е. Фурне относит их к "догреческим", но все они имеют некоторые соответствия в индоевропейских языках. Ἀδὴν сопоставляется с лат. *inguen* < **ugʷ-en-* 'пах, паховая опухоль', также др.-исп. *phkr* 'опухоль', 'припухлость' и *phkwen* 'опухший'. Τράχηλος, возможно, экспрессивное образование от τρέχω τροχός⁴.

Связь γάγγραινα с γράω отмечали еще древние. Однако в пользу этимологии Е. Фурне, который предложил связывать лат. *cancer* (< **cancro-*) 'рак' с γάγγραινα (субстратное **cancro-/gangro-*)⁵, кажется, может говорить семантическое развитие слова θηρίον n. (уменьшит. от θήρ 'дикое животное, зверь'). В медицинском языке Гиппократов θηρίον имеет значение 'злокачественная язва', которая далее в античной медицинской традиции обозначается словом θηρίωμα (у Диоскорида, Цельса, Галена). Связь γάγγραινα с γράω должна быть оставлена для народной этимологии, хотя не исключена контаминация унаследованного греческим языком индоевропейского γράω с субстратным словом.

Некоторые слова индоевропейского происхождения вызывают спор относительно их образования. Например, в композите ἐρυσίπελας, -ατος n. с чисто медицинским значением 'рожа (воспаление кожи)' обычно ἐρυσι-связывают с прилагательным ἐρυθρός 'красный'⁶. Неоправданной кажется поправка Е. Фурне, предлагающего соотносить первую часть композита с ἐρύω 'тянуть, тащить'⁷. Сам характер болезни, сопровождающейся покраснением кожи, говорит в пользу связи с ἐρυθρός. Как отмечает О. Семерен⁸, ἐρυσι-является параллельной формой к ἐρυθι-, где *υι-* ассимилировалось еще в микенское время; *epikorusijo*, *korisijo*, *zakusijo* = κορυθιο-, Κορίνθιο-, Ζακυνθιο-.

Родосский диалект, где ассимиляция конечного *-ti не произошла, демонстрирует формы ἐρυθίβη, ἐρυθίβιος.

В соответствии с понятиями современной медицины лексика СН распадается на анатомическую, клиническую и фармацевтическую. Неиндоевропейская ("догреческая") лексика у Гиппократа охватывает все основные разделы медицины.

1. Анатомические термины: *σφοῦνδυλος* m. 'позвонок', *σιηγών, -όνος* f. 'щека, челюсть', *δοφῦς, -ύος* f. 'бедро, поясница', *κουλεός* m. 'перикард', *σπογγοί* m. pl. 'миндалины', *μυελός* m. 'костный мозг', *κοτίς* f. 'затылок', *λαπάρη* f. 'бок', *κύλα* n. pl. 'впадины под глазами', *κοτύλη* f. 'суставная впадина', *φάρυγξ* f. 'горло, глотка', *βλέννα* f. 'слизь, мокрота', *λάπη* f. 'слизь, пена', *σίελον* n. 'слюна, синовиальная жидкость'⁹. Следует заметить, что древние придавали большое значение соотношению жидкостей и соков в учении о болезнях.

2. Клиническая лексика: *δοθιήν, ἥνος* m. 'фурункул', *κισρός* m. 'расширение вен, варикоз', *ἥπιαλός* m. 'озноб', *λήθαργος* f. 'летаргия, летаргическая лихорадка'.

3. Лекарства и лекарственные растения (наиболее обширная группа): *ἀμύγδαλον* n. 'миндаль', *ἄραχνη* f. бот. *Heraclеum sphondylium*, *σίδη* f. 'гранат', *κάχρυ* n. 'плод ладана', *κύπερος* m. 'купырь', *ῥέφανος* f. 'редька, капуста', *κίστος* m. 'вид розана', *κώνειον* n. 'цикута' и др.

"Догреческим" медицинским терминам в СН можно противопоставить индоевропейскую по происхождению лексику: *καρδίη* f. < **k̑rd-*, и.-е. **k̑erd-* 'сердце'; *ἥπαρ, -ατος* n. < *ieq̑r, ieq̑r̥tos*, и.-е. ном. **ieq̑r̥t(f)* 'печень'; *γόνυ, γόνατος*, эп. *γούνατος* n. < **ǵon̥u, ǵon̥u̯tos*, и.-е. **ǵen-/ǵon-/ǵn̥eu-* 'колено'; *σπλήν σπληνός* m. 'селезенка', а также *σπλάγχνα* n. pl. 'внутренние органы (сердце, печень, легкие, почки), внутренности' и др.

Характерно, что анатомическая лексика в СН имеет в основном индоевропейскую этимологию, за исключением наименований некоторых жидкостей в организме (*βλέννα, λάπη*). Можно отметить, что словами индоевропейского происхождения обозначены внешние органы, а также те внутренние органы, которые играли большую или меньшую роль при жертвоприношениях и гаданиях по внутренностям. Неиндоевропейская по происхождению лексика показывает внимание "догреческой" медицины к строению и функционированию человеческого организма. Следует, кроме того, иметь в виду, что названия внутренних органов могли прийти через разные языки-посредники. Так, *βρόγχος* m. 'горло, гортань, глотка' можно было бы сопоставить с *φάρυγξ* f. 'горло, глотка', реконструируя для первого **ǵʰr̥gh-* или **b̥r̥gh-*, для второго **ǵʰhr̥g-* или **b̥hr̥g-*.

Эти синонимические обозначения для горла почти укладываются в отмеченную В. Георгиевым модель соответствия *τύμβος — τάφος* (ср. *θάπτω*), где только второй из синонимов соответствует исторической фонетике греческого языка, а первый заимствован из языка, в котором индоевропейская форма отразилась по иным фонетическим законам (*ŋ > um, bh > b*).

В слове *φάρυγξ* можно реконструировать подобную оппозицию: *φάρυγξ* (*ǵ > ar, n̥ > un*, но *bh > ph*), в слове *βρόγχος* наблюдается иное отражение сонантов (*ǵ > ro* в соответствии с эолийской и микенской традициями, *n̥ > n* в позиции после гласного). Обращает на себя внимание метатеза придыхания, будем ли мы восстанавливать: **b̥hr̥g-* наряду с **b̥r̥gh-* или же более правдоподобное — **ǵʰhr̥g-* наряду с **ǵʰr̥gh-*.

Следуя модели В.Георгиева, которую не отвергают начисто и противники теории индоевропейского субстрата в греческом языке, можно считать, что данные слова могут быть предположительно возведены к праформе $*g^k(h)/r\eta g(h)$, несомненно, соотносящейся с корнем $*g^ker-$ 'пожирать', представленным в греческом языке глаголом $\beta\iota\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$. Наличие суффиксального или инфиксального $-n$ можно объяснить только исходя из влияния недошедшей презентной основы с назальным инфиксом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Van Brock N. Recherches sur le vocabulaire médical du grec ancien. Soins et guérisons. P. 1961. P. 59, n. 2.

² Janko R. PY Un 1314: Herbal remedies at Pylos. — Minos. 1981, N.S. 17, F. 1. P. 30—34.

³ Irigoin J. La formation du vocabulaire de l'anatomie en grec du mycénien aux premiers traités de la collection hippocratique//Hippocratica. P., 1980. P. 249.

⁴ Chantraine IV—I. P. 1130.

⁵ Furnée E.J. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague/Paris. 1972. S. 129.

⁶ Frisk I. S. 570: Szemerényi O. Рец. на кн.: Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque//Gnomon, 1971. Bd 43, t. I—II. S. 668.

⁷ Furnée E.J. Op. cit. S. 214. Anm. 60.

⁸ Szemerényi O. Op. cit.

⁹ Для этого слова О.С. Широков недавно предложил и.-е. этимологию, опираясь на сопоставление с арм. Տօրիկ (Широков О.С. Греко-армянские лексические встречи и проблема малоазиатской прародины//Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования. М., 1983. с. 143).

Л.А. ГИНДИН

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЯЗЫКА ДРЕВНИХ МАКЕДОНЦЕВ

Вопрос о генетической принадлежности языка древних македонцев более ста лет остается одной из наиболее дискуссионных проблем древнего балканского языкознания¹. На протяжении всего времени решение данной проблемы при известных оговорках формулируется, как правило, альтернативно: это или своеобразный греческий диалект, или самостоятельный палеобалканский язык наряду с иллирийским, фрако-дакийским и т.п. К тому же не всегда учитывается, что в процессе изучения реликтового языка мы не вправе отказываться от экстралингвистических обстоятельств². Последние в совокупности наводят на мысль о двух аспектах в этнической истории древних македонцев.

Во-первых, это история племени *Μακεδόνες* (или *Μακεῖται*), по традиции, восходящей к Геродоту, обычно отождествляемого с дорийским племенем *Μακεδόν ἔθνος* (Hdt. I, 56; VIII, 43), ср. аппеллатив *μακεδνός* 'высокий, стройный (о дереве)'. Упомянутые македны переселились в центральную Грецию из северо-восточной Фессалии. В этом районе Фессалии есть основания видеть древнейшую территорию обитания македонцев, первоначально действительно входивших в одну племенную группу с македнами, но рано обособившихся и, вопреки общему движению греческих племен к югу,

двинувшихся на север, к эпицентру своего исторического расселения в долине р. Галиакмон³. Третьей ветвью той же племенной группы, содержащей в этнонимах основу мак- (ср. дор. *μάκος* 'длина'), возможно, являлись *Μάκυντες*, продвинувшиеся к Эгейскому побережью Фессалии; их название А. Тойнби выводит из *Мак-δν-ητ-⁴. Для Гесиода (Еоае. Fr. 7) македонцы и магнеты — два братских племени, восходящих к праматери Тии (*Θυῖα*) и связанных с потомками Эллина лишь кузенным родством. Сам этноним *Μακεδόνες* образован аналогично северобалканским формам типа *Μυγδόνες* и пр. с выделением элемента -δων, -δον-, равного фриг. *Γδαν-*, греч. *χθών* 'земля', и правдоподобно толкуется 'жители высокой земли', указывая на древние фракийские связи племени⁵. История македонского переселения на север отразилась в македонской версии фессалийского предания о первых царях, носивших имена *Κόρυμνος* и *Καυεύς* (= макед. *Κάρανος* и *Καυεύς*)⁶. В македонской версии изгнанный братьями *Κάρανος* (= лак. *κάρανος* 'вождь') уходит к царю Фракии Киссею (*Κισσεύς*). Тот обещает царство за помощь против врагов, но после обманывает и пытается погубить Карана. Однако Каран побеждает Киссея и основывает Македонское царство. Здесь отражен второй аспект древнемакедонской истории — история страны, подпавшей под власть македонцев при первых Аргеадах, лежащей в центре палеобалканского региона, гесп. индоевропейской переходной зоны, между греками на юге, фрако-дакийцами, иранцами и т.д. на востоке и северо-востоке, иллирийцами, кельтами, италиками, германцами и пр. на западе. По-видимому, наряду с землями пелагонов, мигдонов и т.д. эта страна включала прародину фригийцев и ареально близких им протоармян⁷. Как показал еще О. Гофманн, расселившиеся здесь македонцы не порывали связей с греками Эллады. Их язык по ряду фонетических признаков обнаруживает определенную близость с диалектами Фессалии⁸. С другой стороны, все исследователи признают наличие в древнемакедонском глоссарии значительного количества военной и административной терминологии, частично заимствованной из греческих диалектов, в том числе из диалектов Аттики и из эллинистического койне, частично создававшегося по греческим образцам в самой Македонии⁹. Это уже третий аспект этноязыковой истории древних македонцев. Однако у нас до сих пор нет надежных критериев для выделения ареальных заимствований из северно-греческих диалектов (на теоретическую необходимость такого выделения справедливо указывает Р. Кроссланд¹⁰). Поэтому статус языка приходится определять, исходя из всей совокупности дошедших лексем с выявляемыми для них изоглоссами и характеризующими их фонетическими особенностями.

Прежде всего бросаются в глаза изоглоссы, соединяющие язык древних македонцев с такими далекими друг от друга разновидностями греческого языка, как лаконский диалект и гомеровский эпический язык. Восстанавливаемые таким образом формы и их значения иногда прямо проецируются на протогреческий уровень. В частности, так можно квалифицировать названия царской дружины и дружинника: др.-макед. *ἄρτια* 'царская дружина' (Xen., Tit. Liv. Polyb., Arr., Hes., Eust. и др.) — лак. 'передовой отряд' при атт. *ἡρέμων*, дор. *ἀρέμων* 'вождь'¹¹ от *ἡρεομαι*, дор. *ἀρεομαι* 'идти вперед, предводительствовать, начальствовать и пр.'; то, что речь идет именно о греческой семантической инновации, подтверждается значениями ин-

доевропейских соответствий: лат. *sāgio* 'тонко ощущаю', 'чую', гот. *sokjan* 'искать, нападать', др.-ирл. *saigin* 'разыскивать, искать', может быть, хетт. *sak-hi* 'знать'¹²; др.-макед. *ἑταῖρος* 'член дружины' (Athen., Polyb. и др.) — гом. *ἑταῖρος* то же, **s(w)eti-* 'свой человек' при *ἑτης* 'родич' (этимологически 'свояк', т.е. 'свой не по крови') = др.-русск. *сватъ* и т.д.¹³; собственно македонской инновацией является значение 'член конной дружины', потребовавшее для пехотинца особого обозначения *πεῖσαῖρος* (Agt., Demosth., Pollux)¹⁴.

В других случаях этот язык сохраняет такие формы и значения, которые лишь реконструируются для протогреческого языкового состояния. Так, на основании слов *δυσ-θανής* 'умерший безвременной смертью', *δις-θανής* 'дважды умирающий или умерший'¹⁵, *ἀρτι-θανής* 'только что умерший' восстанавливается форма *θάνος 'смерть'¹⁶. Эту реконструированную форму отражает др.-макед. *δάνος* 'смерть', засвидетельствованное у Плутарха (Mog. 22 с: ... *ῥιγεδανή, κακothάνατος* ἐστὶν εἰδέναι δανον γὰρ Μακεδόνες τὸν θάνατον καλοῦσι) в его комментарии к гомеровскому эпитету Елены *ῥιγεδανός* (Т 325). Если современные исследователи производят эту форму в значении 'бросающий в дрожь' (букв. 'леденящий', 'ужасный' от *ῥιγέω* 'леденеть, цепенеть от ужаса и пр.' через постулирование субстантива *ῥιγεδων и причисляют ее к той же словообразовательной модели, что и *οὐτῖδανός* 'ничтожный', *ληθεδανός* 'несущий забвение'¹⁷, то Плутарх выделяет *-данос* в качестве второй части композита, переводимого им *κακothάνατος* 'несущая злую смерть'. О том, что др.-макед. *δάνος* отнюдь не изобретение Плутарха, как думает Ж. Каллерис¹⁸, может свидетельствовать др.-макед. *δανῶν* 'убийца' (*κακοποιῶν, κτείνων* Μακεδόνες — Hes.¹⁹); ср. греч. причастие аориста *θανῶν* 'умерший, убитый' < и.-е. **dhwǵs-ont-* 'смертельный'²⁰, ср. упомянутое *δυσθανής*, но *δυσthάνατος* 'причиняющий безвременную смерть'. Относительно самого *ῥιγεδανός* не исключена возможность сохранения в языке Гомера своего рода 'македонизма' в виде основы композита, позднее осмысленного в рамках греческой словообразовательной системы, но первоначально отражавшего древнейшую протогреческую форму данного субстантива.

Большой интерес в означенном плане может представлять др.-макед. *ἀργίπους ἄετός*. Μακεδόνες (Hes.). Оно поразительным образом "Laut für Laut", по выражению Гофманна, формально тождественно в первой части, при идентичности семантики, вед. *ṛjīrua* 'sich streckend (im Laufe oder Flüge), eilend' — эпитету хищной птицы (орла, сокола — *śyēna*)²¹, авест. *ərəzi-fya* 'орел' (ср. *ἄρξίφος ἄετός παρὰ Πέροαις* — Hes.), арм. *arcui* (< *arci-wi) то же²², далее греч. (начиная с Гомера) цельнолексемное соответствие *ἀργυ-πίος* 'коршун, ягнятник', вероятно, к *ἀργυ-πίος под влиянием *αἶξ* 'коза' и *γύψ* 'коршун'²³.

Приведенная изоглосса, в случае достоверности, дает право рассматривать древнемакедонское слово в качестве пережитка того периода, когда протогречи, наряду с индоиранцами и армянами, образовывали единый протоисторический ареал (Северо-Западное Причерноморье — северо-восток Балкан) до прихода греков в центральные части Балканского пояса²⁴.

Перейдем к протогреческим пережиткам на фонетическом уровне. Здесь, по-видимому, до сих пор сохраняет убедительность мнение Креч-

мера, что отражение этимологических придыхательных в виде звонких в греческой передаче македонских глосс более, чем показания собственно протогреческих диалектов, позволяет представить протогреческое (близкое к праиндоевропейскому) состояние²⁵.

Попытка Г. Хадзидакиса доказать вторичный характер древнемакедонских звонких по отношению к греческим глухим придыхательным не кажется убедительной, поскольку требует спонтанного, не зависящего ни от каких позиционных условий преобразования одной из серий смычных²⁶. Причем признание подобного преобразования представляло бы практически отказ от идеи греческой инновации в процессе оглушения звонких придыхательных и ставило бы по этому важнейшему параметру язык древних македонцев на один уровень с обычными греческими диалектами. Типологические данные — слияние звонких смычных и придыхательных в один ряд в балтийских, славянских, кельтских, иранских, по-видимому, частично в иллирийских и фрако-дакийских диалектах — говорят в пользу изначальной артикуляторной близости указанных рядов смычных и подтверждают древность македонского состояния в качестве протогреческого пережитка. Четкие корреспонденции типа греч. *Φέροια* ~ др.-макед. *Βέροια*, греч. *Φίλιππος* ~ др.-макед. *Βίλιππος*, греч. *κεφαλή* 'голова' ~ др.-макед. *κεβαλή* (Maced.) · *κεφαλη* (Hes.) (возможно, заимствование из греческого при собственно македонской форме *γαβαλάν* (Maced.) · *ἐγκέφαλον*, *ἢ κεφαλή(ν)* — Hes.) и пр. (специально St. B.; Et. M. 195, 36, s. v. *Βέροια*, с указанием на замену *φ* на *β* в македонском, и др. источники) скорее склоняют к мысли, что разница заключается в способе артикуляции смычных придыхательных данной серии: в языке древних македонцев они продолжали произноситься звонко, а в греческих диалектах метрополии в результате инновации — глухо, может быть, не без воздействия догреческих "средиземноморских" субстратных языков. Поэтому греческая фиксация *κεβαλή*, видимо, закономерно отражала туземное **kebhālē* — единственно возможное в устах древних македонцев произношение греч. *κεφαλή*²⁷.

Подобным же пережитком протогреческого состояния в языке древних македонцев предстает сохранение *s* в интервокальном положении. К сожалению, эта черта устанавливается на основе единственного бесспорного примера: др.-макед. *ἄλιζα ἢ λεύκη τῶν ἐνδρῶν*. *Μακεδόνες* (Hes.), видимо, 'серебристый тополь'²⁸ ~ др.-в.-нем. *elira* 'ольха', гот. в исп. *alisa* то же, русск. *ольха*²⁹ < праслав. **olъxa* < **olisā*, лит. *alksnis* то же, лат. *alnus* < **alsnos* то же и т.д.³⁰, причем древнемакедонское слово явно заимствовано из географически близких языков, располагавшихся к северу от балканского ареала расселения древних македонцев (см. ниже) и, что особенно показательно, не обнаруживает каких-либо следов в древнегреческом.

Однако, кажется, имеется возможность добавить еще один яркий пример на сохранение *-s-* в древнемакедонском, если признать весьма правдоподобную этимологию глоссы *τελεσιᾶς* *Μακεδονικῇ δ' ἐστὶν αὐτῇ ἢ ὄρχησις*... (Athen. XIV, 629d), согласно Гофманну, вид военного танца³¹ < и.-е. **k^hel-es-iā(s)*. ср. греч. *τέλος* 'конец, цель и пр.' < и.-е. **k^heles-*, далее праслав. **kolo*, gen. *kolese* < и.-е. **k^holes* (= греч. *πόλος* 'ось', 'круговой путь, оборот и пр. '); к семантике др.-макед. глоссы см. с.-хорв. *kolo* 'круг, вид танца', др.-инд. *cārati* 'двигается, шатается и пр.'³². Таким образом, сохранение *-s-* интервокального, как, возможно, и звонкого придыхатель-

ного (или его деаспирация), вопреки мнению Х. Барича³³ и др., отнюдь не отрывало языка древних македонцев от протогреческого диалектного континуума. Вместе с тем для объективного суждения о статусе языка древних македонцев явно недостаточно основываться на утверждении генетической близости этого языка греср. этноса к греческому (особенно к дорийскому диалекту) на уровне протогреческой диалектной общности. Как уже говорилось в экстралингвистической части, этническая история племени македонцев, исключительно рано оторвавшихся от протогреческого племенного континуума (*terminus ante quem* — датировка критомикенских табличек, т.е. XV в. до н.э., стереотипно греческих в отношении и.е. МА и интервокального *s*), сложилась таким образом, что они населили территорию в центре палеобалканского ареала, где оказались в исторический период на пересечении северобалканских и собственно греческих ареальных влияний. Поэтому статус языка древних македонцев следует рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах: не только генетическом, но и ареальном, — в соответствии с чем этот язык обнаруживает достоверные и сравнительно многочисленные сближения с языками северных Балкан³⁴. В ареальном отношении особенно показательны следующие фонетические наблюдения. С одной стороны, в крайне ограниченных реликтах древнемакедонского языка известны случаи с оглушенной артикуляцией придыхательных, аналогично греческому, причем в словах с надежными северобалканскими параллелями, например, др.-макед. эпиклеза Ареса: *Θαῦμος* (вместо *Θαῦλλος* ?³⁵ или *Θαῦλιος* ?³⁶) ἢ *Θαῦλος*. 'Αρης Μακεδονίος (Hes.), стоящее в том же словаре перед чисто греч. *θαῦνον* *θηρίον* 'зверь'; *Θαῦλια* [ном. pl.]· *έορτή ἀχθεῖσα ὑπὸ Κτεάτου* *παρ' ὃ καὶ θαλῶλιεω* [*φαοί*] *λέγει* *τοὺς Δωριεῖς*³⁷ 'праздник, введенный Ктеатом, по нему, известно, дорийцы говорят и *θαλῶλιεω*' (Hes.); *Θαλωνίδαί*· *γένος ἰθαγενῶν Ἀθήνησι* 'род коренного населения в Афинах' (Hes.), который, согласно Нильсону³⁸, руководил церемонией Буфоний.

В плане идеи незаконномерного оглушения придыхательных в данных македонских глоссах особый интерес представляют илирийские местные имена *Δαυλία*, *Δαυλις*³⁹ и глосса Гесихия: *Δαυλις*· *έορτή ἐν Ἀργεῖ* 'праздник в Аргосе'. Та же *l*-основа в меонийском эпитете Гермеса *Κανδαῦλα* (voc.) = *κυνάργα* 'душител ь пса' или 'пес-душител ь', согласно Hipponax, fr. I; ср. *Κανδαῦλας*· *Ἑρμῆς ἢ Ἡρακλῆς* (Hes.), *Κανδαῦλης* — личное имя в Малой Азии⁴⁰; производная и.е. корневая основа **dhāu-*, в фриг. *δά[F]ος* ... *ὑπὸ Φρυγῶν λύκος* 'у фригийцев волк' (Hes), ср. праслав. **daviti*, греч. *θῶς*, *θω[F]ός* 'шакал', ср. фрак. эпитет Ареса у крестонян *Κανδάων*, *Κανδαῖος* (Lycophr. Alex. 328, 937, 1410)⁴¹, фрак. этноним *Δᾱοί*⁴², лат. *Faunus*⁴³. С другой стороны, в языке древних македонцев прослеживается влияние северобалканских языков с тенденцией к передвижению согласных даже в словах, претендующих на статус протогреческих пережитков: *ἀρκόν*· *σχολήν*. *Μακεδόνες* 'досуг, праздность' (Hes.) ~ греч. *ἀργός* < *ἀ[F]εργός* 'бездеятельность, праздность' (начиная с Илиады)⁴⁴; *κόμβους*· *δδόντας γομφίους* 'коренные зубы' (асс. pl. — Hes.) ~ греч. *γόμφοι* 'гвозди', 'шпы', начиная с Илиады — 'колышки', "звук в звук" совпадает с др.-инд. *jambha* = слав. **zobъ* = лтш. *zùobs*, ср. тох. А *kam*, алб. *dhëmb* — все со значением 'зуб'⁴⁵; следующий пример замены звонкого зубного глухим, сопутствуемый развитием глайда, менее надежен, т.к. не вполне ясен характер

начального гласного: *κάναδοι* (Maced.) *σαγόνες, γνάθοι* 'челюсти', 'щеки' (Hes.) — греч. *γνάθοι* то же⁴⁶, но ср. без распространителя греч. *γείνυς* то же, лат. *gena* 'щека', др.-инд. *hanuḥ* 'челюсть'⁴⁷; кроме того, Георгиев указывает на необходимость учитывать в качестве македонского слова *κνάδαλλεται· κνίθεται* (Hes.) 'скребет, расчесывает', греч. *κνίθω* 'скребу и пр.', лит. *kāndu* 'кусаю'⁴⁸; к этому разряду фонетических явлений можно отнести *ἄβροῦτες ὄφρυς*. *Μακεδόνες* 'брови' (Hes.) (в другой записи глоссировано формой мн. ч.)⁴⁹, греч. *ὄφρυες* то же, если не объяснять вслед за Гофманном (ibid.) и др., опиской переписчика наличие Т майускульного в исходе основы на месте F после глайда и-дифтонга, ср. *ἔβροτες* по Cyrill. (Schmidt. IV, 352); аутентичность письменной фиксации глоссы Гесихия может быть поддержана др.-русс. локализмом *бруди* мн. 'волосы на лице, растущие от виска к щеке'⁵⁰.

В лексике еще яснее ощутимы результаты автономного развития языка древних македонцев, проходившего под постоянным ареальным воздействием со стороны северобалканского языкового окружения, о чем прежде всего свидетельствуют негреческие проникновения из палеобалканских языков (или через их посредство) в этот первоначально протогреческий диалект. Еще Гофманн отметил очень важный в лингвогеографическом отношении момент: почти все немногие дендронимы в языке древних македонцев негреческого происхождения, — и указал, в частности, помимо рассмотренного выше *ἄλιζα* 'серебристый тополь', на *ἱλαξ· ἡ πρῶτος ὡς Ῥωμαῖοι καὶ Μακεδόνες* 'падуб у римлян и македонцев' (Hes.) = лат. *ilex* то же⁵¹. Добавим к ним: *γράβιον· φανός* ... 'факел', *γράβιον ἔστιν τὸ πρῶτον ἢ δρύινον ξύλον, ὃ ... ἐξάπτεσθαι καὶ φαίνειν τοῖς ὁδοιποροῦσιν γράβιον* 'это кусок [полено, палка] каменного дуба или дуба [обыкновенного], который ... прикрепляют и светят путникам' (Amerias у Athen. XV 699e)⁵² ~ умбр. (< иллир.) *Grabovius* — эпитет Юпитера в Игувинских таблицах 'дубовый'⁵³, др.-прусс. *wosi-grabis* 'бересклет, Spindelbaum', праслав. *grabъ, *grabina 'граб, Carpinus betulus' и пр.⁵⁴; *ἄξος· ὕλη παρὰ Μακεδόνων* 'лес' (Hes.) ~ греч. *δξύη* 'бук'⁵⁵, алб. *ah* (< **ask-* или **osk-*) то же, арм. *hac'i* (< *oskija) 'ясень', др.-в.-нем. *ask* то же, др.-исп. *askr*⁵⁶.

Итак, проделанная в направлении, намеченном Кречмером, работа приводит нас к следующему выводу. Вопрос о статусе языка древних македонцев может и должен решаться в динамическом взаимодействии двух аспектов проблемы: генетически — это чрезвычайно архаический протогреческий диалект, ареально — оригинальный язык центрально-балканской зоны, достаточно четко отграниченный от других реликтовых языков Балканского п-ова⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор основной литературы см.: *Katičić R. Ancient languages of the Balkans*. The Hague, Paris, 1976. Vol. I. P. 100–116; из новейших работ см.: *Ködderitzsch R. Brygisch, Pölonisch, Makedonisch//Балканско езикознание*, 1985. Т. XXVIII, № 4. С. 17–41, с признанием древнемакедонского особым древнебалканским языком, "сильно грецизированным".

² Справедливое суждение на этот счет см.: *Crossland R.A. Linguistic problems of the Balkan area in the late prehistoric and early classical period//Cambridge Ancient History*. Ed. 2. 1982. III. P. 834 (отдельный оттиск).

³ Hammond N.G.L. A history of Macedonia. Oxford, 1972. Vol. 1. P. 273–276; Toynbee A. Some problems of Greek history. L., 1969, P. 64–86.

⁴ Toynbee A. Op. cit. P. 66.

⁵ Гиндин Л.А. Элемент $\delta\omega\nu$, $\delta\omega\nu$ в реликтовых языках Балканского п-ова//Сб. в чест на акад. В. Георгиев. С., 1980. С. 180–182; еще ранее Хаммонд, не вдаваясь в этимологические тонкости, заметил, что этноним Μακεδόνες 'высокие' должен толковаться исключительно в смысле highlanders, см.: Hammond N.G.L. Op. cit. P. 309.

⁶ Основные источники: Hygin. Tab. 219; Euphorion. Fr. 24; Paus. IX. 40, 8; Justin. VIII. 1.7. Подробный анализ предания см.: Hoffmann O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906. S. 123–126; Daskalakis A. The Hellenism of the ancient Macedones. Thessaloniki, 1965. P. 98–110.

⁷ К истории расселения македонцев см.: Hammond N.G.L. Op. cit. P. 430–441; Toynbee A. Op. cit. P. 136–161; Daskalakis A. Op. cit. P. 8–13; Cloché P. Histoire de la Macedoine jusque l'avènement d'Alexandre le Grand. P., 1960. P. 29–31; о фригийцах и бригийцах Βρύγες – Hdt. VII, 73; Strabo. VII, 295, 330 и пр.: Βρύγοι – Hdt. VI. 45; VII, 185; Βρύγοι καὶ Βρύγες – Strabo. XII, 550 и др. авторы) в Македонии см.: Fick A. Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Göttingen, 1873. S. 408–410; Hammond N.G.L. Op. cit. P. 407–414; Haas O. Das Problem der Herkunft des Phryger und ihrer Beziehung zu den Balkanvölkern//Acta antiqua, 1970. XVIII. S. 31–69 и др. его работы.

⁸ Hoffmann O. Op. cit. S. 111, f. (анакopa предлогов, переход $\delta > \tilde{u}$).

⁹ Ibid. S. 83; специально об отношении языка македонцев к койне – S. 23–33; Kalleris J. Les anciens Macédoniens. Athènes, 1954. Vol. I., passim, с попытками объяснить значительную часть чисто греческих элементов на базе самого македонского, который он считает, в свою очередь, обычным греческим диалектом (P. 288 и др.); Crossland R.A. Op. cit. P. 844; f.; Katičić R. Op. cit. P. 109.

¹⁰ Crossland R.A. Op. cit. P. 845, f.

¹¹ Впервые об общегреческом, точнее протогреческом характере формы $\tilde{\alpha}\eta\mu\alpha$, см.: Hoffmann O. Op. cit. S. 85, f.; также Kalleris J. Op. cit. P. 80 s.

¹² Frisk I. S. 621, f.; Chantraine II. P. 405, s. и др. словари.

¹³ Frisk I. S. 581, f.; Chantraine II. P. 381, s.; Фасмер III. С. 570; 338, s. v. *посетить*, которое "по-видимому, ... от *сѣтъ 'гость' " = $\text{F}\tilde{\epsilon}\tau\eta\varsigma$.

¹⁴ Hoffmann O. Op. cit. S. 76, 115, 118–121; ibid. S. 93 – об общем для македонцев и македнов празднестве ἑταφρῆια в честь Зевса (Ζεὺς ἑταφρῆϊος); Daskalakis A. Op. cit. P. 31, s.

¹⁵ Специально о гомеровском гапаксе διοφανέες см.: Гиндин Л.А. Ритуально-мифологический смысл X песни "Одиссеи"//Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 197.

¹⁶ Hoffmann O. Op. cit. S. 75, f.; против без аргументации: Chantraine II. P. 423; также ср.: Boisacq. P. 333 ($\approx$ ирл. *du(i)ne*, галл. *dyn* 'смертный' < пракельт. *dunjos).

¹⁷ Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. P., 1979. P. 362; Chantraine, IV–1. P. 937. Schwyzler E. Griechische Grammatik. 4 Aufl. München, 1968. Bd. I. S. 530.

¹⁸ Kalleris J. Op. cit. P. 143–147.

¹⁹ Глосса Гесихия привлечена уже О. Гофманном (Op. cit. S. 76); там же об аутентичности фиксации $\delta\alpha\nu\tilde{\omega}\nu$.

²⁰ К реконструкции см.: Pokorny I. S. 266; Frisk I. S. 653; Chantraine II. P. 423; Schwyzler E. Op. cit. S. 362.

²¹ Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. 4. Aufl. Wiesbaden, 1954. S. 279, 1418.

²² Hoffmann O. Op. cit. S. 45, f.; Frisk I. S. 132, 33; Chantraine I. P. 104, 31; Mayrhofer I. S. 120. О. Гофманн (ibid.) предлагает весьма аргументированную конъектуру нотации др.-макед. $\delta\rho\gamma\acute{\iota}\text{-}\mu\omega\varsigma$, права его на * $\delta\rho\gamma\acute{\iota}\text{-}\mu\omega\varsigma$, из которого первое возникло под народно-этимологическим воздействием греч. $\delta\rho\gamma\acute{\iota}\mu\omega\varsigma$ в гом. $\delta\rho\gamma\acute{\iota}\mu\omega\varsigma$ $\kappa\acute{\upsilon}\nu\alpha\varsigma$ 'быстроногих собак' – $\Omega 211$; к трансформации второго компонента ср. $\pi\acute{\omega}\lambda\mu\omega\varsigma$, обычно употребляемое в форме $\mu\omega\lambda\acute{\upsilon}\mu\omega\varsigma$, - $\mu\omega\lambda\omega\varsigma$ (ε432) и т.д. (Frisk II, S. 434); изложение другого, на наш взгляд менее убедительного, толкования в качестве квази-македонской глоссы $\delta\rho\gamma\acute{\iota}\text{-}\mu\omega\varsigma$ как 'белопалый' (по цвету перьев вокруг ног) см.: Kalleris J. Op. cit. P. 239, с лит.

²³ Frisk I. S. 33, 132; Pokorny I. S. 64, 854, f., ср. Chantraine I. P. 31; специально о правомочности эмэндации Гофманна см.: Гиндин Л.А. Проблемы лексикологии в словаре Гесихия и этимология//Этимология 1984. М., 1986. С. 40–43.

²⁴ Включение данной глоссы в дошедшей фиксации в число "древнемакедонско-гомеровских изоглосс" (см.: *Неврознак В.П.* Палеобалканские языки. М., 1978. С. 171) неправомерно, поскольку в неисправленном виде глоссовое *ἀργίπους* — обычное древнегреческое слово, что и утверждает Каллерис в соответствии с своей этимологией, изложенной выше (см. примеч. 22).

²⁵ *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 287, f.; то же ср.: *Georgiev VI.* La toponymie ancienne de la peninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961. P. 28.

²⁶ *Hatzidakis G.N.* Zur ethnologie der alten Makedonen//IF, 1900. Bd. XI. S. 318, f. также *Daskalakis A.* Op. cit. P. 63, s.

²⁷ Относительно закономерности передачи через греч. β др.-макед. *bh весьма убедительно см.: *Kretschmer P.* Op. cit. S. 287—288.

²⁸ По поводу такой идентификации фитонима см.: *Kalleris J.* Op. cit. P. 90, с лит.

²⁹ *Kretschmer P.* Makedon. ἀλῆα//Glotta, 1927. 15. S. 305, f.; *Idem.* Nordische Lehnwörter im Altgriechischen//Glotta. 1934. 22. S. 104, f.

³⁰ Frisk I. S. 73; Pokorny I. S. 302, f.

³¹ *Hoffmann O.* Op. cit. S. 91, f.

³² *Georgiev VI.* Op. cit. P. 28; *Pisani V.* La posizione linguistica des macedone//Revue Internationale des Etudes Balkaniques. 1937. Vol. I, N 5. P. 30; о греч. τέλος н., τέλομαι и пр. πόλος, πέλομαι см.: Frisk II, s. v.; Chantraine IV—1. P. 1101, f.; III, P. 327, f.; Pokorny I. P. 639.

³³ *Barić H.* Ilirske jezične studije. I. O ilirskom karakteru staromakedonskog jezika. Zagreb, 1948. S. 5. (Rad JAZU, knj. 272, sv. 2).

³⁴ Необходимо подчеркнуть, что излагаемая концепция почти полностью примыкает к соображениям Кречмера, высказанным еще в его "Введении" (*Kretschmer P.* Op. cit. S. 283—288).

³⁵ *Hoffmann O.* Op. cit. S. 94, f.; там же указание на неожиданность появления глухого придыхательного на месте звонкого в македонском.

³⁶ Frisk I. S. 655.

³⁷ Конъектура Шантрена, см.: Chantraine II. P. 424.

³⁸ *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1941. Bd. I. S. 141, f.

³⁹ *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Wien. I. 1957. S. 115; II. 1959. S. 35.

⁴⁰ *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 213.

⁴¹ *Deichschew.* S. 225.

⁴² Ibid. S. 116, f.

⁴³ *Walde-Hofmann I.* S. 468; общую сводку материала см. в цитированных этимологических словарях.

⁴⁴ Ср.: *Hoffmann O.* Op. cit. S. 64, f; совершенно неприемлемо объяснение перехода -рγ- > -рк- влиянием соседнего плавного: *Kalleris J.* Op. cit. P. 110.

⁴⁵ Без этнической атрибуции, как и нижеследующее *καναδοι*, включено Гофманном и вслед за ним некоторыми другими учеными в коллекцию древнемакедонских глосс (*Hoffmann O.* Op. cit. S. 52); ср.: Frisk I. S. 319, f.

⁴⁶ Гофманн (ibid.) трактует без колебания; с ссылкой на него см.: Frisk I. S. 316; против отождествления глоссового слова с греч. γνάθος : Chantraine I. P. 230.

⁴⁷ Frisk I. S. 298. 316; Chantraine. Ibid.

⁴⁸ *Georgiev VI.* Op. cit. P. 27; там же излишнее предположение о заимствовании последних двух глосс Гесихия в древнемакедонский из фригийского, в котором, по его мысли, передвижение согласных было регулярным. Г. Краз без особой аргументации считает обе глоссы, как и многие другие, даже атрибутированные в качестве древнемакедонских, иллирийскими (*Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. I. Die Quellen. Wiesbaden, 1955. S. 43, f.).

⁴⁹ *Hoffmann O.* Op. cit. S. 51.

⁵⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Т. I. С. 339; отождествление предложено В.Л. Цымбурским (см.: *Цымбурский В.Л.* О связях древнемакедонского языка с балтославянским//Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология: Тез. симпоз. М., 1980. С. 74); более детально см.: *Гиндин Л.А.* Проблемы лексикологии в словаре Гесихия ... С. 41; неприемлема точка зрения Каллериса, что в македонской глоссе речь идет не о "различии" β и φ, но о различии βρ и φρ (*Kalleris J.* Op. cit. P. 80).

⁵¹ Hoffmann O. Op. cit. S. 42; также Kretschmer P. Einleitung ... S. 164; Walde-Hofmann I. S. 678 – в поддержку эмэндации Гофманна.

⁵² Цитируется по: Hoffmann O. Op. cit. S. 10.

⁵³ Специально с литературой и утверждением макед.-иллир. принадлежности см.: Krahe H. Op. cit. S. 83.

⁵⁴ Frisk I. S. 323 (из иллир.); Фасмер I. С. 449 (макед. с ссылкой на Афиней); ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 99 и сл. (макед.).

⁵⁵ Barić H. // Indogermanisches Jahrbuch. III. S. 156 (цит. по Kalleris J. Op. cit. P. 96); апробировано: Pisani V. Op. cit. P. 27; ср. сомнение по поводу выведения макед. глоссы из греч. ἄξυλος ὕλη 'богатый дровами лес' (Λ 155) и пр. при древнемакедонском гидрониме Ἀξίος и местном названии Λίπαρος – Hoffmann O. Op. cit. 38. Каллерис, опираясь на отождествление, предложенное Фиком, макед. ἄξος с крит. ἄξος (< *Fay- 'ломать, рубить и пр.') = ἄγμος 'перелом, разлом', согласно St. B., s. v. ὄαξος, считает чисто греческим (Kalleris J. Op. cit. P. 96–98; к тому же склонен словарь: Liddell H. G. – Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1948. P. 172. В последнем равновероятном случае (отсутствие начальной F в Ἀξίος вопреки Гофманну – там же, не может быть непреодолимой помехой) данную др.-макед. глоссу следует квалифицировать как протогреческий пережиток в лексике наряду с рассмотренными выше.

⁵⁶ Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. Straßburg, 1891. S. 4; Frisk II. S. 400; Джаукян Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982. С. 66.

⁵⁷ Приношу глубокую благодарность В.Л. Цымбурскому, оказавшему мне существенную помощь в сборе материала и обсуждении основных положений работы.

Л.А. ГИНДИН, В.Л. ЦЫМБУРСКИЙ

О ЕЗЕРОВСКОЙ НАДПИСИ И ФРАКО-ЭТРУССКИХ СВЯЗЯХ: ПРОБЛЕМЫ МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ

Надпись на золотом перстне из с. Езерово (окрестности Пловдива, Болгария), несмотря на то что со времени ее сенсационного издания Б. Филовым¹ прошло более 70 лет, до сих пор остается единственным крупным и в то же время надежно читаемым, но пока однозначно не дешифрованным текстом на языке, по историко-культурным соображениям отождествимом с языком фракийцев. Филов датировал надпись V в. до н.э., основываясь на форме перстня, особенностях графики надписи и стиля предметов, главным образом архаического зеркала, найденных вместе с перстнем в одном могильном холме². Такая датировка в целом остается общепринятой. За это время в научный оборот вошли граффити из Дуванлы и большой текст из с. Кельмен, однако историко-лингвистическая ценность первых снижается из-за их краткости, что же касается Кельменской надписи, то она, будучи, возможно, древнейшим (VI–V вв. до н.э.) текстом на одном из фракийских диалектов, представляет определенные эпиграфические трудности, проявившиеся в возможности нескольких расходящихся чтений³. Поэтому понятно обостренное внимание фракологов и индоевропеистов в первую очередь к надписи из с. Езерово, длина которой (61 знак), даже при отсутствии словораздела, не оставляет сомнения в наличии у нее синтаксической структуры, а чтение не вызывает никаких трудностей: ΡΟΛΙΣΤΕΝΕΑΣΝ||ΕΡΕΝΕΑΤΙΑ||ΤΕΑΝΗΣΚΟΑ||ΡΑΣΕΑΔΟΜ||ΕΑΝΤΙΛΕΖΥ||ΠΤΑΜΙΝΕ||ΡΑΖ||ΗΛΤΑ.

В определении прагматики текста к настоящему времени достигнуты явные успехи. Бросается в глаза, что многие известные тексты из Фракии VI—V вв. до н.э. (время усвоения фракийцами ионийской графики) как-то связаны со сферой погребальной обрядности: такова Кельменская надпись на нижней стороне могильной плиты; таковы граффити из Дуванлы — пометки на вещах, уходящих в землю вместе с владельцами⁴. Все это опровергает попытку Пизани применить к фракийским памятникам сделанный на итальянском материале вывод Э. Феттера, будто "бытовые предметы, находящиеся в могилах, ... не были ни изготавлиемы для погребений, ни снабжаемы надписями, относящимися к погребению"⁵. Во Фракии дело обстояло иначе: здесь связь ранних памятников письменности с погребальным культом очень заметна⁶. Езеровский перстень явно принадлежит к той же сфере традиции, будучи найден с другими изделиями под небольшим холмом (высота ок. 1 м), внутри круга из камней диаметром 2 м 60 см (обычный для данной области тип захоронений, скрывающих кремнированные останки усопших)⁷. Определенность культурно-исторического контекста составляет надежную основу изучения надписи при всей, отмеченной еще П. Кречмером, уникальности ее в античном мире, не знакомом с надписями подобной длины на перстнях⁸.

Еще в начале 30-х годов в работах Д. Дечева и И. Коржинека были выдвинуты сильные доводы в пользу особых, небытовых, функций перстня необычно большой величины (диаметр 27 мм, размер подвижного щитка 17 x 22 мм) с надписью не на выпуклой, а на плоской, т.е. внутренней стороне щитка⁹. Если И. Коржинек думал о магической функции обращаемой внутрь надписи, то Д. Дечев, сопоставляя инвентарь езеровских находок и инвентарь могильника из Требнице, оценил перстень как вещь, не пригодную ни для ношения, ни для использования в качестве печатки, но предназначенную для описанного Геродотом (V, 8) обряда торжественного экспонирования усопшего. В исследованиях последних десятилетий все более прочно утверждается мнение о приурочивании изготовления перстня к погребальной процедуре и о наиболее вероятной соотнесенности текста с актом ухода фракийца (или фракиянки, о чем скорее говорят прочие вещи — диадема, зеркало, кольцо, ложечка, браслет) из мира живых. Впрочем, такая трактовка едва ли исключает мысль о магической роли текста. Во всяком случае, определение потенциальной прагматики надписи полезно уже в силу того, что попытки ее прочтения на известных языках (греческом, грузинском, литовском и т.д.), как правило, не учитывают этого важного момента.

Наибольшие трудности представляет анализ собственно языкового строения надписи: длины текста совершенно недостаточно для разбиения его при помощи формально-комбинаторных методов, что ставит характеристику синтаксического строения в зависимость от разнообразных субъективных конъектур исследователей. Очерченная глобальная смысловая схема не позволяет сделать обоснованного выбора между теми вариантами разбиения, интерпретация которых как-то укладывается в ее достаточно широкие рамки. Средством такой интерпретации часто служит этимологизирование вычленяемых отрезков при помощи сравнительного индоевропейского словаря. На этом пути возникло немало интересных догадок. Так, типологически хорошо обоснованный постулат о вероятном присут-

ствии в тексте глагольных и/или местоименных показателей 1 л. ед. ч. позволил предположить в сегменте ...ΣΚΟ... презентное окончание глагола на -σκ-, а затем в ...ΑΣ(N)... соответствующее местоимение (=др.-инд. *ahám*, авест. *azəm*, арм. *es*, лит. *aš*, слав. *azъ*) и т.д.¹⁰ Однако слабость этимологического критерия проявляется, во-первых, в самой множественности инспирируемых им потенциальных разбиений одного и того же речевого отрезка на неизвестном языке, а, во-вторых, в затруднительности разграничения с его помощью продуктивных решений от произвольных конъектур (вероятность которых особенно возрастает, когда по созвучию толкуются отдельные отрезки надписи, взятые независимо от текста в целом).

Немногом лучше дело обстоит с попытками выделения из надписи известных по другим источникам фракийских собственных имен. Хотя сопоставление РОΛΙ- с дак. ЛΙ Ρῶλης, топонимом Ρολλιγέρας безошибочно обнаруживает присутствие в начале надписи личного имени¹¹, однако уже известное по многим работам сопоставление ...ΑΡΑΖΕΑ... и ...ΤΙΛΤΕΑ..., соответственно с этника Ἀράζιοι и Τιλταῖοι¹², выглядит далеко не столь обязательным: город аразиев Ἀράζος, по Стефану Византийскому, лежал у Понта (St. B. s.v.); тилатаев Фукидид (II, 96) помещает в Мисии к западу от р. Оский (Искр), рядом с трерами и трибаллами. Следовательно, речь идет о племенах, обитающих в разных концах фракийского мира и в обоих случаях очень далеко от места нахождения надписи. Разумеется, упоминание как тилатаев, так и аразиев в надписи отнюдь не исключено: оно столь же возможно, сколь и проблематично. Говорить о присутствии в тексте данных этника можно только с очень серьезными оговорками (даже в случае правильного проведения словесных границ выделяемые лексемы могут соответствовать не названиям племен, но фракийским апеллативам, лежащим в основе этих названий, ср., например, предложенное Дечевым правдоподобное сближение Τιλταῖοι и теонима Τιλθαῖς — божество, тождественное Сильвану, — с лит. *tiltas* 'мост' и пр.¹³).

С учетом результатов 70-летней работы над первым фракийским текстом, в стороне от которой не остался, пожалуй, ни один из заметных специалистов по языкам древних Балкан, хотелось бы рассмотреть недавнюю заметку В.Э. Орла относительно вычленения в Езеровской надписи гипотетических "этрусцизмов"¹⁴. Характер аргументации автора не может не вызвать серьезных критических замечаний со стороны тех, кто знаком с историей исследования надписи, равно как и с достижениями современной этрускологии. Эта аргументация сводится к следующему: 1) сегмент ...ΑΡΑΖΕΑ...¹⁵ созвучен не только фрак. Ἀράζιοι, но и этрусскому женскому имени *araziia* (TLE 24 — надпись из Рима VI в. до н.э.), при мужском — *araz* в римской надписи той же эпохи¹⁶ (варианты, соответственно, к *arathia* и *arath*); считать данное созвучие простым совпадением — решение, по выражению В.О. Орла, "пожалуй ...в чем-то слишком простое" (solution ...perhaps somewhat too simple) в свете "многочисленных прочих фрако-этруских параллелей" (следуют два примера из тезауруса Д.Дечева); 2) "можно предположить" (one could suppose), что отрезок ...ΕΡΑΖ... представляет ту же основу *araz-*, как и в ΑΡΑΖΕΑ, тогда в ...ΕΡΑΖΗΛ(ΤΑ)... правомерно видеть форму этрусского генитива **araziial* (= *arathiale*); 3) сегмент ...ΤΑΜΙΗ... =этр. *tmia* 'священное место, сакральный участок' (в этрусско-

финикийской билингве из Пирги—TLE 874); привлекая сюда же титул *tesinth: tamiathuras* (TLE 227), В.Э. Орел считает *thur-* самостоятельной основой, представленной в *thurs* (TLE 90 — контекст предельно не ясен) и *thuri* (следует ссылка на TLE 2 — знаменитую Капуанскую черепицу; просмотр этого крайне плохо сохранившегося текста обнаруживает отсутствие в нем формы, даже отдаленно напоминающей приводимую автором; судя по Тезаурусу этрусского языка М. Паллоттино (см. примеч. 22) такая форма в известных этрусских текстах вообще не представлена). Сопоставления ...APAZE... = *araziia* и ...EPAZH(A) = **arazial(ta)*, по мысли автора, поддерживают друг друга; конец надписи на перстне из погребения должен переводиться 'это священное место Аразии'; 4) ...TENEAS..., возможно, = этр. *tiniaś*; 5) ...NEPENEAS, возможно, = этр. *nerin(ai)* (женское имя, ген. *nerinal*). За всем этим следует вывод: "Прочие части Езеровской надписи кажутся непроницаемыми как с этрусской, так и с фракийской точки зрения" (...look to be impenetrable either from Etruscan or from Thracian point of view)¹⁷, сопровождаемый серией вопросов, которые, по мнению В.Э. Орла, "необходимо поднять ввиду изложенного здесь" (it is necessary to raise in view of what is stated here). Вопросы следующие: 1) не содержит ли Езеровская надпись каких-то несомненно (doubtlessly) фракийских элементов? 2) не может ли она быть последовательно (consistently) истолкована как этрусская? 3) или это фракийский текст с этрусскими вкраплениями (incertions)?

Переходя к разбору аргументации В.Э. Орла, сделаем два предварительных замечания. Во-первых, очевидно, что, независимо от наличия или отсутствия в надписи "этрусцизм", к исторической Этрурии и ее обитателям она не может иметь отношения: она выполнена разновидностью ионийского алфавита, не имеющего ничего общего с этрусской письменностью, известной с начала VII в. до н.э. Более того, как показал еще П. Кречмер, не наблюдается точек соприкосновения между графикой и звуковым строем фракийской надписи и соответственно письмом и фонетикой известной Лемносской стелы, по-видимому, зафиксировавшей остатки близкородственного этрусскому архаического диалекта у северо-западного побережья Малой Азии¹⁸. Езеровский перстень, во всяком случае, проник в континентальную Фракию не из этрусского мира, как бы широко последний не трактовать. Во-вторых, из сделанного пересказа видна методика работы В.Э. Орла, в принципе ничем не отличающаяся от методики более ранних толкований надписи: отрезкам текста приписываются значения на основе простейшего звукового сходства с этрусскими словами; кроме того, они вырываются из контекста без учета оставшейся части, характеризующейся автором как "непроницаемая". С точки зрения прагматики текста (учитывая даже явно устаревшие после работ Д. Дечева попытки понимания ее в качестве подарочной или votивной) появление в исходе надписи на перстне слов "это священное место Аразии" не может быть обосновано без значительных допущений ad hoc (вроде происхождения текста из храма, о чем думал еще В. Пизани¹⁹, или необходимости толкования *tmia* в незафиксированном значении 'могильный участок', а не всякое 'священное место'). Поскольку все сопоставления В.Э. Орла предложены по созвучию и глубже не обоснованы, обсуждать приходится не их доказательность, а только их допустимость.

Прежде всего, сопоставления ...АРАЗЕА... = этр. *araziia* и ...ЕРАЗНА(ТА) = **arazial(ta)* не только не поддерживают друг друга, но радикально противоречат одно другому, по крайней мере, в двух моментах. Во-первых, непонятно, почему автор думает, что ...ЕРАЗ... может являться передачей основы *araz-*; примеры на аблаут личных имен в этруском неизвестны; во фракийском чередование *a : e* — явление очень частое, но переогласовка такого рода в формах одного и того же имени в одном и том же тексте была бы случаем совершенно беспрецедентным. Во-вторых, мы не видим возможности объяснить передачу исходного сочетания звуков *-*ia*- в одном и том же слове надписи то через ЕА, то через Н; заметим, что ниже для ...ТАМІН... (= *tmia*) предполагается еще и третий вариант передачи того же сочетания — ІН. Таким образом, первые три пункта аргументации В.Э. Орла, последовательно вводящие сопоставления ...АРАЗЕА... = *araziia*, ...ЕРАЗНАТА... = *araziial-ta и ...ТАМІН... = *t(a)nia*, никак не согласованы между собой. Если даже допустить возможность различного отражения сочетания *-*ia*- в разных позициях, то "аблаут" в ...ЕРАЗНАТА... требует стольких допущений, что лучшим выходом кажется вовсе исключить его из рассмотрения. Однако вместе с этим подрывается и главное основание для выделения в качестве "этрисцизма" смежного отрезка ...ТАМІН... . По поводу этруской части сопоставления ...ТАМІН... ~ этр. *t(a)nia*, надо заметить следующее: основа *tamia* в *tamiathuras*, без сомнения, выделяема, но отнюдь не в силу привлечения темного по смыслу *thurs* (не говоря уже о фиктивном *thuri*), но из-за принадлежности *tamiathuras* к известной этруской модели образования коллективных имен с помощью суф. *-thura-*, ср. *velthinathuras* в надписи на Перуджинском столбе (TLE 570, где речь идет о каких-то делах фамилии Велтина), или *pachathuras* (TLE 190) в перечне должностей и сфер деятельности усопшего, с вероятным значением 'коллегия служителей Вакха'²⁰. *Tamia*, действительно, может представлять параллельную форму к *tmia*, но сопоставление этой лексемы с ...ТАМІН... в Езеровском тексте (после вычленения которого приходится восстанавливать для предшествующего слова исход на ...ЗΥΠ...) более чем сомнительно, а с отводом ...ЕРАЗНАТА... вообще повисает в воздухе.

К сожалению, изложенным не исчерпываются погрешности разбираемой статьи. Вернемся еще раз к исходному сближению ...АРАЗЕА... ~ этр. *araziia*, *arathia*. Дело в том, что сами формы *arathia*, *arath* являются вариантами передачи имен *aranthia*, *aranth*²¹. В Этрурии VII—V вв. до н.э., по данным Тезауруса М. Паллоттино, засвидетельствованы почти исключительно формы с полногласием и со смычным в исходе основы: *aranth*, *aranthia*, *aranthial* и пр., *arath*, *arathia* (*arathiia*), *arathiale* и пр.; единичны примеры с опущением (или редукцией) гласного: *arnthial* (Сенесе, V в. до н.э.), *arnth* (Цере, V в. до н.э.). В последующую эпоху формы с полногласием появляются все реже (например, *arathal* в Клузии). Стандартное написание *arnth* (*arth*), *arnthal* (*arnthl*), *arnthalisa*, *arnthia* и пр.²² В середине основы для этого времени восстанавливается слоговой сонант, развивающийся в некоторых диалектах *u*-огласовку: *arunth*, *arunthia*, *aruntial*, ср. лат. *Arruns*, *-ntis*, гентилиций *Arruntius*. Одновременно прослеживается двоякое преобразование придыхательного смычного, переходящего в простой смычный или в аффрикату: *arnt*, *arntal*, *arnti*, *arntis* и т.д. (Клузий, Популония, Вольсинии, Кортонa), ср. *arnza*, *arnzial* (Перузия, Вульчи, Тарквинии,

отчасти Клузий); как итог диалектного развития в Перузии — случаи в Тарквиниях единичны — фиксируются формы *arza*, *arzni*, *arznei*, *arzniś*, *arznal*, *arzneal*²³. Таким образом, вся совокупность эпиграфических данных подводит к выводу, что аффрикатизация придыхательного — процесс, характеризующий поздние этрусские диалекты, равно как и устранение полногласия. На фоне многих десятков свидетельств, ясно рисующих направление фонетической эволюции, загадкой выглядят две формы, на которые опирается В.Э. Орел — *araz* и *araziia* (формы одновременно с аффрикатизацией и полногласием, к тому же определенно возводимые к VI в. до н.э.). Загадка, однако, разрешается просто, если учесть, что эти имена происходят не из самой Этрурии, а из Рима времен Тарквиниев, переживающего мощное этруское влияние. Собственно, это примеры на передачу этрусских имен *aranth*, *aranthia*, соответственно *arath*, *arathia*, в диалектном римском (т.е. латинском) произношении²⁴. Сказанное однозначно свидетельствует, что езеровское ...APAZEА... не может быть сопоставлено с этр. *ara(n)thia*, реально засвидетельствованным для Этрурии VII—V в. до н.э. Сопоставление же ...APAZEА... ~ *araziia* имело бы смысл лишь в том случае, если бы можно было предположить в тексте из континентальной Фракии V в. до н.э., вопреки историческим данным, римский диалектный инфильтрат предшествующего столетия.

Обратимся теперь к ономастическим сопоставлениям. Этр. *tinia*, как известно, — параллельная форма к имени бога-громовержца *tin*²⁵ и все надписи представляют собой вотивы этому божеству. Такова и надпись, откуда автор извлекает данное слово для своего сравнения: *tamres alpan tinias* (TLE 742); в начале стоит фамильное имя посвятителя *tamre(s)*, затем следует слово *alpan*, устойчиво входящее в вотивные конструкции с глаголами *menache* 'посвящен' (...*alpan menache* — TLE 652), *turce* 'подарил' (...*alpan turce* — TLE 640, 641, 654); отсюда возможность его толкования в смысле лат. *libenter* или *libens* 'охотно'; надпись TLE 742 толкуется 'Тамре с охотой (?) (богу) Тиниа'²⁶ (ср. в TLE 718 ...*aiser tinia* 'бог Тиниа'). Иначе обстоит дело со вторым примером В.Э. Орла — *larthiastinias* (TLE 772); ему автор придает "особое" (especially) значение ввиду его параллелизма с ΡΟΛΙΣΤΕΝΕΑ, хотя здесь выделение теонима *tinia* вообще проблематично. Тезаурус М. Паллоттино дает под вопросом словораздел *larthia stinias* и допускает толкование 'Лартия (из рода) Стини'²⁷. Последнее, по нашему мнению, возможно, дублет к известному фамильному имени *šteni* (CIE 1380, 3024, 4819), ср. пример перехода *e > i* перед палатализованным согласным *clenar* 'сыновья' (TLE 98, 169 и др.): *cliniarās* 'сыновьям' (TLE 156, ср. позднейшее *clenarasi* — TLE 619).

Итак, если, отбросив недоброкачествоность приводимых в статье примеров, двигаться за В.Э. Орлом, то в Езеровской надписи придется восстанавливать следующий содержательный ряд: (фрако-) дакийское мужское имя Ролис + этруское имя бога-громовержца Тиниа (напомним, что оно всегда встречается в вотивных надписях этому божеству) + этруское женское имя Нерина + расшифрованный на базе этрусского отрезок "... это священное место Аразии". В результате становится очевидным, что предложенная дешифровка лишена реального смысла, а путь, по которому пошел автор, бесперспективен. В статье не учтены ни достижения современной этрускологии, за последние 20 лет оформившейся в одну из самых

скрупулезно-точных историко-филологических дисциплин, ни позитивные результаты, полученные в определении прагматики Езеровского текста, ни неудачные опыты ван Гиннекена, Басанавичюса, Србы и др.; сверх того, ни одно из предложенных В.Э. Орлом этрусско-фракийских (езеровских) построений не только не доказательно, но и не приемлемо "ни с этрусской, ни с фракийской точки зрения".

Необходимо, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что изложенные критические замечания касаются лишь данной работы, но ни в коей мере не имеют целью бросить тень на проблему этрусско-северо-балканских связей как таковую. Более того, как мы полагаем, многие важные вопросы еще не поставлены всерьез, с привлечением обширных материалов, накопленных современной этрускологией и античной балканистикой. Многочисленные этрусско-фракийские параллели, разбросанные по Тезаурусу Дечева вперемежку с иллирийскими, кельтскими, малоазийскими, германскими созвучными формами давно нуждаются в систематическом филологическом изучении с максимально возможной проверкой первоисточников. Поясним эту мысль на одном примере, взятом из той же заметки В.Э. Орла. Говоря об этрусско-фракийских соответствиях, автор берет у Дечева²⁸ соответствие: фрак. *Taroudwas*, *Tarouwas*, *Taroutwos*, *Taroudwvas* ~ лат.-этр. *Tarusius*, *Tarrutius*, *Tarruttenius*. Что означает в данном случае дефиниция "латинско-этрусское"? Как показывает Тезаурус М. Паллоттино, это имя не представлено ни в одной из десятка тысяч этрусских надписей. Следовательно, его нельзя брать у Дечева в качестве этрусско-фракийской изоглоссы, не рассмотрев источников, прямо указанных ученым, и, поскольку в атрибуции он идет за Шульце, критике должна быть подвергнута аргументация последнего. Только после того как будет учтен упомянутый Лицинием Макром в мифологическом рассказе об Акке Ларенции (fr. I. Peter) *Tarrutius* или *Tarutilius Tuscus dives*, а также отраженный в CIL VI, 2842 факт брака некоего Тарусия (*Tarusius*) с женщиной, носящее этрусское имя *Velcia* (= этр. *velchia*), можно, вслед за Шульце²⁹, вложить определенный смысл в понятие "латинско-этрусского" имени, поставив вопрос о возможности трактовать латинский гентилиций *Tarutius*, *Tarusius* в качестве реликтового ономастического этрусцизма, практически выпавшего из собственно этрусской ономастики. В этом случае точные параллели в балканском (и, может быть, шире — балто-балканском ареале³⁰) могут служить дополнительным подтверждением глубокой древности данного имени, на итальянской почве уже функционирующего как имя родовое (хотя в предании об Акке Ларенции оно, похоже, еще фигурирует в качестве простого личного имени). Число подобных примеров может быть умножено с учетом фактов, не известных Дечеву. При надежно установленной связи фракийского теонима *Πέρκος*, *Περκω* в вотивных формулах *Ἡρώε Περκωι*, *Περκω* *Ἡρώε* с балто-слав.: лит. *Perkunas*, слав. *Perunъ*, ср. др. -прусск. *perkunis* 'гром'³¹, поразительную близость к данной балто-балканской изоглоссе обнаруживает серия родовых имен в такой ограниченной области Этрурии, как район Кортоны, Клузии и Перузии: *perkna*, *percumsna* (в лат. передаче *PERGOMSNA* — CIE 853), *prkn* (единичный пример из Лукки — *percnaz*³²). В системе подобных фактов может обрести место и давно отмеченное тождество экзотического культурного термина — названия обезьяны в этр. (лат.) *arimus* = греч.

’*αρχιος* (Serv. Aen. IX, 712; Strab. XIII, 626; Hes) и лтш. *ēms* ‘обезьяна, странное явление’, лит. *ēmis* ‘чудовище’, *ēmīgs* ‘удивительный и пр.’³³.

Пока такой совокупной системы данных, позволяющей определить отношение этрусской ономастики и культурной лексики к ономастике и соответствующей лексике балканских и в целом индоевропейских племен Европы, все еще нет. Думается, здесь предстоит большая и многоплановая филологическая и лингвистическая работа. Но актуальность проблемы не оправдывает появления работ, профанирующих самое проблему, каковы, например, получившие печальную известность этруско-албанские изыскания З. Майани. А между тем, приемы Майани отличаются от подхода В.Э. Орла только тем, что первый сравнивает реальные албанские слова с осколками произвольно трактуемых и членимых этрусских форм, а второй пытается распознать реальные этрусские имена и лексемы в сочетаниях букв, произвольно взятых из нерасчлененной на слова древнефракийской надписи.

В заключение, обращаясь вновь к Езеровской надписи, выскажем наше мнение о том, насколько реальным выглядит, хотя бы в перспективе дальнейших разработок, ее использование в качестве полноценного лингвистического и историко-культурного источника. Необходимо признать, что обычный речевой отрезок такой длины, как этот текст, не будучи расчленен заранее на словоформы, не позволяет методологически корректно распознать лежащую в его основе часть языковой системы, что, в свою очередь, обрекает опыты сегментации текста на большую или меньшую произвольность. Даже если бы в результате счастливого стечения догадок кто-то из исследователей получил правильное чтение и толкование надписи, он не имел бы возможности обосновать его единственную правомерность. В подобной ситуации опорным пунктом дешифровки могло бы стать обнаружение некоей усложненной организации текста, например метрической структуры, аллитераций, повторов и т.п. В этом случае оказывается допустимым использовать поэтическую упорядоченность речи для сегментации текста. Мы склонны считать, что в этом плане еще далеко не все возможности анализа испробованы и исчерпаны, ср. гипотезу П. Кречмера и Г. Хирта о метрическом характере Езеровского текста³⁴, в пользу которой один из авторов настоящей работы привел недавно ряд дополнительных аргументов комбинаторного порядка³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Филов Б.* Златен пръстен с тракийски надпис // Изв. на Българск. археолог. дружество, 1912–1913. III, 2. С. 202 и сл.

² Там же. С. 216.

³ *Beševliev V.* Inschrift in unbekannter Sprache aus Nordbulgarien // Glotta, 1965. 43, 3/4. S. 317, f.; *Georgiev V.* Zur Deutung der alttürkischen thrakischen Inschrift aus Kjolmen // БЕ, 1966. XI, 1. Р. 9, f.; *Георгиев Вл.* Траките и техният език. София, 1977. С. 119 и сл.; *Schmitt-Brandt R.* Die thrakische Inschriften // Glotta, 1967. 45, 1/2. S. 42, f.

⁴ См.: *Георгиев Вл.* Указ. соч., С. 111 и сл.

⁵ *Pisani V.* Ancora sull' iscrizione tracia da Ezerovo // Rendiconti dell' Istituto Lombardo di Scienze e Let. 1976. 110. Р. 14.

⁶ *Георгиев Вл.* Указ. соч. С. 114 и сл.

⁷ *Филов Б.* Указ. соч. С. 202 и сл.; *Kretschmer P.* Die erste thrakische Inschrift // Glotta, 1914. 6. S. 74, f.

* Kretschmer P. Zur Deutung der thrakischen Inschrift // Glotta, 1915. 7. S. 87.

* Kofínek J.M. K tak zvanému tráckému nápisu na prstenu Eserovském // Sb. Filologicky, 1935. X. S. 69 и сл. (к сожалению, работа Коржинека оказалась недоступной, поэтому ссылка дается по рец.: Seure G. // Revue des études grecques, 1936. 49. P. 101, s.); ср.: Detschew. S. 575, f.

¹⁰ Kretschmer P. Op. cit. S. 88, f.; Detschew. S. 575, 580 (ср. *Idem*. Die thrakische Inschrift // Glotta, 1915. 7. S. 81, f.); Schmitt-Brandt R. Op. cit. S. 50. Георгиев Вл. Указ. соч. С. 108 и сл.

¹¹ Kretschmer P. Die erste... S. 75; Detschew. S. 566, f.; 570, f. (резюме работ Ф. Рибейцо и Г. Сера); 575; 580, f.; Hirt H. Zu den lepontischen und thrakischen Inschriften // IF, 1916. 37. S. 213, f.; Schmitt-Brandt R. Op. cit. S. 48; Георгиев Вл. Указ. соч. С. 108.

¹² Detschew D. Die thrakischen Inschrift... S. 83; ср.: Detschew. S. 21, 505; Kretschmer P. Zur Deutung... S. 86, f.; Hirt H. Op. cit. Ibid.: Schmitt-Brandt R. Op. cit. Ibid.; ср.: Георгиев Вл. Указ. соч. С. 110.

¹³ Detschew D. Die thrakischen Inschrift... Ibid.

¹⁴ Orel V. Etruscan elements in a Thracian Inscription? // Glotta, 1984. 62. S. 63–65.

¹⁵ Следует заметить, что автор не привел надпись целиком, что крайне затрудняет оценку правомерности его рассуждений.

¹⁶ Pallottino M. Rivista di epigrafia etrusca // Studi Etruschi, 1979. 47. P. 320. В отечественной литературе эта надпись недавно специально рассмотрена с необходимым научным аппаратом, см.: Немировский А.И. Новая этруская надпись из Рима // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 46–51. К сожалению, ссылка на данную работу отсутствует; между тем, отнесись автор к этой и предшествующей литературе внимательней, он бы заметил, что речь идет о надписи из Рима – момент исключительно важный относительно этр. *araz* (ниже подробнее).

¹⁷ Кстати, не лишне уточнить, что автор предложил расшифровку последовательности всего из 13 знаков и сопоставил с этрусскими именами собственными два отрезка из 12 знаков (5 + 7), таким образом, "прочие части", строго говоря, составляют 4/5 текста или в лучшем случае, учитывая необязательные, за исключением РОΛΙΣ, ономастические параллели – 31 знак, т.е. не менее половины.

¹⁸ Kretschmer P. Die erste... S. 76, f

¹⁹ Pisani V. Über die sogenannte thrakische Inschrift // IF. 1929. 47. S. 42; *Idem*. Ancora sull' iscrizione tracia... P. 15.

²⁰ Pfiffig A.I. Die etruskische Sprache. Graz, 1969. S. 166 (с другими примерами и литературой); там же о сингулярных личных мужских именах *velthur* 'сын Вела', *Arantur* 'сын Арана'; S. 173: *veltinatur* как коллективно-собираательная форма (~pl.) от родового имени *veltina*.

²¹ К отражению назализованных гласных см. дублеты: *crunslē* – *cruslē*, *pumpus* – *pupus*, *ancaria* – *acaria*, *lanpe~lanpe~lafe*, *atiuce* = греч. Ἀντίοχος (Pfiffig A.I. Op. cit. S. 50, f.).

²² См.: Thesaurus linguae etruscae. I. Indice lessicale / Publ. de M. Pallottino, A. Pandelini, M. Angeletti. Roma. 1978. P. 66–72.

²³ А.И. Пфиффиг (Op. cit. S. 43, 52) трактует подобные случаи как примеры палатализации (ср. *scianti~sciazī*) или как передачи скопления согласных *ts*. Иначе А.М. Девин (*Devin A.M.* Etruscan language studies and modern phonologie // Studi Etruschi, 1974. XLII. P. 149, s.), чья филологическая реконструкция предполагает для позднетруского развитие по диалектам *th > t* или *th > s*, ср. *Alethna > Aletna* или *Alesna*; эта гипотеза хорошо объясняла бы параллелизм родовых имен *Arntni* (в Клузии) – *Arzni* (в Перузии).

²⁴ Возможно, написание *araziia* в TLE 24 отражает палатализованную артикуляцию зубного перед *i*; в то же время *araz* вычленяется М. Паллоттино из ономастической формулы *arazsilqetenasspurianas*, т.е. *araz silqetenasspurianas*, поэтому написание *z* вместо *th* перед сибилантом может отражать ассимиляцию *t^hs*.

²⁵ Pallottino M. Etruscologia. 4 ed. Milano, 1957. P. 206, s.; Pfiffig A.I. Religio etrusca. Graz, 1957. S. 233, f. К этому же теониму восходят родовые имена *tin* в Перудже и Вольсиниях (TLE 3632, 3546, 5059, 5237), *tinthurī* собственно "род Тина" в Клузии (CIE 517, 519).

²⁶ Ср.: Pfiffig A.I. Religio etrusca... S. 235 (специальный комментарий к TLE 742), 280 (о божестве *alpan*); *Idem*. Die etruskische Sprache... S. 138 (о структуре *alpan*).

²⁷ Thesaurus linguae etruscae. I... P. 210.

²⁸ Detschew. S. 490.

²⁹ Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen (Abh. der kön. Ges. Wiss. zu Göttingen, N.F. V. N 5). B., 1904. S. 241, f.

³⁰ См. примеры, приводимые В.Н. Топоровым: лит. *Tarutis*, *Tarutine*, также *Таруса* в бассейне Оки и др. (Топоров В.Н. К фракийско-балканским языковым параллелям // Балканский лингвистический сб. М., 1977. С. 109, s.v. (фрак.) *Tarantos*).

³¹ См.: Гиндин Л.А. К возможности реконструкции фракийского языка по материалам греко-римских надписей. * (Νρως) *Περκωνις* resp. *Περκους* // ВДИ, 1978. № 3. С. 134 и сл.; Он же. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 83 и сл.

³² Thesaurus linguae etruscae..., s.v.v. Имена *percius* (Спина – TLE 714), *percle* иногда рассматривают как осские по происхождению (*Pfiffig A.I.* Die etruskische Sprache... S. 167 и др., там же об этр. *percethnei* = оск. *percendi*), что маловероятно для клузинских, перузинских и кортонских форм – характерные этрусские гентилициев с адъективным суф. -на.

³³ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 191; ср.: Fraenkel I. S. 122. К сожалению, это интересное сближение (как и ряд других) исключено из последнего издания книги В. Георгиева.

³⁴ Kretschmer P. Zur Deutung... S. 89, f.; Hirt H. Op. cit. S. 215, f.

³⁵ Цымбурский В.Д. К перспективам исследования Езеровской надписи // Эпиграфические памятники Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 98 и сл.

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

МИКЕНСКОЕ И ГОМЕРОВСКОЕ ГРЕЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ СОЛЕННОГО МОРЯ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В микенских греческих текстах выявлено имя существительное $a_2-ro = *halos$ 'море (соленое)',¹ в частности в контексте (PY Ta 642,1), где речь идет о $a_2-ro-[u]-do-pi$ ² = $*haro-udopi$ ($*halos udophi$, с характерным микенским окончанием косвенных локальных падежей $*-phi = \varphi i$ ³), по значению соответствующем греч. диал. ἅλος ὕδασι 'с аквамаринами' (дат.п.мн.ч. от гетероклитического архаичного ὕδωρ 'вода', $-\alpha < *-\eta$ является нормальным отражением при микенском диалектном $-o < *-\eta$ в приведенной микенской форме, если в ней $udo-$ не от ὕδωρ⁴). Такая семантическая интерпретация соответствует контексту пиловской таблички, где перечисляются драгоценные камни и металлы: в PY Ta 642 за $a_2-ro-[u]dopi$ следует *kuwa-no-qe* 'и лазурит' и *paraqewe* от *paraku-*, для которого в последнее время предложено значение 'железо', позволяющее отождествить его этимологически с др.-инд. *parśu-*⁵ и рядом других древних названий железа; к совместному упоминанию драгоценных камней, лазурита, железа и других металлов можно указать такие близкие по пространству и времени параллели, как хеттские⁶. Повторяющиеся в пиловских табличках (An 192,1; Jn 478,3; Op 300,2; Qa 1297; Ea 922; Ea 109; Ea 270) собственное имя $a-pi-a_2-ro = *api-haro$, соответствующее греч. гомер. Αμφιάλας, содержит в качестве второй части микен. *haro* =, греч. гомер. ἅλς. Микен. $o-pi-ha-ra$ (= $*opihala$, PY An 667) отождествляется с греч. гомер. ἐπιάλα 'стоящий на берегу моря'. Микен. *harisa*, отождествляемое с греч. ἄλιον 'залежи, хранилище

соли', образует промежуточное звено между микен. *ha-ro* =, гом. *αλς* 'море' и гомер. *ἄλς* 'соль'. Несомненно, что исторически два эти слова связаны, и возможно, что связь между ними продолжала ощущаться. В отличие от греч. *θάλασσα* 'море', сопоставляемого с др.-инд. *taṭākam* 'пруд'⁹ (но, возможно, в конечном счете, восходящего к субстрату северокавказского типа, ср. авар. *raḷad* 'море' при возможности замены начального *r- на другой согласный в тех языках, где *r*- невозможно в анлауте, к сино-тибетокавказскому может восходить и тайск. *tha?lé* 'море') и других приводимых ниже синонимов микен. *ha-ro* = гомер. *ἄλς* обозначало именно 'соленое море'. На это указывает в гомеровской традиции постоянно повторяющийся в "Одиссее" (μ 236, 240, 431 и др.) оборот *θαλάσσης ἄλμυρον ὕδωρ* 'моря соленая вода', *ἄλμυρον ὕδωρ* 'соленая вода' (ι 227, ср. δ 511), где прилагательное *ἄλμυρον* синхронно связано с *ἄλμη* 'соленая морская вода, солёность', ср. также гомер. *ἄλι-μυρῆεις* 'заливаемый морской водой' (ε 460, Φ 190). Гомеровское словоупотребление непосредственно продолжается в эпосе и в ранней лирике: ср. у Сапфо *θάλασσαν... ἄλμυραν* (fr. 98, D1 10)¹⁰ 'море ... соленое', представляющее собой трансформацию приведенного гомеровского оборота¹¹, тогда как *ἄλμυρον πόντον* 'солёный поток = море' у Сапфо (fr. 55 a.b, 7–8) и у Алкея (fr. 51,2) отождествимо с *ἄλμυρος πόντος* у Гесиода (Theog., 107, ср. гомер. *πόντος ἄλός* (Φ 59). Согласно новейшей реконструкции¹², у Сапфо (fr. 98, D. 10) отражены и другие гомеровские формулы с *ἄλς*.

Ценность приводимых микенских и позднейших гомеровских и других ранних греческих поэтических свидетельств заключается в том, что традиция обозначения моря как соленого посредством *sal-> гр. *ἄλ*- и производных от этого слова может быть возведена к греческо-арийскому¹³. В древнеиндийском засвидетельствованы *sal-ila*- и его производные в значении 'море', несомненно, восходящем к 'соленому морю'. В недавнее время предположено, что и общедревнеиранский топоним, отраженный в авест. *Narah^vaⁱtī*, 'Арахозия' (область древнеперсидского царства, соответствующая южным областям Афганистана, может быть, и еще более южным приморским), восходит к праиран. *sara- 'море'. Соответственно и коми-зырян. *saridz* 'море; теплые края, теплое море' (ср. *saridzov'ias* 'перелетные птицы', *Saridor* 'район нижней Печоры' < 'приморский район'), удмурт. *зарезь* 'море', ранее возводившееся к одному источнику с авест. *zrayah*, др.-перс. *drayah*, пехлев. *zreh* 'море, озеро', парф. *zryh* 'море' при др.-инд. *īrayas*- 'движение, бег'¹⁴, в настоящее время предлагается истолковывать как такое праиранское заимствование (до изменения *s* > *h*), которое связано с тем же названием моря¹⁵. Любопытно, что в индоиранском отражено только значение 'море (соленое)' при отсутствии древнего термина для 'соли', от которого когда-то слово было образовано.

В некоторых других (западных) индоевропейских диалектах, как и в греческом, отражены оба значения, возводимые к (диалектному) индоевропейскому, ср. лат. *sāl* 'море, морская вода' (*īnsula* 'остров' < 'в море расположенный'), *salum* 'море' (при *sal*, м. и ср.р. 'соль'), валл. *heli* 'море' (при др.-ирл. *salann*- 'соль'), ст.-слав. СЛАНЬ 'морская вода', др.-рус. *сланьникъ* 'рыболов-моряк' (при ст.-слав. СОЛЬ), норв. *sylt* 'затопленный морской берег' (при гот. *salt* 'соль', др.-в.-нем. *salz*, др.-англ. *sealt*). Как и в древнеиранском (если верно приведенное истолкование названия Ара-

хозин), в кельто-иллирийском и славянском от этого названия соленого водоема образован ряд производных географических имен (чаще всего гидронимов) типа иллир. *Sal-apia*, кельто-иллир. *Sala*, др.-прус. *Соль Галичская*, ср. также возможно греч. Ἰἶλυσ (р. Галис в Малой Азии). Сходство между собой этих гидронимов делает вероятным предположение о том, что хотя бы в части индоевропейских диалектов от названия 'соли' образовывались названия разных соленых водоемов — озер, рек, источников.

Следовательно, можно было бы предположить схему семантического развития: 1) 'соль' → 2) 'соленый водоем' → 3) 'соленое море'. Из индоевропейских диалектов последний (3-й) этап полнее всего представлен в арийско-греческом, причем в арийском почти не осталось следов двух предшествующих этапов, хотя для др.-инд. *sal-ila-* при значении 'море' у производных ранее обычно предполагалось именно значение '(соленый) водоем'¹⁶. Предшествующий (2-й) этап восстанавливается с наибольшей степенью ясности на основании таких гидронимов, как иллир. *Sal-ap-ia* (позволяющих восстановить более древнее **sal-Hap-* 'соленая река'). Первый этап достоверно отражен почти во всех диалектах (анатолийские данные не вполне ясны, поскольку название соли в хеттском скрыто под логографическим написанием), ср. кроме приведенных выше свидетельств, еще такие, как тох. *A sāle*, им.-вин. п. мн. ч. *sāleyāntu*; В *saliye*, им.п.мн.ч. *salyiñ* 'соль', производное прилагательное тох. *A sāleyu*, В *salyitse* 'соленый', арм. *al* 'соль', прус. *sal* 'соль', *sali* 'соль' = лит. *druska* (Словарь Грунау А 60, 39)¹⁷ от и.-е. **sāli-*, отраженного в тохарском **saly-*, прус. *sali* и в греч. ἁλι-ος 'морской' < **sāli-*¹⁸, лтш. *sāls* 'соль', и др. Создается впечатление, что экологические условия обитания носителей многих диалектов (в том числе и греческо-арийского) делали необходимым выделение 'соленого моря (водоема)' в качестве особого термина, типологические параллели чему можно привести из неиндоевропейских языков Ближнего Востока¹⁹.

Вместе с тем для индоевропейского восстанавливаются и некоторые другие диалектные термины в значении 'море', входившие в одно семантическое поле с названием 'соленого моря'. В частности, в хеттском (и, возможно, в палайском) отражено древнее слово с этим значением: хет. *aruna-* 'море, большое (соленое) озеро'. Слово представлено в целом ряде текстов, по дуктусу (пошибу клинописи) и по другим критериям определяемых как древнехеттские: *ud-ne-e hu-u-ma-an-da URU za-al-pu-az an-da a-ru-na-az* 'все страны от города Цальпы (и далее) вглубь от моря'²⁰ (буквально 'внутри от моря', древнейшая надпись Анигты, КВо III 22 Vs 38; город Цальпа, в названии которого возможно искать корень **sal-* > хет. *zal-*, был расположен на берегу Черного моря в устье реки Марассандас — позднейшее Галис — современное Кызыл-Ырмак); ср. в той же надписи дважды повторяемое (строки 31–32) *URU za-al-pu-aš a-r[u-(n)a-aš]* 'м[оре] Цальпы' (т.е. Черное море). Древние хеттские тексты делают возможным допущение, что для хеттов в начале письменного периода их истории основным морем было именно Черное море²¹, с которым связан и древнехеттский близнечный миф о сыновьях царицы Неса-Канеса. Если это предположение верно, то хеттское специфическое употребление названия моря *aruna-* по отношению к Черному морю

можно было бы сравнить²² с греческим названием Πόντος 'Море = Черное море' (уже у Эсхила, Pers. 878²³), экстенционально равнозначным (по денотату) Πόντος Ἀξέεινος 'негостеприимное море' (с позднейшей перделкой Πόντος Εὐξείνιος 'гостеприимное море') из древнеиранского 'темно-синее море', ср. иранское название цвета типа ав. *axšaēna* 'синий (?) самоцвет', др.-перс. *axšaina* в сочетании *kasaka hya axšaina* 'синий (?) самоцвет', ср.-перс. *zray-i-xašēn* 'Черное море'²⁵, н.-перс. *xašīn* 'темно-синий'²⁶. В применении к морю 'темно-синий = черный' (в соответствии с общеевразийской космологической схемой²⁷) символизирует север: 'черное море' (ср. у Еврипида Πόντος μέλας, Iphig. Taur. 107) означает 'северное море'. Полагают, что это название Черного — северного — моря в его противопоставлении Красному, т.е. южному, сформировалось в области расселения древних иранцев, скорее всего в древнеперсидском царстве²⁸. Но до этого, как и у греков и предположительно хеттов, Черное море могло называться в древнеиранском просто морем: др.-перс. *drayah* 'Море = Черное море', *tayaiu drayahya* 'те (у) моря = поморяне'²⁹, сопоставляемое с греч. τὰ πρὸς θαλάσσην ἔθνη 'народы у моря' (ср. Πόντος как обозначение страны). О сходном представлении у хеттов, отражающем, как и у греков и иранцев, особенности раннего обитания у черноморского берега, может говорить и обозначение *arun-uman-eš* 'помор-яне' (KUB VIII 14 I 14) с суффиксом, который обычно образует названия народов и языков. Название южно-малоазиатской области *Kizzuwatna* сейчас часто толкуют как преобразованное хет. *kez wetenaz 'cisaquinus' (по эту сторону от 'воды = моря', ср. ^DUTU *ú-i-te-ni* 'божество солнца в воде = в море' при греч. ὕδωρ 'вода' в контексте, где речь идет о море, и др.-инд. *sam-ud-ra* 'море' < 'собранные вместе воды').

Приурочение к Черному морю предполагается, в частности, по отношению к архаичному ритуальному тексту KUB XXIX 1 I 23—24, XXIX 3 Vs. I 3—4 (древний пошиб), где сказано: LUGAL-i-mu-^D *ma-ni-ia-ah-ha-en GIS hu-lu-ga-an-ni-en* ^DHal-ma-aš-šu-i-iz a-ru-na-za ú-da-aš 'мне, царю, Бог Хальмасуит (= хаттско-хеттское божество Престола) из-за моря принес власть (данную богом царю как его наместнику) и повозку', ср. предание о приходе детей царицы из Цальпы (от Черного моря) к Несе (Канесу — древней хеттской столице)³⁰. Менее ясно, связан ли с цитированным ритуальным текстом мифологический образ солнца (ср. общеиндоевропейский и хеттский образ солнца на повозке), в новохеттской царской молитве приходящего 'из-за моря' (*a-ru-na-az*) — Черного или Каспийского³¹.

Хет. *aruna-* 'море, большое соленое озеро' (и, возможно, пал. *aruna-*) связано, очевидно, с др.-инд. вед. *árna-*, *arṇavá* 'море, бушующие волны', авест. *a^uruna-* 'дикий, свирепый', греч. *οὐρός* < *ōpFos 'попутный ветер', др.-исл. *qrr* 'скорый'³² и, следовательно, восходит к древнему (мифопоэтическому?) эпитету моря. До сих пор остается возможным многократно обсуждавшееся сопоставление *aruna-* с др.-инд. *Varuṇa-* (имя бога, связанного с морем, в позднейший период богом моря), митан.-арийск. *u-ru-wa-na-aš-ši-el* (интерпретируется как форма двойственного числа, переданного хур. *-sel*, ср. сходную по функциям этрусскую морфему при именах богов). Для интерпретации фонетических соотношений важно наличие форм без *w в хеттском при начальном *w-* в лувийск-

ком: лув. (а также пал.) *wašū-* 'хороший, добро' — хет. *aššu-*; лув. *wašha-(i)-* 'хозяин' — хет. *ešha-* и пары типа лув. *aḫraš wahraš*, хет. *aḫin uwaḫin, aštaš waštaš*, ^D*Atammira* ^D*Watammira*³³. Поэтому **waruna-* может быть гипотетическим лувийским источником др.-инд. *Varuṇa-* (и в этом случае доказывает, что индоарийцы соприкасались с хеттами или лувийцами до своего прихода в Индию). Море (*aruṇa-*) в мифологическом значении встречается уже в древнехеттских текстах и поэтому такое употребление нельзя связывать только с хурритским влиянием³⁴.

Высказывалось предположение о том, что в хеттском название моря **mor-* (*mar-*) отсутствует якобы потому, что хетты, как и носители греческо-армяно-индоиранских диалектов, отделились от древнеевропейских диалектов, в которых распространено это последнее название, до выхода к морю³⁵. Однако в действительности в хеттском эта основа отражена в более архаическом значении: ^{G15}*mammara-* 'болото, заросший растительностью водоем'³⁶, ср. арм. *mawr* 'болото', осет. *mal* 'омут' и т.п., и в гидрониме — названии реки *Mara-šš-anta* (Галис, т.е. Кызыл-Ырмак), что позволяет сравнивать их со сходными гидронимами в Европе³⁷. Иначе говоря, и в этом термине, как и в арм. *gayr* 'болото', алб. *hurdhë* 'пруд, болото' при общебалтийском и диалектном германском названии моря из **ur*³⁸, прослеживается постепенное развитие значений от 'мелкий водоем, болото, пруд, озеро' к 'море'.

В результате анализа таких вторичных индоевропейских обозначений 'моря' можно прийти к выводу об их относительно большей диалектной ограниченности по сравнению с названием 'соленое море', сохранение которого в греческо-армяно-индоиранском может быть связано с тем, что в нем основа **mōr-/mar-* не получила вторичного значения 'море'. Из слов, позднее в этой последней диалектной группе получивших значение 'море', следует отметить параллельное семантическое развитие греч. *ποτός* 'море' из общеиндоевропейского 'дорога' (рус. *путь*, ст.-слав. ПХТЬ, прус. *pintis, peentis* 'Weg'³⁹, др.-инд. *panthān-* 'дорога', авест. *pan-tā*, др.-перс. *paθī*), в латинском приобретшего значение 'мост' (*pons*, ср. *ponti-fēx* 'жрец', где отражено, возможно, и древнее значение 'дороги' — 'мост' к небу), и осет. *furd/ford* 'море' (древнее значение, отраженное в фольклоре и в нахских заимствованиях: инг. *ford*, чеч. *hord* 'море')⁴⁰ с незакономерными (табуистическими — сакральными?) фонетическими изменениями из общеиндоевропейского 'брод' < 'переход' (авест. *parātu-* 'переход', 'брод', лат. *angi-portus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод'), приобретшего значение 'мост' в части иранских языков (курд. *purd*), 'гавань' в латинском (*portus*), 'небольшая морская бухта, фиорд' в германских языках (др.-исл. *fiqrdr*, др.-англ. *ford*). Внутри восточноиранского соотношение (фонетически безукоризненное) осет. *furd/ford* и скиф. *Пората* 'река Прут' вызывает аналогию с другими случаями, где 'море' и 'река (большая)' называются одним словом, как в др.-европ. **mor-* 'море': хет. *Maraššanta* и в др.-инд. *sindhu*. Арм. *çov* 'море, большое озеро' представляет северокавказское (хуррито-урартское) заимствование. Особый случай с точки зрения значений представляет греч. *πέλαγος* 'море', в котором видят вариант (фонетический или диалектный) индоевропейского **plak-* 'быть плоским'⁴¹. При всех этих инно-

ваниях в синхронном соотношении всех рассмотренных названий 'моря' в греческом и в предшествующем греческо-армяно-арийском диалекте сохраняется противопоставление древнего названия 'соленого моря' его синонимам, не выделяющим именно этого признака.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Camera C.* Il mare nei documenti micenei // *Kadmos*, 1981. Bd. 20. S. 26–37.
- ² *Inscriptiones Pyliae ad Myscenaean aetatem pertinentes, quas in usum academicum collectas C. Gallavoti, A. Sacconi recensuerunt. Incunabula Graeca*, vol. 1. Roma, 1961. P. 119.
- ³ *Шарипкин С.Я.* Значения форм на -ϣ у мові кріто-мікенських написів // *Іноземна філологія*. Львів, 1971. Вип. 24. С. 67–71.
- ⁴ *Morpurgo A.* The treatment of *r and *ʃ in Myscenaean and Arcado-Cyprian // *Incunabula Graeca*, 1968. 25, 2. P. 807, n. 68°.
- ⁵ *Ancilotti A.* Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // *Acme*, 1975. Vol. 28. P. 27–48.
- ⁶ *Иванов Вяч.Вс.* История названий металлов в славянских и балканских языках. М., 1983. С. 91–103.
- ⁷ *Morpurgo A.* Myscenaean Graecitatis Lexicon. *Incunabula Graeca*, vol. 3. Roma, 1963. P. 26.
- ⁸ *Lejeune M.* Mémoires de philologie mycénienne. Première série. P., 1958. P. 51 (§ 3), 103 (§ 8c), 188, n. 2.
- ⁹ *Lévy P. Gr. thýlassa 'mer' – Sanskrit tafaṭa 'étang' – Siamois tha?lé 'mer' // Langues et technique. Nature et Société*, vol. 1. P., 1972. P. 295–300.
- ¹⁰ Тексты даются по изд.: *Frühgriechische Lyriker*. 3 T. Bearb. von B. Snell. 2 Aufl. B., 1981.
- ¹¹ *Kazik-Zawadska I.* De sapphicae elocutionis colore epico. Wrocław. 1958. P. 89; *Bechet F.* Marea safica – marea homerica // *Studii clasice*, 1985. XXIII. P. 7.
- ¹² *Bechet F.* Op. cit. P. 5–11.
- ¹³ *Thieme P.* Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Wiesbaden, 1953. S. 20, 27; *Гамкрелдзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II. С. 674, 703; *Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейские этимологии. Т. 5. Греческо-арийское название моря как соленого // *Этимология* 1983. М., 1985. С. 163.
- ¹⁴ *Joki A.J.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973. S. 310, 349; *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми-языка. М., 1970. С. 249; *Гамкрелдзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Указ. соч. С. 922.
- ¹⁵ *Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986. S. 76, 81.
- ¹⁶ *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearb. von O. Böhtlingk.* St.-Pb. T. 7. S. 92–93; *Cappeller C.* Sanskrit-Wörterbuch. Straßburg, 1887. S. 486; *Thumb A.* Handbuch des Sanskrit. T. II. Texte und Glossar, 2. Heidelberg, 1953. S. 334.
- ¹⁷ *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981. Vol. 2. S. 53.
- ¹⁸ *Nagy G.* Greek dialects and the transformation of an Indo-European process. Cambridge: Massachusetts, 1970. P. 152.
- ¹⁹ *Бартольд В.В.* Коран и море // *Зап. Кол. Востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук*, 1925. Т. 1. С. 106–110.
- ²⁰ *Neu E.* Der Anitta-Text. Wiesbaden, 1974. S. 12–13, 25, 104.
- ²¹ *Puhvel J.* The Sea in Hittite texts // *Puhvel J.* *Analecta Indo-europaea*. Innsbruck, 1981. P. 236–238 (далее – *Puhvel, Sea*); *Puhvel J.* *Hittite Etymological Dictionary*. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. Vol. I. P. 181 (далее – *Puhvel, HED*).
- ²² *Puhvel, Sea*. P. 236, где предположена и связь *aruna-* с соответствующим цветовым эпитетом, от чего сам автор позднее отказался – *Puhvel, HED*. P. 182.
- ²³ *Schmitt R.* Namenkundlicher Streifzug ums Schwarze Meer // *Festschrift für J. Knobloch*. Innsbruck, 1985. S. 413.
- ²⁴ *Hinz W.* Iranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 25.
- ²⁵ *Фрейман А.* Название Черного моря в домусульманской Персии // *Зап. Кол. Востоковедов...*, 1930. Т. 5. С. 647–651; *Allen W.S.* The name of the Black Sea in Greek // *Classical Quarterly*, 1947. Vol. 41. P. 86–87.

²⁶ *Vasmer M.* Osteuropäische Ortsnamen. 1. Das Schwarze Meer // *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenskunde. B., 1971, Bd. 1. S. 103–105; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I. С. 220; Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 397.

²⁷ *Saussure L.de.* L'origine des noms de la mer Rouge, mer Blanche et mer Noire // *Globe*, 1924. Т. 63. P. 23–36.

²⁸ *Schmitt R.* Op. cit., *ibid.*; *Hirt H.* Schwarzes und Rotes Meer // *Hirt H.* Indogermanica. Halle; Saale, 1940. S. 259–260.

²⁹ *Schmitt R.* Die achaimenidische Satrapie tayaia drayahya // *Historia*, 1972. Bd. 21.

³⁰ *Neu E.* Op. cit. S. 125. Anm. 303.

³¹ *Sommer F.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947; Puhvel, HED. P. 181.

³² *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Указ. соч. С. 671–672, примеч. 1; Puhvel, Sea. P. 233–234; Puhvel, HED. P. 182.

³³ Puhvel, HED. P. 14, 219.

³⁴ Puhvel, Sea. P. 230; Puhvel, HED. P. 180.

³⁵ Puhvel, HED. P. 181.

³⁶ Ср.: *Poetto M.* Due note lessicali etee // *Paideia*, 1973. 28. N 3–4. P. 177–178; *Meid W.* See und Meer // *Investigationes philologicae et comparativae. Gedenkschrift für H. Kronasser.* Wiesbaden, 1982. S. 95.

³⁷ *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Указ. соч. С. 673, 862.

³⁸ *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь I–K. М., 1980. С. 93–97.

³⁹ *Mažiulis V.* Op. cit. S. 46, 52.

⁴⁰ *Абаев В.И.* Указ. соч. С. 485–486.

⁴¹ *Watkins C.* "The American Heritage" Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985. P. 51.

О.В. ИВАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЙОНЕ ФЕССАЛОНИКИ В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ VII в.

Единственный источник, позволяющий судить об обстановке, сложившейся близ Фессалоники в 80-х годах VII в., — пятая глава 2-й книги "Чудес св. Димитрия", повествующая о поселении на Керамисийском поле Кувера и о его планах захвата города. Этот рассказ, содержащий живое и яркое описание исторических событий, современником которых был сам автор, является, несомненно, одной из наиболее ценных частей всего собрания "Чудес св. Димитрия". Однако из-за отсутствия каких-либо точных хронологических указаний возникают большие трудности для установления времени описываемых событий; существуют также серьезные разногласия среди исследователей в отношении их интерпретации¹. Переселение Кувера из Аварского хаганата в Македонию разные исследователи предлагали датировать от периода правления Ираклия (610–641 гг.) до второй половины VIII в. Однако мы принимаем точку зрения, фундаментально обоснованную Ф. Баришичем, согласно которой главы во 2-й книге "Чудес св. Димитрия" расположены в хронологической последовательности и события, описанные в пятой главе, следует датировать началом 80-х годов VII в.² Такое мнение было подтверждено и П. Лемерлем в комментарии к изданию "Чудес св. Димитрия": автор относит события к периоду между 682–684 гг.³ Не касаясь многих дискуссионных проблем, мы хотим лишь конкретизировать, а также поста-

вить (в рамках вынесенной в заглавии статьи темы) несколько вопросов, связанных с интерпретацией пятой главы.

1. Первое полное и критическое издание древнейших книг или собраний "Чудес св. Димитрия", осуществленное не так давно П. Лемерлем⁴, внесло ряд существенных дополнений и поправок к предшествовавшим публикациям этого памятника. Важное значение для рассматриваемой темы имеет восстановление по рукописи (единственной, сохранившей основную часть второй книги "Чудес св. Димитрия" — Paris. gr. 1517) встречающегося трижды названия народа, приведенного Кувером в Македонию, — *Σερμησιάνοι* (230.7, § 292; 233.8, § 302; 233.11, § 303). Известное ранее исследователям *Κερμησιάνοι* было лишь заменой рукописного варианта предшествующими издателями. Правильность сделанного П. Лемерлем уточнения подтверждается недавно опубликованной печатью (конец VII — начало VIII в.), имеющей, видимо, прямое отношение к событиям пятой главы и принадлежавшей Мавру — "патрикию и архонту сермисиан и болгар"⁵. Значение этого нового свидетельства было уже отмечено П. Лемерлем, который предположил, что имя "сермисиане" являлось официально признанным в Аварском хаганате бывшего в употреблении наименования для плененных византийцев, поселенных первоначально в районе Сирмия, а затем перемещенных в район к северу от Дуная⁶. Можно полагать, что уведенные в плен из Византии жители с самого начала составили в хаганате особую колонию, а закрепившееся за ними имя "сермисиане" через несколько десятилетий после их пленения говорит об образовании определенной общности, об этническом составе и политическом положении которой анонимный автор свидетельствует достаточно определенно. Захваченные, согласно источнику, "60 лет назад" византийские жители "двух Панноний, двух Дакий, Дарданий, Мисии, Превалии, Родопы и других епархий, а также Фракии вплоть до длинной стены Византии и остальных городов и поселений" (р. 227.17—18.—228.1—3, § 284), были уведены "в Паннонию у реки Дунай", главным городом которой был Сирмий (*Σερμεῖον*) (р. 228.4—5, § 284). Весь этот народ стал, по выражению автора, подчиненным (*ὑποκειμένους*) хагану. Вскоре пленные византийцы смешались с болгарами, аварами и другими народами (т.е., как можно полагать, со славянами, которые составляли значительную часть населения хаганата, а также гепидами, жившими в районе Сирмия), и стал этот "народ бесчисленным и огромным" (228.6—8, § 285). Итак, продолжает автор, через 60 лет "появился там другой новый народ" (*ἄλλος νέος ἐκεῖσε λαὸς ἀνεφαίνετο* — 228.16—17, § 286). Это выражение следует понимать не только буквально в смысле появления нового поколения, но также как указание на полиэтничность сермисиан, смешанный в этническом отношении характер которых автор подчеркивает не раз и дальше. Главной же отличительной чертой сермисиан от других народов хаганата автор называет сохранение ими христианской веры и осознание принадлежности к ромеям или, по его выражению, воспринятое ими от отцов "влечение рода к стране ромеев" (*τὴν ὁρμὴν τοῦ γένους κατὰ τῶν ἡδῶν τῶν Ῥωμαίων* — р. 228.9—10, § 285), стремление вернуться в города отцов. Со временем, когда большинство сермисиан стало свободным, хаган считал их "своим народом" (*ὥς ἰδίον ἔθνος* — р. 228.18, § 286) и "по существовавшему обычаю поставил над ними архонта, по имени Кувер"

р. 228.18–19, § 286). Этот факт сам по себе очень примечателен, т.к. свидетельствует об обычае ставить во главе подчиненного вождя аваров народа представителя другого этноса, занимавшего в составе его державы, видимо, более привилегированное положение. Народ сермисиан, таким образом, изменил со временем свой статус, получив автономию, а также приобрел свою военную организацию (как показывает дальнейшее изложение событий в источнике), во главе которой стали болгарин Кувер и подчиненные ему вожди. Далее, как известно, Кувер, узнав о настроениях подчиненного ему народа и восстав против хагана, перешел Дунай и прибыл в Македонию, где разместился на Керамисийском поле⁷. Разрешение остаться здесь он просил, согласно источнику, у императора. Какой же по этническому составу народ Кувер привел в Македонию?⁸.

В источнике сказано, что Кувер взял "весь народ Ромеев вместе с другими язычниками, как говорится в книге Моисея "Исход" об иудеях, т.е. прозелитов, с утварью и оружием" (*τὸν πάντα Ῥωμαίων λαὸν μετὰ καὶ ἑτέρων ἑθνικῶν, καθὰ ἐν τῇ μωσαϊκῇ τῆς ἐξόδου τῶν Ἰουδαίων ἐμφέρεται βιβλῳ, τοῦτοτι προσήλυτους, μετὰ καὶ τῆς αὐτῶν ἀποσκευῆς καὶ ὅπλων* — р. 228.22–24, § 287).

Следует согласиться здесь с П. Лемерлем, что под "прозелитами", т.е. пришельцами или новообращенными, надо понимать потомков пленных византийцев⁹, среди которых христианство было широко распространено; примкнувшие же к ним племена, как следует весьма определенно из "Чудес св. Димитрия", оставались язычниками. Таким образом, появившийся в Македонии народ был очень разнородным по составу. Автор говорит ниже, что Кувер хотел владеть "всем ушедшим смешанным народом" (*πάντας ὡς συμμίκτως ἐξελθόντας* — 229.6, § 289). Однако уже в момент выхода из хаганата среди людей Кувера четко выделялись две группировки: сермисиане, с одной стороны, "другие племена" — с другой. Последние были также неоднородны по составу, но большинство из них составляли протоболгары, часть которых Мавру затем удалось привести в Фессалонику. Они определены в источнике как "близкие ему по нраву и снаряжению" (*τῶν αὐτῷ πλησιάζόντων διὰ τρόπων καὶ οὐκῆς* — р. 230.14–15, § 293). На печати Мавра, как уже было упомянуто выше, он назван "архонтом сермисиан и болгар". Неоднократно упоминаемые "советники" (*συμβουλευταί*) Кувера, "более близкие ему" люди, вероятно, также были преимущественно протоболгарами. Автор неоднократно противопоставляет их сермисианам не только как язычников, но и потому, что политические планы протоболгар во главе с Кувером не отвечали их интересам. После размещения на Керамисийском поле сермисиане, узнав от соседних славян о близости Фессалоники, начали вместе с семьями уходить от Кувера. Это очень обеспокоило вождя протоболгар, который пытался их удержать силой, т.е. видимо, среди подчиненных ему людей сермисиане составляли подавляющее большинство. Основой объединения, возглавляемого Кувером, была военная организация, созданная еще в Аварском хаганате, структура же политической власти к моменту, о котором идет речь в источнике, видимо, еще не определилась и ее создание ставилось в зависимость от успеха задуманного плана по захвату Фессалоники. Сермисиане (автор называет их также "ромеями", "из рода ромеев", "христианами"), объединенные вначале с протоболгарами Кувера общей целью выхода из Аварско-

го хаганата, после размещения в Македонии определенно стремились уйти из-под его власти, приняв подданство Византии. Удерживать их Куверу удавалось силой, с помощью военной организации, ядро которой, видимо, составляли протоболгары. Прибытие в Фессалонику византийского регулярного флота (так называемого "флота карависиан") во главе со стратигом Сисинием не только сорвало планы Мавра по захвату города, но и позволило значительной части сермисиан уйти "беспрепятственно" от Кувера. После перемещения сермисиан и войска Мавра из Фессалоники во Фракию позиции протоболгар на Керамисийском поле были сильно ослаблены. А это, несомненно, означало для Кувера усиление зависимости от империи.

2. Проблематичным является вопрос об отношении Кувера с окружающими его славянами. Из источника известно, что по приказу императора славянские племена другувитов снабжали людей Кувера продуктами, предоставляя им все необходимое. Размещение народа Кувера на Керамисийском поле, которое они "захватили", напоминало скорее временный лагерь, чем обоснование на постоянное жительство. Пребывание здесь не являлось конечной целью как для сермисиан, так и для протоболгарского окружения Кувера, стремившегося захватить Фессалонику. Не был заинтересован в сохранении в центре Македонии этой группировки, видимо, и император, поспешно переправлявший всех беженцев во Фракию. Не наладив собственные хозяйства, прибывший с Кувером народ довольно длительный период обеспечивал свое существование за счет другувитов. Известно также, что в своих далеко идущих планах Кувер и Мавр предполагали начать с выступления против окружающих народов (*τῶν περὶ ἐθνῶν*), чтобы их покорить (*δεσπόζειν*) (229.29–30, § 291). Совершенно справедливо отмечает П. Лемерль, что Кувер и Мавр и не пытались обратиться за поддержкой к славянам в своих проектах захвата Фессалоники¹⁰. Поэтому мы вправе предполагать, что отношения Кувера со славянами не были ни договорными, ни союзными, а представляли собой скорее при сохранении видимости мира противостояние двух враждебных сторон.

В источнике содержится еще одно не совсем ясное упоминание о славянах: автор говорит, что люди, подчиненные Мавру, а также прибывшее в Фессалонику византийское войско были размещены у стен города в западной части, чтобы "Сермисиане, убежав от Славян, могли без страха и беспрепятственно прийти /туда/" (*πρὸς τὸ τοὺς μέλλοντας ἐκ τῶν Σκλάβων προεφεύγεω Σερμισιάνους ἀδεῶς καὶ ἀνεμπόδιως προσέρχεσθαι* — р. 223. 5–8, § 302). Оговорился ли автор, назвав людей Кувера славянами? Такое предположение мы склонны исключить, т.к. анонимного автора 2-й книги "Чудес св. Димитрия" отличает точность в использовании этнической терминологии. Если же имеются в виду соседние с Фессалоникой славяне, то почему, собственно, сермисиане должны были их опасаться?

На первый взгляд, политическая ситуация в Македонии значительно изменилась в сравнении с предшествовавшим периодом (концом 70-х годов VII в.), отраженном в четвертой главе 2-й книги "Чудес св. Димитрия". Господствовавшие в Македонии славянские племена теперь превращены как-будто в послушных исполнителей воли императора. Автор определенно подразумевает, что Кувер, перейдя Дунай, оказался на территории под

византийской властью. Изменение ситуации в районе Фессалоники могло быть следствием только одного предприятия империи в этот период — похода против славян Стримона в 678 г.¹¹ Однако, по нашему мнению, в приведенной выше фразе, содержащей упоминание о славянах, автор, благодаря случайно оброненному замечанию, проясняет реально существовавшую ситуацию в районе к западу от Фессалоники в 80-х годах VII в. Славяне, вероятно, продолжали владеть всей этой областью, и сермисиане, вынужденные проходить через их селения, видимо, подвергались большой опасности. Даже византийское войско, присланное "для охраны" (*ἐπὶ παραφυλακῇ*) сермисиан, расположилось у стен города, не решаясь углубиться на славянскую территорию.

3. Наконец, хотелось бы прокомментировать еще один момент, связанный с планами Кувера и Мавра. Автор говорит о том, что захватить город протоболгары собирались "через междоусобную войну" (*δι' ἐμφυλίου πολέμου*). Это выражение не менее четырех раз повторено в тексте, а также стоит в заглавии к этой главе (р. 229,27, § 291; 230.26, § 294; 232.31, § 301; 233.32, § 305). А в одном месте автор уточняет, говоря, что Мавр должен был "вместе со своими опытными в военном деле [людьми] вызвать междоусобную войну" (*ἀμα τῶν μετ' αὐτὸν ἐμπειροπολέμων ἐμφύλιον βάλεν πόλεμον*), устроив пожар в некоторых важных местах города (230.25–26, § 294). Мавр был окружен преданными ему людьми, преимущественно, видимо, протоболгарами, "разделявшими его хитрый замысел" (230.21, § 294). Из их среды он назначал командиров всех рангов в своем войске. Наиболее мужественные и опытные воины (в источнике они названы "госплитами") составляли его личную охрану, получая плату из казны. Этой сплоченной протоболгарской группировки в городе боялись даже "правящие" (*κρατοῦντας* – р. 230.19, § 293). Однако создается впечатление, что Кувер и Мавр либо рассчитывали на поддержку своих сторонников среди жителей города, либо же хотели использовать, спровоцировав "междоусобную войну", борьбу в Фессалонике каких-то группировок. Действительно, ряд данных источника свидетельствует о существовании определенных противоречий среди жителей города, которые особенно обострялись в моменты возникновения внешней опасности. Анонимный автор откровенно обвиняет часть городской знати и правителей города в том, что Фессалоника оказалась на грани катастрофы во время славянской блокады 676-678 гг. Можно судить также о своеобразных отношениях, сложившихся между Фессалоникой и окружавшими ее славянами. Славянские вожди свободно приходили в город (здесь и был арестован вождь ринхинов Первуд); во время осады Фессалоники славянами в 70-х годах VII в. было много случаев измен и перехода на сторону врага со стороны как фессалоникийцев, так и славян. После разгрома стримонцев в 678 г. часть бежавших из района военных действий славян нашла убежище в Фессалонике. Таким образом, можно предполагать, что в самом городе уже было значительное славянское население, а вожди окружавших город славянских народов находились в тесном контакте с определенными кругами городской знати (примечательно, что за Первуда ходатайствовало перед императором совместное посольство от славян и горожан). В связи с данной проблемой встает старый вопрос, не так давно трактовавшийся А. Гийю, о значительной славянизации Фессалоники в VII в.¹² И если эта

точка зрения нам представляется крайней, то отрицать наличие значительного славянского населения в городе все-таки было бы опрометчиво.

Не случайно, видимо, автор 2-й книги "Чудес св. Димитрия" говорит о том, что Мавр был избран среди других архонтов Кувера для осуществления задуманного плана, т.к. знал четыре языка — *τὴν καθ' ἑαυτοῦ ἑλληνιστίαν, τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων* (p. 229. 21–22, § 291).

Вопрос о том, какие именно языки (кроме славянского и болгарского) знал Мавр, является дискуссионным. Высказанное осторожно П. Лемерлем в связи с данным и двумя другими неясными местами в "Чудесах св. Димитрия" предположение о существовании особого фессалоникийского диалекта пока не нашло поддержки среди исследователей¹³. Но тот факт, что анонимный автор придает большое значение упомянутой способности Мавра, свидетельствует о том, что на этих языках говорили не только в прилежавшем к Фессалонике районе, но они, видимо, были распространены также в самом городе. Таким образом, население Фессалоники в 80-х годах VII в., видимо, было довольно пестрым в этническом отношении, и планы протоболгар были связаны с надеждами использовать сложную этнополитическую ситуацию, сложившуюся во втором по значению городе империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Милев Н. Кубрат от историята и Кубер в "Чудесата на св. Димитрия Солунски" // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. С., 1910. Т. 22. С. 557–586; *Dujčev I.* Un passage obscur des "Miracula" de S. Démétrius de Thessalonique // *Byzantion*, 1938. Т. 13. Р. 207–216; *Grégoire H.* L'origine et le nom des Groates et des Serbes // *Byzantion*, 1944–1945. Т. 17. Р. 88–118; *Баришић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извори. Београд, 1953. С. 126–136; Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955. Т. I. С. 211–216; *Charanis P.* Kouver, the Chronology of his Activities and their Ethnic Affects on the Regions around Thessalonica // *Balkan Studies*, 1970. Т. 11. Р. 229–247; *Beševliev V.* Randbemerkungen über die "Miracula sancti Demetrii" // *BYZANTINA*, 1970. Т. 2. Р. 287–300; *Lemerle P.* Les plus anciens Recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Т. II. Commentaire. Р., 1981; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1981. С. 190–195; *Петров П.* Образуване на българската държава. С., 1981. С. 186–192; *Γρηγορίου – Ἰωαννίδου Μ.* Τό 'επεισόδι τοῦ Κοῦβερ στὶ Θάμναι τοῦ Ἀγίου Δημητρίου // *BYZANTIKA*, 1981. Т. I. Σ. 67–87; *Войнов М., Тъпкова-Заимова В.* България на Аспарух и България на Кубер // Военноисторически сб., 1982. № 5. С. 47–56.

² *Баришић Ф.* Чуда... С. 126–136.

³ *Lemerle P.* Op. cit. Т. II. Р. 161.

⁴ *Ibid.* Т. I. Le Texte. Р., 1979 (ссылки на "Чудеса св. Димитрия" с указанием страницы, строки и параграфа даются по этому изданию).

⁵ *Zacos G. – Vegler A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I/1. Р. 635, n. 934.

⁶ *Lemerle P.* Op. cit. Т. II. Р. 141–143.

⁷ Локализуется исследователями к северо-западу от Фессалоники в районе совр. городов Битола и Прилеп.

⁸ Дискуссию по этому вопросу см.: *Γρηγορίου – Ἰωαννίδου Μ.* Τό 'επεισόδι... σ. 72–74.

⁹ *Lemerle P.* Op. cit. Т. I. Р. 223, n. 2.

¹⁰ *Ibid.* Т. II. Р. 161.

¹¹ О возможных изменениях ситуации в этом районе в результате большого посольства к императору от разных народов в 678 г. судить трудно, т.к. остается спорным, входили ли вожди славян из Македонии в состав этого посольства. См.: *Петров П.* Указ. соч. С. 191.

¹² *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'empire Byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969. Р. 150–151.

¹³ Lemerle P. Op. cit. T. I. P. 223, п. 3; T. II. P. 150, п. 233; P. 244. Большинство исследователей считает, что под 'Ρωμαίων γλῶσσαν в данном случае следует понимать латинский язык, а под καθ' ἡμᾶς γλῶσσαν — греческий. Однако П. Лемерль справедливо отмечает, что во всех других случаях "ромеями" автор второй книги "Чудес св. Дмитрия" называют греческих подданных Византийской империи. См. об этом также: Γρηγορίου — Ἰωαννίδου Μ. Μία παρατηρήσιμη στὴ διηγήσιν τῶν θαυμάτων τοῦ Ἁγίου Δημητρίου. // BYZANTIAKA, 1983. Т. 3. S. 85–90 (с богатой специально по данному вопросу библиографией).

А.И. ИВАНЧИК

О КИММЕРИЙЦАХ АРИСТЕЯ ПРОКОННЕССКОГО (Hdt. IV, 13)

Для решения проблем, связанных с киммерийцами, особенно важны немногочисленные свидетельства их современников. Одним из таких свидетельств является фрагмент из поэмы "Аримаспея" Аристея Проконнесского¹, дошедший до нас в пересказе Геродота² (Hdt., IV, 13). Во фрагменте упоминаются киммерийцы и дается их локализация: "ἔφη δὲ Ἀριστεύης... Κιμμερίους δὲ οὐκέοντας ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσῃ ὑπὸ Σκυθέων πιεζομένους ἐκλείπειν τὴν χώραν"³ Аристей сказал, что... киммерийцы, живущие у южного моря, теснимые скифами, покидают страну⁴. Изучение этого упоминания и реконструкция описанного здесь фрагмента киммерийской истории — цель данной работы. Особенно важно толкование термина "южное море", поскольку он дает единственную опору для пространственной локализации описываемых событий.

До недавнего времени общепринятой была точка зрения, согласно которой под *νοτίῃ θάλασσᾳ* подразумевалось Черное море, противопоставленное морю, "до которого" живут гиперборейцы (*τοὺς Ὑπερβορέους κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν*). Последнее трактуется как Северный Ледовитый⁴ или, редко Тихий океан⁵. В недавней работе И.В. Куклиной⁶ впервые высказано предположение о том, что *νοτίῃ θάλασσᾳ* следует отождествлять с Эритрейским морем. Рассмотрим, насколько справедливы оба толкования.

Интересующий нас фрагмент является геродотовским пересказом, органической частью его труда, а потому во многих отношениях, в том числе в словоупотреблении, должен подчиняться закономерностям, общим для всей "Истории". Поэтому для того, чтобы понять, что в нашем контексте означает термин *νοτίῃ θάλασσᾳ*, надлежит разобрать остальные случаи, в которых Геродот обозначает море по одной из сторон света. Если не считать нашего фрагмента, то таких контекстов девять (II, 11; 32,4; 158,4; 159,1; III, 17,1; IV, 37,1; 42,3; 100,1; VI, 31,2)⁷.

А.И. Доватур, посвятив специальную статью названиям морей у Геродота⁸, убедительно доказал, что их обозначения по сторонам света не имеют в "Истории" абсолютного смысла и могут относиться к разным морям. И.В. Куклина отвергает этот вывод, считая, что обозначение морей по сторонам света зависит у Геродота от исходной точки зрения на окружающий мир и связано с представлениями о Греции (Ионии) как центре ойкумены⁹. Поэтому она утверждает, что *νοτίῃ θάλασσᾳ* у Геродота во всех случаях означает Эритрейское море. Анализ И.В. Куклиной имеет ряд недо-

статков. Прежде всего, она рассматривает только те контексты, где употребляется слово "νοτίη", не разбирая те, где говорится о βορρη(ε)ήν θάλασσα (II, 32; 159) и о ἡοίη θάλασσα (IV, 100). Это сильно затемняет картину и сокращает базу исследования на целую треть. Главному положению И.В. Куклиной о том, что точка отсчета для всех "северных", "южных" и "восточного" морей едина и находится в Ионии или Дельфах, причем Средиземное море мыслится как центральное, противоречат тексты. Совершенно не согласуется с таким толкованием факт, что Средиземное море неоднократно называется "северным" (II, 11; 32; 158; 159; IV, 42). Доказательства А.И. Доватура нигде не опровергнуты И.В. Куклиной, а потому его вывод об относительном характере обозначения морей по сторонам света остается в силе. Однако А.И. Доватур не привел в своей статье соображений о причинах введения таких наименований морей и не сформулировал общего принципа. Попытаемся сделать это.

Прежде всего, следует выделить контексты II, 37,1; IV, 100,1 и VI, 31,2. Их объединяет общее значение названий сторон света: северное, восточное и южное моря означают здесь соответственно "море у северного, восточного и южного побережья". Эти употребления не могут быть объяснены исходя из представления об абсолютном характере обозначений морей по сторонам света и, подтверждая выводы А.И. Доватура, являются серьезным аргументом против точки зрения И.В. Куклиной. Однако они не имеют географической нагрузки и служат для обозначения побережий, а не самих морей. Иначе в других местах.

Вторую группу контекстов составляют те, где под βορρη(ε)ήν θάλασσα подразумевается Средиземное море, а под νοτίη — Эритрейское (II, 11,3; 158,4; 159,1). Во всех случаях эти наименования даны в паре, а не обособлено. При этом термин βορρη(ε)ήν θάλασσα никогда не уточняется, а для νοτίη θάλασσα, наоборот, каждый раз указывается, что оно ἢ Ἐρυθρῇ καλεομένη. При этом в одном из контекстов (II, 159,1), при сохранении отмеченного противопоставления, Эритрейское море не названо νοτίη, что свидетельствует о том, что названный термин в таком употреблении не имеет самостоятельного смыслового значения и легко может быть опущен без ущерба для смысла.

Но зачем Геродот применяет столь громоздкую систему географических названий — не проще ли и здесь называть моря их собственными именами, как он это делает в большинстве случаев? Ответ ясен: в античной географии Средиземное море не имело названия, и Геродоту приходилось придумывать для него описательные обозначения. Когда это не мешало пониманию смысла, он называл его просто "это море" — ἡδε ἡ θάλασσα (I, 1,1; 185,2; IV, 39,2; 41), иногда обозначал описательно: τὴν... Ἑλλήνες ναυτιλοῦνται πᾶσα (I, 202,4). Одним из таких наименований и был термин βορρη(ε)ήν θάλασσα, особенно удобный там, где речь шла одновременно о Средиземном и Эритрейском морях. Итак, в рассматриваемой группе контекстов первичным является термин βορρη(ε)ήν θάλασσα, необходимый для описательного обозначения Средиземного моря. Употребление же слова "νοτίη" здесь не смысловое, а чисто стилистическое, в concinnitas с "βορρη(ε)ήν θάλασσα". Оно всегда уточняется и может опускаться без ущерба для смысла.

В третью группу входят два контекста, в которых термин "νοτίη θάλασσα"

употреблен без уточнений и имеет смысл, отличный от "Эритрейское море" (III, 17,1; IV, 42,3). Оба употребления имеют в виду крайние южные пределы ойкумены. Геродот, как известно, отрицая идею Океана, все же считал доказанным, что Африка со всех сторон окружена водой. Именно эти водные пространства, о которых ничего не было известно, кроме факта их существования, и которые, разумеется, не имели собственного имени, Геродот и называет "*νοτίη θάλασσα*", заменяя этим термином скомпрометированное в его глазах название "Океан". Следует отметить, что Геродот совершенно четко различает *νοτίη θάλασσα* в таком значении и Эритрейское море (IV, 42,3): "*δρμηθέντες ὧν οἱ Φοίνικες ἐκ τῆς Ἐρυθρῆς θαλάσσης ἔπλεον τὴν νοτίην θάλασσαν*" итак, финикийцы, отправленные из Эритрейского моря, поплыли по южному морю. Вообще всюду, где Геродот упоминает Эритрейское море (I, 1; 180; 189; 202; II, 11; 102; 158; 159; III, 30; 93; IV, 37; 39; 40; 41; 42; VI, 20; VII, 80; 89), он имеет в виду достаточно хорошо известное море, омывающее Азию с юга, в полном соответствии с остальной античной традицией, называющей так северную часть современного Индийского океана с его заливами (Аравийским и Персидским), т.е. водные пространства между Кушем и Индией, не южнее. Характерны в этом смысле данные перипла Эритрейского моря, который, ограничивая его южный предел пунктом Раты, говорит: "далее за этими местами простирающийся Океан не исследован; он загибается на запад и, простираясь... по направлению к югу, соединяется с Гисперийским (Атлантическим) морем" (Ps.-Arr., *Peripl. maris Erythr.*, 18; ср. Hdt., I, 202,4). Таким образом, следует различать хорошо известное Геродоту Эритрейское море, омывающее Азию с юга, и совершенно неизвестное море, которое другие авторы предпочитают называть Океаном, омывающее Африку. При нашем толковании становится понятным употребление термина "*νοτίη θάλασσα*" в контексте III, 17,1, которое замечательно тем, что интересующее нас слово стоит в нем и без уточнения, и без противопоставления другому морю. Здесь идет речь о неумеренных претензиях Камбиза, замышлявшего поход против эфиопов, обитавших *ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσσῃ*, т.е. собиравшегося захватить всю землю до ее южных пределов. Для греческой географической мысли, начиная с Гекатея¹⁰, было характерно представление о том, что ливийские эфиопы, будучи самым южным народом (вместо пигмеев Гомера), населяют берег южного океана (см., например, Strabo, I, 24–28, где указываются точки зрения разных географов). При этом Геродот обязательно должен был различать здесь *νοτίη θάλασσα* и Эритрейское море хотя бы для того, чтобы избежать путаницы с восточными, индийскими эфиопами, традиция о которых, восходящая еще к Гомеру (Od., I, 234 сл.; 424; XXIII, 206), сохранилась и у Геродота (III, 94,1; VII, 9,2; 71). Именно эти последние, а никак не ливийские эфиопы, жили на берегу Эритрейского моря. Итак, в рассматриваемой группе контекстов термин "*νοτίη θαλάσσα*", прилагаясь к морю, не имеющему собственного названия и не будучи снабжен уточнением, выполняет смысловую, а не стилистическую функцию. Он обозначает то море, которое омывает Африку с юга и соединяет воды Атлантического и Эритрейского морей, т.е. то, что обычно античные авторы называют южным океаном. Контекст IV, 42,3 в отношении употребления термина "*βορρῆν θάλασσα*" полностью аналогичен предыдущей группе.

Наконец, последнюю группу составляет единственный контекст IV, 37,1. Он сохраняет противопоставление *νοτίη* – *βορήη*, но здесь обе его части имеют при себе уточнения, причем под *βορήη θάλασσα* подразумевается Черное море. В этом контексте на терминах "северное" и "южное" лежит смысловая нагрузка, отличающая рассматриваемое от остальных употреблений. В данном месте IV книги Геродот излагает свое представление о географии ойкумены. Главные его идеи – отрицание существования Океана и то, что европейский материк значительно больше Африки и Азии вместе взятых (IV, 42). Азию он считает ограниченной с юга Эритрейским морем, а с севера Черным. Именно поэтому, описывая ее население *ἐκ θαλάσσης ἐς θάλασσαν*, он для подчеркивания этой мысли употребляет наименование "северное" и "южное", уточняя их.

Таким образом, во всех случаях употребления наименований морей по одной из сторон света замечен общий, точно выдерживаемый принцип. Везде такие наименования имеют относительный характер. Там, где это возможно, Геродот, употребляя такое обозначение, вводит уточнения. Когда же они употребляются без уточнений, то прилагаются к морям, не имеющим собственного имени. Дополнительным пояснением в этом случае служит упоминание другого моря, лежащего в противоположной стороне света и противопоставленного первому. Вообще говоря, именно эти случаи в первую очередь и побуждают Геродота вводить обозначения морей по сторонам света и только здесь они являются полностью смысловыми. Там же, где такие обозначения уточняются, их употребление диктуется требованиями стиля или (как в контексте IV, 37) вводит дополнительный смысловой нюанс. Несколько особняком стоят контексты, выделенные нами в первую группу, но и они подчиняются общей закономерности. В этих контекстах, в отличие от всех остальных, наименования морей по одной из сторон света не несут никакой специфически географической нагрузки, обозначая лишь положения их побережий по отношению к суше, однако и их можно истолковать как обозначения морей, лишенных собственного имени. Действительно, хотя Хиос, Лесбос и Тенедос располагаются в *Αἰγαῖον πέλαγος*, но части Эгейского моря, лежащие к северу или югу от их берегов, не имеют, конечно, собственных имен (VI, 31). Итак, и они не выпадают из общей системы. Как видно, термин "*νοτίη θάλασσα*" 13-й главы IV книги, будучи включен в систему аналогичных геродотовских употреблений, может обозначать только такое море, которое не имело собственного названия. Ни Евксинское, ни Эритрейское моря этому условию не удовлетворяют, зато ему прекрасно соответствует Средиземное море в той его части, где оно омывает южный берег Малой Азии. Рассматриваемый фрагмент, таким образом, должен быть сближен с контекстами II, 11,3; 158,4; 159,1; IV, 42,3 с той лишь разницей, что там точка отсчета находится южнее Средиземного моря, а здесь – севернее.

Дополнительным аргументом в пользу сделанного здесь вывода о значении термина "южное море" могут послужить еще некоторые наблюдения над текстом Геродота. Говоря о море, у которого живут гипербореи (оно в нашем фрагменте противопоставлено "южному морю"), Геродот называет его неопределенно – *ἡ θάλασσα*. Ни геродотовская, ни другая традиция передачи Аристее¹¹ (Дамаст, St. Byz., s.v. *ὔπερβόρειοι*) не позволяет с полной уверенностью решить, что он имел в виду, однако кажется весьма

вероятным, что здесь подразумевался Океан. Ряд данных заставляет думать, что современники Аристеея считали Черное море частью Океана, однако за недостатком места не будем излагать здесь соображения по данному вопросу, предполагая посвятить ему отдельную работу. Вполне возможно, что Аристей вовсе не употреблял термина "Океан" (у Дамаста сказано ἡ ἑτέρα θάλασσα), и неопределенное ἡ θάλασσα Геродота отражает колебания последнего по поводу интерпретации текста Аристеея. С одной стороны, в контексте IV книги ἡ θάλασσα без дополнительных пояснений служит наиболее частым обозначением Черного моря (IV, 12; 18; 28; 56 и др.; особенно показателен контекст IV, 101, текстуально близкий нашему: κατήκοντων ἐς θάλασσαν). Так наиболее естественно было бы понять его и здесь, тем более, что Геродот назвал Черное море именно так (IV, 12). Обычное же наименование Океана для Геродота — ἡ ἕξω θάλασσα (Ὠκεανός обычно употребляется в передаче чужой речи и полемике¹²). Кроме того, при том интересе, который Геродот испытывал к проблеме северной границы земли, он вряд ли избежал бы упоминания "северного" моря. Аристеея в том месте, где разбирает данную проблему (IV, 45; ср. III, 115), если бы был уверен, что его "море" обозначает именно это. В то же время помещение исседонов далеко на востоке (IV, 25), кажется, не позволяет толковать гиперборейское море как Черное. Однако противоречие снимается, если считать, что для Аристеея Черное море — часть Океана, имеющая продолжение на восток. Однако, повторяю, это тема отдельной работы и высказанные предположения не могут быть здесь достаточно обоснованы.

Что касается той связи, в которой стоят пересказ Аристеея и другие версии ранней истории скифов, приводимые Геродотом, то она также не позволяет считать, что рассматриваемые нами события происходили в Северном Причерноморье. В главах 5—12 Геродот излагает различные версии происхождения скифского этноса. При этом, согласно одной из легенд, пересказываемой самими скифами, они являются автохтонным населением Причерноморья (IV, 5—7). В противовес этой, равно как и эллинской мифологической версии, Геродот приводит рассказ, которому он сам доверяет (αὐτὸς πρόβλεπει — IV, 11) и согласно которому скифы — пришлое население Северного Причерноморья. В подтверждение принятой им версии Геродот пересказывает Аристеея, завершая пересказ фразой "οὐτὼ οὐδὲ οὗτος (sc. Ἀριστεύς) συμφέρεται περὶ τῆς χώρης ταύτης Σκύθῳ" ('вот и он (Аристей) не соглашается со скифами относительно этой страны' (конечно, Северного Причерноморья)). Единственный вывод, который можно сделать из этой фразы: Аристей не рассматривает скифов как автохтонное население Северного Причерноморья или вообще как население этой области, что естественно, если описываемые им события происходили где-то в Азии. Такое толкование согласуется с данными других источников.

Согласно имеющимся сведениям (правда, весьма немногочисленным), после своих удачных войн с Лидийским царством и ионийскими городами киммерийцы пытались обосноваться в районе Киликии и южной Каппадокии. В Киликии произошло их столкновение со скифами, спровоцированное Ассирией, которая рассматривала ее как своего вассала и не была заинтересована в усилении там своих врагов — киммерийцев. Это столкно-

вание завершилось победой скифов. В Киликии же погиб вождь киммерийцев Лигдамис (Strabo, I, 3,21; здесь Страбон путает киммерийцев и треров). Победы скифского вождя Мадия были очень серьезными, однако киммерийцы не исчезли совершенно и почти полвека спустя лидийскому царю Алиатту (вступил на престол в 617 г. до н.э.¹³) пришлось иметь с ними дело (Hdt., I, 16). Об особой связи киммерийцев с Киликией свидетельствуют также данные ономастики. Одно из трех известных имен киммерийских вождей *Sandakšatru* или *Sandakkurru* (знак *šat* здесь может иметь чтение *kur*¹⁴), видимо, является теофорным и несет имя божества Сандона¹⁵. В работе Л. Згусты о малоазийских личных именах зафиксировано 12 имен с этим компонентом¹⁶. Из 22 случаев их употребления 16 приурочено к Киликии, 1 — к Каппадокии, 1 — к Писидии, 1 — к Ликии, 2 — к Лидии, 1 — к Пафлагонии. Возможно, что Киликию же имеет в виду и гимн Ашшурбанапала Мардуку, датирующийся 50-ми годами VII в. до н.э. В нем говорится о киммерийцах как народе, находящемся "над морем", "выше моря"¹⁷. Эти данные позволяют предположить, что Киликия некоторое время могла считаться киммерийской территорией, а сами они — населением приморских районов. По-видимому, в результате побед скифов и сопротивления местных народов их вторжению киммерийцы были вытеснены из этого района в соседнюю южную Каппадокию, которой и дали свое имя (в поздней армянской традиции за ней удержалось название *Gamirk*¹⁸). Таким образом, сообщение Аристия Проконнесского о киммерийцах, живущих у "южного моря", если считать, что речь идет о Средиземном море и Киликии, согласуется с данными других источников.

В заключение следует обратить внимание на еще одну особенность анализируемого текста, кажется, раньше не отмечавшуюся. Его внутренняя структура, отражающая структуру соответствующих мест поэмы Аристия, представляется в следующем виде: 1) Аристей дошел до страны исседонов; 2) описание соседей исседонов; 3) описание их вражды между собой; 4) указание на киммерийцев. При этом упоминание киммерийцев отличается от упоминаний остальных этносов тем, что для них дается локализация там, где говорится об их вражде с соседями, тогда как для остальных она дана отдельно и раньше (пункт 2). Разумеется, такой особенности неоткуда взяться, если она отсутствовала у Аристия, поэтому можно предположить, что в соответствующем месте его поэмы киммерийцы упоминались впервые. Характерно, что для скифов, которые в пересказе Геродота также названы впервые в описании их вражды с соседями, локализации не дается. Это можно объяснить тем, что у Аристия она была раньше, в перечислении соседей исседонов, а в соответствующее место труда Геродота скифы не попадали. Произошло это, скорее всего, потому, что Геродот интересовался только северные соседи исседонов (только о них он и говорит здесь), а скифы граничили с ними с запада (IV, 25). Такая выборка из поэмы Аристия, видимо, объясняется особым интересом Геродота к северным областям и попыткой определить северные границы земли (ср.: IV, 16—36). Таким образом, киммерийцы, в отличие от скифов, не были населением исседонской округи. Однако Аристей, повествуя об отдаленных племенах, стремился связать рассказ о них с событиями, хорошо известными его соотечественникам. Рассказывая о вражде воинственных варваров,

постоянно вытесняющих своих соседей из их земель, Аристей повествует о конечном результате этой вражды: вытесненные из своих мест обитания скифы приходят в Малую Азию и побеждают живущих у Южного моря киммерийцев. Это столкновение, конечно, должно было привлечь внимание ионийцев, только что пострадавших от набегов последних и, по-видимому, даже породило у них представление об исконной вражде двух этносов¹⁹. Таким образом, наша локализация киммерийцев Аристеем не является в то же время локализацией исседонов и скифов и не противоречит помещению их, например, в Средней Азии.

Наконец, последний вывод нашего анализа состоит в том, что мы получаем твердые основания для датировки поэмы Аристеем. Поскольку конфронтация скифов и киммерийцев в Киликии достаточно точно датирована, мы получаем *terminus post quem* для написания "Аримаспей". Если изложенные в данной работе построения верны, то поэма Аристеем должна быть написана позже 640 г. до н.э.,²⁰ т.е. ее можно датировать второй половиной VII в. до н.э. (верхняя граница датировки достаточно убедительно обоснована Дж. Болтоном²¹).

Итак, результатом нашей работы является локализация упомянутых Аристеем Проконнесским событий на побережье Средиземного моря, в Киликии. Эта локализация ничего не говорит о месте обитания исседонов и их соседей скифов. Локализация киммерийцев на побережье Средиземного моря согласуется с данными исторических источников и не противоречит ни тексту Геродота, ни данным, позволяющим судить о поэме Аристеем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор благодарит С.С. Соловьеву и С.Р. Тохтасьева за ценные для него замечания и обсуждения.

¹ Наиболее обоснованной представляется датировка Дж. Болтоном поэмы второй — третьей третью VII в. до н.э. (*Bolton J.D.P. Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962. P. 3–7*). Е.Д. Филлипс датирует ее второй третью VII в. до н.э. (*Phillips E.D. The legend of Aristeas // Artibus Asiae, 1955. XVIII. P. 163*). И.В. Кукулина (Этногеография Скифии по античным источникам. Л.; 1985. С. 68) принимает датировку первой половиной VII в. до н.э. Существует также датировка VI в. до н.э. (например: *Bethe E. Aristeas // RE, 1896. II. Col. 876*), но она основывается на источниках, смешивающих Аристеем с Абарисом. Что касается проблемы реальности Аристеем (она поставлена и решена негативно в работе: *Meuli K. Scythica // Hermes, 1935. LXX. 2. p. 153, f.*), то после монографии Дж. Болтона можно не сомневаться, что Аристеем был реальным лицом.

² Существуют также фрагменты текста "Аримаспей": Longin. De subl. X. 4; Tzet. Chil. VII. 686, sq. = *Kinkel G. Epicorum graecorum fragmenta. Leipzig, 1877. f. 245, fr. 1–4; Bolton J. Op. cit. p. 207–208, fr. 3–5, 7*. Однако их подлинность сомнительна (*Bolton J. Op. cit. P. 8–38*). Кроме того, они, хотя частично перекрывают пересказ Геродота, не содержат упоминания киммерийцев.

³ Здесь и далее цитаты из Геродота даются по изданию: *Herodoti historiae. Recognovit C. Hude. Oxonii, 1933*.

⁴ См. например: *Hermann A. Issedoi // RE, 1914. IX. Col. 2244; How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1928, ad loc.; Hennig R. Herodotos Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // Klio, 1935. XXVIII. S. 242; Kindermann K. Die älteste Kunde Sibiriens im klassischen Altertum. Berlin, 1966. S. 336; Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 37 и сл.; Доватур А.И. Обозначения морей у Геродота // ВДИ, 1982. № 3. С. 112; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 221, примеч. 184.*

⁵ *Bolton J. Op. cit. P. 74–118*.

⁶ *Кукулина И.В. Указ. соч. С. 72–77*.

- ⁷ Проверено по изданию: Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1966. P. 61, 224.
- ⁸ Доватур А.И. Указ. соч. С. 110–113.
- ⁹ Куклина И.В. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁰ Jacoby F. Hekataios // RE, 1912. VII. Col. 2708.
- ¹¹ У Дамаста Аристей не упомянут, однако предположение о том, что цитируется именно он, представляется более чем вероятным. Дж. Болтон включает этот текст в число фрагментов Аристия (Op. cit. P. 211).
- ¹² Шишова И.А. Представление об Океане у античных авторов // ВДИ, 1982. № 3. С. 117–118.
- ¹³ Струве В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 90 и сл. Ср. впрочем: Мазетти К. Вопросы лидийской хронологии // ВДИ, 1978. № 2 (высказывается сомнение в достоверности хронологических сведений Геродота о Лидии).
- ¹⁴ Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ, 1951. № 3. С. 243.
- ¹⁵ Он же. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 240–241.
- ¹⁶ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 454, f.
- ¹⁷ Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники..., № 78 = Winckler H. Altorientalische Forschungen. Leipzig, 1897. VI. S. 492, f. Интересно также упоминание страны Gmr в книге Езекииля (Ез., 38–39) рядом с Домом Тогармы (со столицей в Мелиде).
- ¹⁸ Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. // ВДИ, 1981. № 2. С. 49.
- ¹⁹ Дьяконов И.М. История Мидии. С. 244.
- ²⁰ Гибель Тугдамме, описанная в восточных источниках (Campbell Thompson R., Mallowan M.E.L. The British Museum Excavations at Nineveh, 1931–1932 // Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool, 1933. XX. P. 79, f.; Millard A.R. Fragments of Historical Texts from Nineveh: Ashurbanipal // Iraq, 1968. XXX. P. 109, f) датируется ок. 641/640 гг. до н.э. (Тадмор Х. Три последних десятилетия Ассирии // Тр. XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1962. Т. 1. С. 240–241), а разгром киммерийцев, видимо, произошел несколько позже.
- ²¹ Bolton J. Op. cit. P. 3–7.

И.А. КАЛУЖСКАЯ

К ВОЗМОЖНОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ АЛБАНО-ВОСТОЧНОРОМАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЙ

Попытки хронологической стратификации албано-восточнороманских лексических соответствий были до настоящего времени немногочисленны. Первая из них принадлежит Г. Вайганду¹, который выделил в румынском три слоя албанских заимствований: 1) слова, сохранившие в румынском праалбанскую форму (resp. фракийскую, в соответствии с концепцией фракийского генезиса албанского языка, развиваемой Вайгандом); 2) слова, имеющие в албанском надежные индоевропейские или латинские этимологии; 3) ряд слов, зафиксированных в старорумынских памятниках (с чертами ротацизма $VnV > VrV$, аналогичного албанскому), а также некоторые диалектизмы из западных областей Румынии, которые автор связывал с довольно поздней албанской инвазией (XI–XII вв.) в Трансильванию. Если отвлечься от некоторых спорных моментов как этимологического, так и хронологического характера, основное достоинство названной

работы состоит в систематизации материала на основании формальных критериев (установление соответствий алб. *dh* ~ рум. *z*, алб. *dh* ~ рум. *d*, алб. *-ll-* ~ рум. *-r-* и под.); весьма важной представляется гипотеза о наличии в румынском языке латинизмов, опосредованных албанским. К сожалению, в дальнейшем данное направление в исследовании общей албано-восточнороманской лексики почти не развивалось. Недавнее обращение к этой теме А. Росетти² носит слишком общий и эскизный характер. Следует упомянуть также работу Э. Хэмпса³, где автор высказывает мысль о наличии трех субстратных слоев в лексике карпато-балканского региона: "протоалбаноидного", доримского и послеримского.

Целью настоящей статьи является попытка хронологической стратификации ряда албано-восточнороманских лексических сходжений на основе этимологических и историко-фонетических критериев. Рассматриваются лексемы, содержащие такие фонетические соответствия, как рум. *ț* ~ алб. *th* и рум. *s* ~ алб. *th*.

Рум. *ț* ~ алб. *th*

1. Рум. *țarc* п. 'ограда из ивовых прутьев, где хранят сено, солому, содержат овец и другой домашний скот; загон; короб в винном прессе'⁴, также 'стойло для скота' (Трансильвания, Молдова, Мунтения)⁵; алб. *thark* м. 'место, огороженное плетнем, куда загоняют скот и свиней; плетеный чулан для хранения и изготовления молочных продуктов; огороженное на земле место, где хранят зерно; амбар для кукурузы; силосная яма; перен. помет (детеныши) у домашних животных'⁶.

Указанное тождество, предложенное О. Денсушяну⁷, широко признано в литературе⁸, тем не менее, интерпретации его происхождения довольно разнообразны. Так Х. Барич⁹ полагал, что рум. *țarc* отражает алб. **të sark* — сочетание с препозитивным артиклем. Однако это объяснение внушает недоверие, поскольку в подобной конструкции существительное должно стоять в род.п. и иметь иное грамматическое оформление (*të tharku* или *të tharkut*); кроме того, реконструкция **s* представляется в данном случае неправомерной (см. ниже). Неудовлетворительно также объяснение из перс. *čarx*, *čerx* 'круг'¹⁰. Неприемлемо, несмотря на смысловую близость, сопоставление рум. и алб. слов с греч. *ἐρκος* 'ограда, забор, сеть', *ῥρκάμη* 'ограда, стена', лат. *sarcina* 'связка, тюк, узел' < и.-е. **serk-* 'плести, огораживать'¹¹, поскольку достоверные рефлексy и.-е. **s* в алб. *th* прослеживаются только в двух случаях: алб. *thi* 'свинья' < **sūs* и *thaj* 'сушить' < **saus-n-jo*, объясняемых диссимиляцией¹².

При этимологизации алб. *thark* представляется наиболее перспективным сближение с глаголом *thur* 'огораживать; плести; изготавливать плетеные изделия' (Fjalor f. 587), сделанное еще Г. Мейером¹³, который предположил родство алб. *thur* с лат. *crātis* 'плетенка', греч. *κurlba* то же и др. Последнее утверждение, однако, неверно, поскольку перечисленные греч. и лат. лексемы восходят к и.-е. **kert-* 'вращать, сворачивать' (Pokorny I s. 584) с непалатальным *k*, имеющему в албанском совсем иные продолжения (см. ниже о рум. *cursă* ~ алб. *kurthë*). Алб. *th* может восходить в данном случае только к и.-е. **k̑*, в связи с чем В. Цимоховский¹⁴ предложил сближение алб. *thur* с арм. *sari-k̑* Pl. 'веревки, пути' и греч. *καῖρος* (< **k̑airos*) 'концы нитей в ткацком станке, к которым прикрепляют нити основы', *καῖρωμα* то же, также 'ткань', *καῖρω* ω

лат. источнику, а другой — связан с алб. *i tharbēt*²⁶. Данное объяснение, вполне приемлемое с точки зрения семантики, требует некоторых уточнений в плане фонетики, поскольку, как было показано выше, алб. *th* обычно соответствует рум. *ț*. С этой целью необходимо рассмотреть этимологические версии, объясняющие алб. *tharbēt*. Г. Мейер (Meyer EWA S. 88) на основании сравнения *ðarba- с ср.-в.-нем. *here*, *herwer* (*häre*, *härwer*), нем. *herb* 'терпкий' восстанавливал в начале слова **k̑*²⁷. Н. Йокль сопоставлял алб. *tharm*, *tharb* 'закваска' с лит. *šarmas*, лтш. *saĩms*, др.-прусс. *sirmes* 'шелок', нем. *Harn* 'моча'²⁸. Неприемлемо по фонетическим причинам объяснение И. Руссу и Ч. Погирка²⁹ из и.-е. **sou-ro-*, *sū-ro: др.-исл. *sýra* 'кислое молоко', лит. *sūris* 'сыр' и пр. (Pokorný I, s. 1039; об алб. *th* < *s см. выше). Основной недостаток перечисленных этимологий состоит в изолированном рассмотрении албанского слова, в то время как оно входит в большое словообразовательное гнездо, связанное с глаголом *thar* 'заквашивать молоко': *tharb*, *tharm* т. 'закваска', *tharb*, *thartój* vb. 'делать кислым; непер. киснуть', перен. 'обижать, ожесточать', *tharbëton* ' (о вине) скисать, превращаться в уксус', *thartim* т. 'кислый вкус; процесс брожения', *thartuer* 'перебродившая сыровотка, которую едят на второй или третий день' и пр. (Fjalor f. 584). Э. Чабей³⁰, справедливо связывая *tharbēt* с *thar*, рассматривает первое в качестве относительно позднего образования, вторичного по отношению к *thartë*. Нам представляется более логичным восстанавливать здесь две параллельные словообразовательные цепочки: *thar* → *thartë* и *thar* → *tharb* → *tharbēt*. Что касается алб. *thar*, то Чабей усматривает в нем более архаичную форму глагола *ther* (< *thar-i-)³¹ 'за- резать, заколоть (птицу, скот); проколоть, проткнуть ножом и под.' (Fjalor f. 584), приводя семантическую мотивировку, аналогичную нем. *Wein, Milch hat einen Stich, ist stichig*. Отрицая, вопреки Педерсену, родство алб. *ther* с и.-е. **k̑er*- 'ранить, повреждать', он ставит его в ряд с лит. *šerŭs* 'щетина, русск. *шерсть*, др.-в.-н. *hursti* 'cristas' или с арм. *sur* 'острый', ср.-в.-н. *hār* 'оселок', реконструируя в качестве основы и.-е. **k̑er*-. Подобный пересмотр этимологии представляется совершенно необоснованным. Следует заметить, что алб. *ther* правильно отражает и.-е. **k̑er*-³², а огласовка *a* в *thar* может рассматриваться как результат каких-то вторичных процессов, например, влияния именных форм. Связь значений 'колоть, резать', 'острый, колющий (в том числе о вкусе)' и 'киснуть', 'кислый' является универсальной и хорошо засвидетельствована в различных языковых традициях³³.

Усматривая в алб. *tharbēt* в конечном счете продолжение и.-е. **k̑er*- следует констатировать, что при заимствовании в румынский алб. *th* (< **k̑*) отразилось как *s*, что может быть объяснено предположением о хронологически более позднем характере заимствования по сравнению с *țarc* и *țeară*, когда *iš в албанском уже спيرانтизировалось.

2. Рум. *cursă* f. 'приспособление (из дерева, металла, проволоки или плетеное) для ловли животных; капкан, силок, верша', перен. 'опасность, угроза', 'наживка, приманка'³⁴: алб. *kurth* т., также *kurthë* f. 'приспособление для ловли мелких животных (мышей и под.); западня, капкан, силок' (Fjalor f. 235).

Мысль о близости данных слов, высказанная еще Г. Мейером (Meyer

EWA s. 216), связавшим их, правда, не совсем удачно с тур. *kurs* 'диск, круг', была принята многими исследователями. К. Дикулеску³⁵, основываясь на существовании в румынском языке дублетных форм типа *bîrîa: bîrşă* 'подпорка у плуга', реконструировал для *cursă* праформу *curtă, восходящую, по его мнению, непосредственно к др.-греч. *kurtiá* 'плетенка', *kúrthē* 'рыболовная сеть'; албанское слово он считал заимствованием из румынского. Данное построение весьма проблематично, прежде всего, ввиду отсутствия древнегреческих элементов в румынской лексике. Совершенно невероятна формально и содержательно этимология И. Руссу³⁶: < и.е. **k^her-* 'делать, формовать, лепить' (Pokorny I, s. 641). Наиболее приемлемый путь этимологического решения был намечен Х. Баричем³⁷, связавшим алб. *kurth* с др.-в.-н. *hurt* 'плетенка', греч. *kúrthos* 'плетенка, верша', др.-прусс. *corto* 'ограда (первоначально — сеть или загон [плетеные] для ловли животных)' < и.е. **korta-* 'плетень, забор'; рум. слово, по его мнению, заимствовано из албанского. Сходным образом, однако, с утверждением о независимом характере румынской и албанской лексем интерпретируют рассматриваемое тождество Ч. Погирк и Г. Брынкуш³⁸.

Обратимся к более внимательному рассмотрению и.е. **kert-*, *kerat-*, *krāt-* 'вертеть, крутить', 'плести из веток' и, прежде всего, к продолжениям **krti-* 'плетеная вещь' (Pokorny I, s. 584): др.-инд. *krññti* 'сучит нить, прядет', *kaṭa-* 'плетеное изделие, циновка' (< **kṛta-*), греч. *kártaλ(λ)ος* 'корзина', *kúrthos*, *kúrthē* 'плетеное изделие из камыша', 'верша', 'птичья клетка', *kurtiá* 'плетенка' (ступень редукции с и-огласовкой), лат. *crātis* 'плетеное изделие из веток, прутьев, плетень, решетка', *crātiō* 'бороновать' (< *k₂reti или *krāti), гот. *haurds* 'дверь' (< *krtis); др.-прусс. *corto* 'огороженное место'³⁹. В данном ряду содержатся некоторые формы (например, лат.), как будто указывающие на долготу слогового плавного, однако на фоне огласовки греческих форм они выглядят изолированно, что отмечалось уже в словаре Эрну-Мейе⁴⁰. По мнению Фриска (Frisk II, s. 55), лат. *crātis* или содержит долгий слоговой сонант, или является двусложным образованием. В этой связи представляется весьма заманчивым включить алб. *kurth(ë)* в серию продолжений и.е. **krt-*, наряду с лат. *crātis* и, возможно, гот. *haurds*, ср. алб. *grurë* 'зерно' < **g^hṛnom*: лат. *grānum*, гот. *kaurn*, ст.-слав. ЗРНО, лит. *žirnis*. В отношении семантики ср. замечание Г. Брынкуша о том, что "у пастухов в прошлом *cursă* не могла быть ничем иным, как ямой, покрытой сплетенной из прутьев решеткой"⁴¹. Предлагаемая этимология алб. *kurth(ë)* вынуждает нас, вслед за Баричем, трактовать рум. *cursă* как албанское заимствование, причем субституция алб. *th* через рум. *s* указывает на то, что к моменту заимствования *t* в сочетании *rt* уже перешло в *th* (ср. аналогичный процесс *rd* > *rdh*: лат. *ordinem* > алб. *urdhër*).

К данной группе тождеств можно отнести и рум. *sîmbure* м. 'косточка плода; семя; зерно; ядро ореха' (Tiktin III, p. 1424), вар. *sumbure* (Молдова, Мунтения — Scriban, p. 1203): алб. *thumbull* 'пуговица в форме шарика' (Fjalor f. 587), 'почка, бутон' (WAD s. 592), вар. *sumbull*. Однако отсутствие у этих слов надежной этимологии⁴² не дает возможности для более определенных выводов. Заметим лишь, что, как и в предыдущих двух случаях, имеются основания считать румынское слово относительно

поздним заимствованием из албанского с передачей межзубного спиранта с помощью рум. *s*.

Рассмотренные албано-восточнороманские соответствия позволяют сделать заключение о наличии двух хронологически различающихся пластов албанских (древнеалбанских) заимствований в румынский: первый, более ранний, сохранивший др.-алб. аффрикату *tʃ* (< *k) в виде рум. *ț*, и второй, позднейший, отразивший стадию, когда *tʃ* (а также *t* в сочетании *rt*) превратилось в спирант.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Weigand G. Albanische Einwanderung in Siebenbürgen//Balkan-Archiv, 1927. Bd. III. S. 208–226.

² Rosetti A. Sur la chronologie des éléments "autochtones" de l'albanais et du roumain//Revue roumaine de linguistique. 1983. XXVIII, 1. P. 9–10.

³ Hamp E.P. Thracian, Dacian and Albanian-Romanian correspondances//Le monde thrace. Roma. 1982. P. 182–185.

⁴ Tiktin H. Dicționar român-german Buc., 1920. III. P. 1561 (далее – Tiktin).

⁵ Atlasul lingvistic român, s.n. Buc., 1953. II. H. 392.

⁶ Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954. F. 582 (далее – Fjalor); Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977. S. 587 (далее – WAD); Leotti A. Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937. P. 518; Mann S. An Historical Albanian-English Dictionary. L., etc., 1948. P. 532.

⁷ Densusianu O. Histoire de la langue roumaine. P., 1901. I. P. 354.

⁸ Обзор этимологий см.: Russu I.I. Elemente autohtone în limba română. Buc., 1970. P. 208.

⁹ Barić H. Albanorumänische Studien. I. Sarajevo, 1919. S.11,104; вслед за ним: Capidan Th. Raporturile albano-române//Dacoromania. 1921–1922. II. P. 552.

¹⁰ Densusianu O. Irano-romanica//Grai și suflet. 1923. I. P. 245 s.

¹¹ Reichenkron G. Das Dakische. Heidelberg. 1966. S. 165; Poghiric C. Influența autohtonă//Istoria limbii române. Buc., 1969. II. P. 351.

¹² Pedersen H. Die Gutturale im Albanesischen//KZ, 1900. 36. S. 283.

¹³ Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg. 1891. S. 92 (далее – Meyer EWA).

¹⁴ Cimochowski W. Zur albanischen Wortforschung//Lingua posnaniensis, 1955. V. S. 194.

¹⁵ О суф. *-k* в албанском см.: Çabej E. Studime gjuhësore. Prishtinë. 1976. III. F. 251.

¹⁶ Мы придерживаемся периодизации истории албанского языка, предложенной А.В. Десницкой: Десницкая А.В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалканские лингвистические проблемы//Actes de I-er Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est Europeennes. Sofia, 1968. Vol. VI. P. 190.

¹⁷ Philippide A. Originea românilor. Iași. 1928. II. P. 718.

¹⁸ Мысль о подобном заимствовании едва ли верна хотя бы по причине невозможности передачи итал. *e* через рум. *ea*. Связь рум. *țeară* с слав. *čepiti (Tiktin III. P. 1561 и др.) также должна быть отвергнута, см.: Brâncuș G. Vocabularul autohton al limbii române. Buc., 1983. P. 125.

¹⁹ Rosetti A. Istoria limbii române. Buc., 1978. P. 276; Poghiric C. Op. cit. P. 352; Brâncuș G., Op. cit. P. 124.

²⁰ Jokl N. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. //SBAW 1911. Bd. 168. S. 20.

²¹ Walde–Hofmann I. S. 219; Pokorny I. S. 543; Фасмер III. С. 638.

²² Цит. по: Walde–Hofmann I. S. 856, где данное сопоставление подвергнуто сомнению по причине вокализма.

²³ Çabej E. Studime gjuhësore. II. F. 207–208.

²⁴ Tiktin III. P. 1366; Scriban A. Dictionaru limbii române. Iași. 1939. P. 115 (далее – Scriban).

²⁵ Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Aufl. Heidelberg. 1924. N 2934.

²⁶ *Candrea-Hecht I., Densusianu O.* Dicționarul etimologic al limbii române. Elementele latine. Buc., 1907. P. 42; принят: *Rosetti A.* Op. cit. P. 281; *Russu I.I.* Op. cit. P. 191–192; *Poghirc C.* Op. cit. P. 347; *Brâncuș G.* Op. cit. P. 110–111.

²⁷ Однако, нем. *herb* < и.-е. *(s)ker- 'резать' // *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B., 1967. S. 304.

²⁸ *Jokl N.* Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albanen // Wörter und Sachen. 1912. XII. S. 90.

²⁹ *Russu I.I.* Op. cit. P. 191–192; *Poghirc C.* Op. cit. P. 347.

³⁰ *Çabej E.* Studime gjuhësore. II. M. 201–202.

³¹ *Ibid.* M. 208–210.

³² Возведение *ther* (< *thar-i) к **k̑*-. (Pokorný I. S. 578) неправомерно, ср.: *Калужская И.А., Орел В.Э.* Наблюдения над отражением и.-е. слоговых сонантов в албанском языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 17–21; об отражении и.-е. *e > алб. *e* после *th* (< **k̑*) см.: *Орел В.Э.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка // Там же. С. 28.

³³ Сводку примеров см.: *Buck C.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1971. P. 1034–1035.

³⁴ Dicționarul limbii române. Buc., 1939. vol. I/II. P. 1032.

³⁵ *Diculescu K.* Dacia romana în oglindă inscripțiilor. I // Dacoromania, 1927. IV. P. 464.

³⁶ *Russu I.I.* Op. cit. P. 155.

³⁷ *Barić H.* Op. cit. S. 42.

³⁸ *Poghirc C.* Op. cit. P. 340–341; *Brâncuș G.* Op. cit. P. 71–72.

³⁹ Иную семантическую реконструкцию др.-прусс. *corto* 'роща' как 'обозначение огороженного места (в лесу), предназначенного, видимо, для охоты' см.: *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь К–Л. М., 1984. С. 131 и сл.; там же альтернативная этимологическая версия.

⁴⁰ *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1951. I. P. 264.

⁴¹ *Brâncuș G.* Op. cit. P. 71.

⁴² *Meyer EWA.* S. 92 сравнивал алб. *thumbull* с др.-инд. *śamba-* 'оружие Индры', греч. *κόμβος* 'узел' – отвергнуто Фриском (*Frisk I.* S. 907); *Pedersen H.* Op. cit. S. 333; с перс. *šumb* 'копыто'; *Çabej E.* Studime gjuhësore. II. F. 233; с рум. *ciump* 'обрубок' – все этимологии сомнительны.

Л.В. КУРКИНА

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВЕНСКО-ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

В последние десятилетия слависты все больше сходятся в том, что формирование южнославянской языковой группы происходило уже на новой родине – на Балканах и в Восточных Альпах. В связи с этим встает проблема праславянских диалектных истоков для южнославянских языков. Решение этой проблемы упирается в реконструкцию той лингвоэтнической ситуации, которая сложилась к северу от Дуная в переломную эпоху накануне окончательного расселения славян. Естественно, что воссоздать некоторые стороны этого исторически важного момента в жизни праславян (восстановить, если не в полном объеме, то хотя бы частично), основные диалектные комплексы праславянского в их взаимоотношениях можно лишь на основе использования совокупности данных, полученных при изучении этногенетических вопросов в разных областях знаний – истории, археологии, лингвистике. Решающая роль в разработке этих вопросов принадлежит последней. При соответствующем подходе язык дает в распо-

ражение исследователей достаточно надежный ценный материал, отражающий разные этапы языковой эволюции славянства. Лингвистический анализ, направленный на реконструкцию древнейших диалектных систем и установление наиболее значимых для них ареальных связей, открывает в известных пределах возможности для внеязыковых выводов исторического порядка.

К числу важнейших проблем, разрешение которых возможно прежде всего с помощью средств лингвистического анализа, относится проблема взаимоотношений южных и западных славян, и в первую очередь западной части южных славян и диалектов/языков чешско-словацкой области. Основанием для выделения этого аспекта исследования служат общие для этих языковых групп явления в фонетике, морфологии, лексике, истоки которых связывают с эпохой диалектного развития праславянского языка. К наиболее значимым показателям совместных переживаний относятся изменение сочетаний *tert, telt* на основе метатезы плавных. В перечне общих изоглосс, связывающих разные части рассматриваемых языковых групп, входят так называемые югославизмы словацкого языка, сочетания *tl, dl* в северно-словенских диалектах и зап.-слав. языках, форма тв.п. ед.ч. основ на *-ā* в форме *-q*, изменение *ġ > h* и т.д. При историко-лингвистической интерпретации названных схождений исходят из нескольких альтернатив, объясняющих разные стороны языковых отношений и ни в коей мере не исключающих друг друга. Одни выдвигают в качестве основной причины воздействие субстрата — южнославянского в области словацкого языка и западнославянского в области словенского языка¹. Другие рассматривают обе диалектные группы как часть общего в древности непрерывного языкового континуума, в пределах которого северо-западным диалектам, особенно словенскому языку в его северной части, отводится роль промежуточной переходной зоны между южными и западными славянами². И, наконец, в работах польских ученых развивается идея об освоении территории к югу от Дуная преимущественно западными славянами³.

Эти теории, имеющие под собой определенную почву, опираются на ограниченное число изоглосс и потому нуждаются в дальнейшей проверке и расширении фактической базы исследования. Первостепенного внимания требуют к себе данные лексического уровня. Как показывают новейшие исследования⁴, лексика, изучаемая в сравнительно-сопоставительном плане, дает более сложную и дробную картину диалектных связей, и от всестороннего обследования лексических изоглосс зависят во многом выводы о характере отношений рассматриваемых диалектных групп в праславянскую эпоху. В современной славистике достаточно четко осознается, что несистемный характер лексики, особая проницаемость языковых структур на лексическом уровне, возможность утраты слов, а также неполнота наших знаний славянской лексики и многие другие моменты ограничивают диагностирующие возможности лексики в плане реконструкции ареальных отношений. Надежность лексики как показателя определенных этногенетических процессов возрастает, если выводы строятся не на спорадически наблюдаемых явлениях, а на явлениях массовых, повторяющихся, образующих достаточно устойчивые пучки изоглосс. Другое важное условие — это совместное рассмотрение данных разных языковых

уровней, соотношение пучков изолекс с показаниями фонетики, морфологии, словообразования. Следует иметь в виду еще одно обстоятельство: с расширением лексикографической базы наши представления о славянской лексике будут постепенно меняться, уточняться, но в силу ряда объективных причин никогда не станут абсолютно полными и исчерпывающими. Поэтому изучение лексики методом изоглосс можно считать своеобразным итогом накопленных к настоящему моменту знаний о лексическом составе славянских диалектов.

Обращаясь к рассмотрению поставленной проблемы на материале лексики, мы сосредоточим свое внимание на словарном составе словенского языка. В настоящей работе ставится задача, выдвинутая еще Зд. Штибером⁵, — сравнение основного словарного фонда словенского языка с чешским и словацким языками, с одной стороны, и болгаро-македонскими диалектами — с другой. В центре нашего внимания будет та лексика, которая объединяет словенский с западными диалектами сербохорватского языка (т.е. кайкавским, чакавским, западно-штокавским), и вместе с тем отличает эту группу от болгаро-македонских диалектов. При отборе юж.-слав. диалектизмов, ограниченных западным или восточным ареалом, мы не предъявляем жесткого требования абсолютного противопоставления рассматриваемых диалектных зон. Во многих случаях западный ареал выделяется как зона наиболее интенсивного распространения ряда лексем, но при этом не исключается возможность спорадического появления этих лексем в отдельных говорах восточного ареала.

К пониманию связей с языками/диалектами чешско-словацкой группы нас должно подвести последовательное, всестороннее обследование в разных направлениях и разными методами лексических диалектизмов западной части южных славян. Естественно, что основная роль отводится этимологическому анализу, но важны и другие аспекты исследования — морфонологический, словообразовательный, семантический, лингвогеографический. Все эти аспекты, сохраняя самостоятельное значение, тесно связаны друг с другом, и только с учетом разных подходов можно привести стратиграфию лексического материала и в плане относительной хронологии, и в плане ареальных связей. Через постепенное расслоение материала мы получаем возможность выделить по некоторым параметрам хронологически различные пласты лексики и определить, какое место в их общей ареальной характеристике занимают связи с языками/диалектами чешско-словацкой группы.

Предварительный анализ показывает, что праславянские лексические диалектизмы северо-западной части юж.-слав. языков образуют значительный слой лексики, насчитывающий не одну сотню слов. Этот пласт лексики многослоен, неоднороден по составу, включает образования разного времени. В плане отношений с сев.-слав. языками можно разграничить два типа диалектизмов: 1) слова, в основном ограниченные северо-западным ареалом юж.-слав. области, без сев.-слав. соответствий; 2) слова, для которых прослеживаются соответствия во всех сев.-слав. языках или в какой-то их части. Диалектизмы с широкими ареальными связями численно преобладают в словаре северо-западной группы. С генетической точки зрения в составе диалектизмов, отличительно характеризующих северо-западную часть южных славян, в самом общем виде выде-

ляется три разновременных слоя лексики: 1) слова, унаследованные из индоевропейской эпохи и эпохи балто-славянских отношений; 2) лексико-словообразовательные единицы, сложившиеся на почве праславянского; 3) собственные новообразования северо-западных диалектов.

В настоящей работе, не имея возможности сколько-нибудь полно осветить полученные результаты лингвистического анализа, мы вынуждены ограничиться самыми необходимыми сведениями, предельно краткими сопоставлениями без подробной семантической характеристики и этимологической аргументации, о которой можно справиться в отсылочной литературе.

1. Самую древнюю часть рассматриваемых нами диалектизмов составляют слова с глубокими индоевропейскими связями. В общем перечне индоевропейских изоглосс трудно выделить связи, направленные исключительно на германские, индоиранские или другие языки. Эти связи носят скорее размытый, недифференцированный характер, и каждая из изоглосс является лишь одним из показателей отношений с и.-е. языками. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры: словен. *glŭta* 'шишка, сук' ~ греч. γλουτός 'ягодица', англ. *cloud* 'облако' < и.-е. **gleu-t-* (ЭССЯ 6, 155); словен. *děrbati* 'щипать траву', хорв.-кайк. *drbāt* 'трогать' (ср. чеш. *drbati* 'чесать, скрести', укр. *дєрбати* 'снимать дерн' и т.п.) ~ др.-инд. *dr̥bhāti* 'связывать, сплетать, скручивать', ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться' и т.д. (ЭССЯ 5, 219); словен. *gnīda* 'немного, чуточку', чак. *gnīda* 'малость' ~ норв. диал. *gnitta* 'кусочек; крошка' (Bezljaj I, 152–153) и т.д.

На фоне таких широких разнонаправленных индоевропейских связей особенно выразительны сепаратные изоглоссы, объединяющие юж.-слав. диалектизмы с балтийскими языками. Изоглоссы этого типа составляют ядро всех неславянских связей юж.-слав. диалектизмов западного ареала. Проблема отношений с балтийскими языками могла бы стать предметом специального исследования, здесь же мы лишь проиллюстрируем отдельными примерами некоторые из возможных аспектов этой большой темы. Ф. Безлай первым обратил внимание на тот весьма примечательный факт, что многие архаичные праславянские лексемы, сохранившиеся только в словенском языке, обнаруживают точные балтийские соответствия. К таким сепаратным изолексам, которые практически нигде на остальной индоевропейской территории не находят соответствий, могут быть отнесены словен. *dīža*, назв. раст. ~ лит. *dỹgė* 'крыжовник', *dīęgti* 'колоть' (Bezljaj I, 103), словен. *jėgati* 'дать понять, упоминать, сказать' ~ лтш. *jėgt* 'понимать' (ЭССЯ 8.186), словен. *tāvati* 'тяжело ступать' ~ лит. *taujoti* 'бродяжничать', словен. *sūt* 'дым, чад' ~ лтш. *svals, svala* то же⁶, словен. *rėšek* 'чертополох' ~ лит. *erškėtỹs, erškėtis* (Fraenkel 122–123) и т.д. Заметим, что сепаратные связи с балтийскими языками характеризуют и восточную часть юж.-слав. области, но они затрагивают иной пласт лексики⁷. Специального внимания заслуживают общие с балтийскими языками суффиксальные новообразования. Таковы производные с суф. -t- от гл. *pręd-ti*: словен. *sprosti* мн.ч. 'распорки в ткацком станке' ~ лит. *sprąstas*, древ. *spranastas* 'рама для натягивания полотна' (Fraenkel 878; Bezljaj. Eseji 126). Суф. -tva вычленяется в составе имени, производном от гл. *viti*: словен. *vītva*

'прут' (ср.-луж. *witwa*, польск. *witwa* 'ива', русск. *витвина*) ~ др.-прussk. *ape-witwo*, назв. дерева. Праслав. диал. *xlqđz (словен. *hlód* 'палка', чак. *hlud*, чеш. *chloud* и т.п.) связано отношением регулярного типа с гл. *xlqđnqti. Тот же тип глагольно-именных отношений объединяет родственные им лит. *sklandà* 'запор, кол в заборе', лтш. *sklaņda* 'жердь' и лит. *sklendžiù, sklęsti* 'скользить' (ЭССЯ 8, 38).

2. Диалектизмы западной группы юж.-слав. языков обнаруживают точные лексико-словообразовательные соответствия в разных частях севернославянского ареала. Эти новообразования построены по словообразовательным моделям, актуальным для эпохи позднепраславянского языка. Не называя все возможные суффиксальные способы производства новых слов, отметим лишь некоторые из них: *-otja* (словен. *golbča* 'нагота', с.-хорв. *golôca* то же (рус. диал. *голеца* 'гололедица', укр. *голеца* 'голь, беднота' — ЭССЯ 6, 214), *-ělъ* (словен. *globel* 'углубление, лощина, овраг', польск. диал. *gląbiel*, назв. рыбы — ЭССЯ 6, 140), *-elъ/-ьlъ* (словен. *króželj* 'нож для обрезания сучьев', с.-хорв. *krūžolъ*, словац. диал. *kružel* 'верхушка прялки' и т.д. — ЭССЯ 12), *-ъno* (словен. *lukno, lqkno* 'сбор в пользу церкви', с.-хорв. *lŭkno* 'старая мера для жита', ст.-чеш. *lukno* то же), *-axa* (словен. *črépaha* 'черепаха' и рус. *черепаха* — ЭССЯ 4, 70) и т.д.

3. Инновации собственно северо-западной части юж.-слав. языков — это суффиксально-префиксальные образования, отражающие специфические для этого ареала сочетания славянских корневых морфем со словообразовательными формантами поздней продуктивности. В западной части юж.-слав. области получают особую продуктивность суффиксы *-ja* (ср. словен. *brôja* < *brođja*), *-tъ/-tъ* (словен. *brêst* ~ *bręsti*, *klâst* ~ *klâsti*), *-tva* (словен. *plêtva* и с.-хорв. *pljêtva* < *pel-tva*), *-ut/-qt* (словен. *prhôt* = *prhût* и с.-хорв. *prhût* 'перхоть') и т.д.

В массовых схождениях с сев.-слав. языками достаточно устойчиво выделяются изолексы ограниченного распространения, связывающие западную часть юж.-слав. территории лишь с одним сев.-слав. ареалом — чешско-словацкой языковой областью. Изоглоссы этого типа носят регулярный характер, они являются показателем общности и своеобразие исторического развития названных диалектных групп. Примечателен тот факт, что изоглоссы, сосредоточенные преимущественно в двух небольших областях западного и южного ареалов, нередко выходят за пределы этой территории и захватывают частично лужицкие, лехитские и вост.-слав. языки. В таком направлении изоглосс можно усматривать одно из отражений древнейших языковых контактов и тех процессов, которые складывались на основе отношений центра и периферии. В эпоху позднепраславянского в одной из областей его распространения таким центром по отношению к близлежащим сев.-слав. диалектам могла стать формирующаяся чешско-словацкая языковая группа с примыкающими к ней западно-южнославянскими диалектами. В плане древних связей очень показательны для рассматриваемых нами диалектов изоглоссы, общие с балтийскими языками. Свидетельством древнейших контактов с балтийскими языками могут служить следующие изолексы: словен. *drĕk* 'тучность, полнота', с.-хорв. *drĕk* 'деталь повозки' и чеш. *dřik* 'туловище', словац. *driek* то же (< *drĕkъ*) ~ лит. *drātkas* 'долговязый, стройный' (ЭССЯ 5, 108); словен. *vŭtra* 'прутья', хорв.-

кайк. *vitrice* то же, чеш. *vitra* 'жгут, прут' (<*vitra от гл. *viti) ~ лтш. *vītra* 'растений, пускающее усы'⁸, словен. *žīma* 'конские волосы' и ст.-чеш. *žině* 'грубая нить', словац. *žinka* 'тонкая веревка' ~ лит. *geinis* 'цепь', *geinys*, *genys* 'веревка', лтш. *dzeinis* 'нитки' (Machek² 728); словен. *strbálja* 'плохой лес' и чеш. *strboul* 'ствол, ветви без листьев', *strbel* 'обрубленное дерево' (<*stráb-*) ~ лит. *strubėti* 'становиться маленьким', лтш. *strube* 'старый веник' (Machek² 581; Fraenkel 925); словен. и хорв.-кайк. *pelès* 'сорт винограда' и чеш. *pelestý* 'пестрый', рус. *пелесый* ~ лит. *pelėti* 'плесневеть', *pelėsiai* мн.ч. 'плесень' (Machek² 445) и т.д.

Многие лексические сходжения, представленные в западной группе юж.-слав. языков и чешско-словацкой области, должны быть отнесены к лексико-словообразовательным инновациям позднепраславянского времени. Назовем лишь некоторые примеры: *ob-tǝka (~*tǝkati/tykati*): словен. *ótka* 'плужный скребок', хорв.-кайк., чак. *ótka* то же и чеш. *otka* 'часть плуга', зап.-словац. *votka*, в.-луж. *wótka* 'часть сохи'; *хъгѣкъ (~**хъгѣти/хъгати*): словен. *hřček* 'хомяк', с.-хорв. *xрѣчак*, *Rčak*, прозвище и словац. *chrček* то же (ЭССЯ 8, 146); *matoga (~*matati*): словен. *matoga* 'привидение' и чеш. *matoha* то же, польск. *matoga* 'пугало' (Machek² 355); **ob(v)lokъ* (~*valъ, valiti*): словен. *ôblok* 'окно', с.-хорв. *oblok* перв. 'окно округлой формы', хорв.-кайк., чак. *oblok* 'окно' и ср.-словац. *oblok* то же (Skok II, 538; Bezljaj II, 234); *žvāla (~*žvati): словен. *žvāla* 'удила', с.-хорв. *žvālo, žvāle* то же и словац. диал. *žvala* то же (Skok III, 690) и т.д.

Как видим, соприкосновения с чешско-словацкими диалектами приходятся на эпоху балто-славянских отношений и эпоху диалектного развития праславянского. Стратификация лексического материала вместе с данными других языковых уровней дает основание для некоторых выводов о характере отношений рассматриваемых нами диалектных групп. Обе группы — западная и южная, а точнее ее северо-западная часть, — образуют частично пересекающиеся диалектные системы, тесно связанные с балтийскими языками. Проецируя эти отношения на плоскость праславянского языка, можно с некоторой уверенностью предполагать для паннонславянского периода жизни славян существование самостоятельной, достаточно обособленной диалектной общности, в пределах которой сосуществовали диалекты с намечающимися чертами западного и южного типа. Диалектная дифференциация сопровождалась процессами интерференции, взаимопроникновения и взаимодействия диалектов, расположенных на смежной территории. Миграции славян, перераспределение племен в ходе освоения новой родины привели к разобшению и обособлению диалектов, углублению и усилению диалектных различий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache: Wiesbaden. 1960. S. 31—32.

² Ивић П. Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима// Јужнословенски филолог, 1957/1958. XXII, N 1—4. С. 179—201.

³ Nalepa J. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968.

⁴ Boryś W. Problematyka prasłowiańskich dialektyzmów leksykalnych. Izoleksy południowosłowiańskie i zachodnio-południowo-słowiańskie//Etnogeneza i topogeneza słowian. W-wa; Poznań. 1980. S. 75–87.

⁵ Штибер З. О древних словенско-западнотславянских языках//Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 309–311.

⁶ Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967. S. 167 (далее – Bezljaj. Eseji).

⁷ Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи)//Славянское языкознание. V Междунар. съезд славистов. М., 1963. С. 189–193.

⁸ Mülenbach K. Latviešu valodas vārdnīca/Red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923. IV. S. 648.

И.А. ЛЕВИНСКАЯ

КУЛЬТ ΘΕΟΣ ΤΨΙΣΤΟΣ НА БОСПОРЕ I. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КУЛЬТА САБАЗИЯ

Природа доминирующего религиозного влияния в культе θεός ὑψιστός¹, многочисленные следы существования которого в I–III вв. н.э. обнаружены в Горгиппии, Пантикапее, Танаисе, уже давно является предметом научной дискуссии. Стефани полагал, что Θ^ςΤ — это греческий Зевс, но при этом устранение его имени указывает уже на "первые зачатки христианских воззрений"². Новосадский пришел к выводу, что культ Θ^ςΤ находился под влиянием "древнейших христианских обществ на почве верований иудейских"³. К этому мнению присоединился и Бузескул⁴. Кубланов заметил, что "между боспорскими синодами, исповадовавшими безымянного бога, и начальным христианством нет разрыва во времени... Не чужды они и по идеям"⁵. Помяловский видел в Θ^ςΤ одного из многочисленных Зевсов, возникших в эллинистическое и римское время путем синкретизма⁶. Ростовцев, Жебелев и первоначально Латышев полагали, что Θ^ςΤ — это фригийско-фракийский Сабазий. Культ Сабазия, с точки зрения Ростовцева, был углублен "идеями солярного генотеизма и идеями иудейского монотеизма"⁷. Латышев, первоначально принимавший Θ^ςΤ за Сабазия⁸, ознакомившись со статьей Шюрера⁹, переменял свое мнение и присоединился к нему¹⁰. Статья Шюрера занимает выдающееся место в истории изучения боспорского культа и не потеряла во многом значения до сих пор. Шюрер обратил внимание на влияние иудаизма в надписях, посвященных Θ^ςΤ. Однако он заметил, что специфические еврейские черты и религиозные понятия в них своеобразно смешаны со столь же специфическими языческими чертами, причем Шюреру показалось затруднительным определить, какой из этих элементов имел перевес. По поводу надписей фиасов Танаиса он замечает, что их религия была не иудаизмом и не язычеством, а нейтрализацией того и другого. Проявление язычества Шюрер видит в употреблении слова *ιερεὺς*, изображении орлов с гирляндами на стелах из Танаиса и в использовании формулы ὑπὸ Δία, Γῆν καὶ Ἥλιον в манумиссиях из Пантикапея и Горгиппии. Кюмон также отметил, что почитание Θ^ςΤ в Северном Причерноморье связано с влиянием иудаизма¹¹. В 1957 г. вышла статья Гуденафа¹², в которой он убедительно показал, что те черты, которые, с точки зрения Шюрера, указывают на языческое влияние в культе Θ^ςΤ, не противоречат практике иудаизма, синхронного боспорским надписям. Шюрер ссылается на запрет жертвоприношений

вне Иерусалима со времен Второзакония и на этом основании отрицает возможность употребления в иудейской среде слова *ἱερεὺς*. Гуденаф приводит значительное количество свидетельств, опровергающих это мнение¹³. Изображение орлов, с точки зрения Шюрера, указывало на реминисценции культа Зевса. Однако Гуденаф показал, что в римское время изображения орлов нередко встречаются в синагогах, например, в Капернауме, Яффе и др.¹⁴. Что же касается формулы *ὑπὸ Δία, Γῆν καὶ Ἥλιον*, которая часто встречается в чисто греческих языческих манумиссиях, то она, по мнению Гуденафа, не отдавала вольноотпущенника под опеку языческих божеств, но имела чисто юридическое значение и придавала акту иудейской манумиссии законный характер в языческой среде, ни в коей мере не противореча иудейскому монотеизму¹⁵. Это явление того же порядка, что и использование евреями печати с изображением Геракла¹⁶. Таким образом, Гуденаф приходит к выводу, что боспорские надписи, посвященные Θ^ςΤ, представляют собой продукт эллинизированного иудаизма. Это мнение разделяет и Надэль, написавший серию статей, посвященных различным аспектам культа Θ^ςΤ¹⁷. Доминирующим элементом в культе он считает иудейский монотеизм, осложненный некоторыми синкретическими моментами (например, обращением к Ἀγαθῇ Τύχῃ). Блаватская относит Θ^ςΤ к эллинскому пантеону, согласившись с мнением Ростовцева о значительной роли фракийско-малоазийских верований в возникновении этого культа¹⁸. Макря считает, что боспорские надписи относятся к Сабазию¹⁹. Блаватский и Кошеленко увидели в Θ^ςΤ следы греческого Зевса, фракийского Сабазия и солярного иранского божества, выступающего в виде бога-всадника²⁰. Последнее отождествление является совершенно неубедительным: во всем греко-римском мире, где наш культ получил широкое распространение, не встречается изображений божества-всадника, посвященных Θ^ςΤ²¹. В вышедшем в 1984 г. томе "Археология СССР" в главе "Культура и религия" М.М. Кобылина посвятила несколько строк Θ^ςΤ, практически дословно повторив вывод Блаватского и Кошеленко²². В последнее время к изучению культа обратилась болгарская исследовательница Тачева-Хитова²³. По ее мнению, на Боспоре не существовало связи между иудаизмом и почитанием анонимного всевышнего бога. Отклонив влияние иудейского монотеизма, Тачева-Хитова пришла к выводу о том, что синкретический культ Θ^ςΤ вырос на почве местных монотеистических культов солярных и хтонических божеств, слившихся с культом фрако-македонского Зевса-Сабазия, испытывавшего к тому времени в Малой Азии влияние иудаизма²⁴.

Таким образом, многие исследователи склоняются к тому, что на Боспоре культ Сабазия оказал существенное влияние на формирование культа Θ^ςΤ. Однако на Боспоре до сих пор не найдено посвящений Сабазию при многочисленных посвящениях Θ^ςΤ. О распространении культа Сабазия в Северном Причерноморье свидетельствует только незначительное (по сравнению хотя бы с культом Кибелы) количество изобразительных памятников²⁵.

При этом следует заметить, что данные, которые обычно привлекаются для доказательства идентификации Сабазия с Θ^ςΤ нуждаются в дополнительном рассмотрении. Основным аргументом в пользу подобной идентификации послужила в свое время надпись из Пирота, опубликованная Домашевским²⁶. Надпись начинается с посвящения *θεῷ ἐπηκόῳ ὑψίῳ*, далее

следует список членов объединения (τὸ κοινόν), заканчивающийся следующим образом: ΘΙΑ... ΣΕΒΑΣΙΑΝΟΣΘΗ... ΤΟΥΤΑΣ. Домашевский дополнил ΘΙΑ до ΘΙΑΣΟΣ, получив таким образом фиас Сабазия — *Θίασος Σεβάζιανός*, почтавший Θ'Υ. Реконструкция Домашевского широко принята в науке²⁷. Появилась даже статья, посвященная предполагаемой организации этого фиаса²⁸. Тем не менее от восстановления Домашевского следует решительно отказаться и вслед за Дечевым²⁹ рассматривать *Σεβάζιανός* в пиротской надписи как личное имя. Эта точка зрения принята Геровым³⁰ и, по совету Г. Михайлова, Тачевой-Хитовой³¹.

Возможность отождествления Θ'Υ с Сабазием подкрепляется также предположением Кюмона, в целом принятым значительной частью специалистов, об образовании в Малой Азии смешанного иудео-языческого культа Сабазия-Саваофа, adeptы которого могли именовать своего бога Θ'Υ³². Нельзя а priori исключить возможность подобного синтеза в Малой Азии, где самым прихотливым образом скрещивались пути различных религий. Однако свидетельства, в частности литературные, нуждаются в тщательной проверке, особенно если учитывать легкость отождествления античными авторами чужих богов с богами собственного пантеона.

Валерий Максим, возможно пользуясь Ливием³³, сообщает о том, что в 139 г. до н.э. из Рима были изгнаны иудеи³⁴. Текст Валерия Максима сохранился в двух эпитамах. В одной упоминается имя бога, за пропаганду культа которого были изгнаны иудеи: *idem [претор Гиспал³⁵] Iudaeos, qui Sabazi Iovis cultu Romanos inficere mores conati erant, repetere domos suas coegit*. В другой имя бога заменено упоминанием о таинствах: *Iudaeos, quoque, qui Romanis tradere sacra sua conati erant, idem Hispalus urbe exterminavit arasque privatas e publicis locis abiecit*. Сообщение о том, что иудеи попытались испортить римские нравы, навязывая римлянам культ Юпитера-Сабазия, основано, с одной стороны, на парэтимологии, вызванной созвучием *Σαβάζιος* с *Σαβᾶς* и *σάββατον*³⁶, а с другой, тем, что иудейские миссионеры, вероятно, всячески подчеркивали верховное положение своего бога, что среди римлян естественным образом вызвало ассоциации с Юпитером. То, что у обоих эпитоматоров мы находим слово *Iudaeos*, как справедливо заметил Шюрер, подтверждает, что оно находилось у Валерия Максима³⁷.

Плутарх в "Застольных беседах", задавшись вопросом, каков бог у иудеев, рассуждение на эту тему вложил в уста афинянина Марагена — участника дионисийских таинств, который утверждает, что это Дионис. Мараген объясняет, что иудейские обряды напоминают дионисийские: первосвященник во время праздника носит на голове лидийскую митру, одет в оленью шкуру, шитую золотом, и длинный хитон, с одежды у него свешиваются колокольчики, как у вакхантов, храм украшен изображением тирса и тимпана, вакхантов называют сабами, что связано с празднованием субботы (*Σάβωι — σάββατα*), название иудейских священнослужителей — левиты — происходит от эпиклиз Диониса (*Λύσιος, Εὐνιος*), в священнодействиях иудеи не употребляют меда, т.к. его примесь портит вино, а самым тяжелым наказанием считается отлучение от вина на определенный срок. При этом Мараген признается, что ему неизвестно происходящее в храме, но предполагает, что оно должно напоминать вакхическое действо: *εἰσελθόντες δ' ὅ τι δρῶσιν, οὐκ ἴσμεν, εἰκὸς δὲ βακχεῖαν εἶναι τὰ ποιούμενα*³⁸.

Информация Плутарха об иудаизме носит поверхностный характер, и, хотя свидетельствует о некотором интересе автора к религиозной жизни иудеев, все же, по существу, представляет собой впечатление стороннего наблюдателя. Вывод о тождестве культов сделан на основании внешнего сходства обрядов и наивных этимологий. Не исключено, что вообще описание обряда Плутарх заимствовал из более раннего источника, предшествующего разрушению Второго Храма, а не из практики современных писателю синагог, на что, как считает Гуденаф, указывает упоминание о колокольчиках на одежде³⁹. В целом же описание Плутарха, по замечанию Гуденафа, производит впечатление гротескной карикатуры на иудейский ритуал⁴⁰. Свидетельство Плутарха о тождестве культов интересно лишь как отражение расхожих представлений об иудейской религии. О том, какие размеры приняла идентификация Диониса-Сабазия и иудейского бога видно из резкого антииудаистски окрашенного пассажа Тацита, где он специально предупреждает о ее ошибочности⁴¹: *sed quia sacerdotes eorum tibia tympanisque concinebant, hederam vinciebantur vitisque templo reperta, Liberum patrem coli, domitorem Orientis, quidam arbitrari sunt, nequaquam congruentibus institutis. quippe Liber festos laetosque ritus posuit, Iudaeorum mos absurdus sordidusque.* "Но так как их жрецы пели под звуки флейты и тимпанов, обвивали себя плющом и в храме была найдена золотая лоза, некоторые решили, что иудеи почитают отца Либера, покорителя Востока, хотя установления совершенно не схожи. Ибо Либер ввел праздничные и радостные обряды, обычай же иудеев нелеп и убог."

Не менее показательно рассуждение об иудейской религии Иоанна Лидийца⁴². Он сообщает, что существует множество мнений на этот счет. Египтяне видят в иудейском боге Осириса, эллины — Диониса, Ливий, а вслед за ним Лукан — божество неведомое⁴³, Нумений — отца всех богов. Император Юлиан назвал его в письме к иудеям всевышним богом (Θεῷ). Некоторые же считают его Кроном. Наконец, Варрон сообщает, что халдеи в мистических церемониях называют его Ἰάω, а во многих местах — Σαβαώθ. Далее Иоанн замечает, что лучше считать его богом неведомым (κρείττους δὲ μᾶλλον οἱ ἄγνωστον αὐτὸν καὶ ἄδηλον θεολογοῦντες), и специально отмечает заблуждения тех, кто считает его Дионисом (οὐράλλοται οἱ Διόνυσον αὐτὸν εἶναι νομίζοντες).

Перечисляя различные мнения относительно иудейского бога, Иоанн не только не утверждает, что Дионис, Крон, Осирис, Саваоф — синонимы, как это кажется Кюмону⁴⁴, но, в сущности, имеет в виду прямо противоположное: разные народы, заблуждаясь, идентифицировали иудейского бога со своими богами, хотя лучше всего считать его богом неведомым⁴⁵.

Перечисленные письменные источники, с нашей точки зрения, не дают основания для утверждения о существовании смешанного культа, являясь по отношению к данному вопросу внешними⁴⁶, основанными на случайной, а зачастую и неверно понятой информации. Такого рода источники могут иметь лишь вспомогательное значение и только после того, как будет исследована их информативная ценность. Для фиксации существования любого культа важнейшими являются памятники внутренние, оставленные адептами культа. Кюмон интерпретирует таким образом уже упоминавшуюся надпись из Пирота и изображения на гробнице Винцентия и Вибии⁴⁷. Однако Гуденаф, как нам кажется, убедительно показал, что в сценах, на ней

изображенных, не прослеживается связи ни с иудаизмом, ни с христианством⁴⁸.

Итак, мы полагаем, нет достаточных сведений о создании синкретического иудео-языческого культа Сабазия-Диониса-Саваофа, т.е. влияние иудейского религиозного словоупотребления на язычество, проникновение языческого изобразительного языка в иудаизм, наконец, использование общего символического языка еще не говорят об образовании общего культа, письменные же источники не содержат достаточной информации.

Учитывая незначительность распространения культа Сабазия на Боспоре, отсутствие достаточных данных о создании смешанного иудео-языческого культа в Малой Азии, а также присутствие на Боспоре иудейского населения и упоминание в манумиссии, начинающейся с обращения Θ^Ϟ слова *προσευχή*, которое может означать только иудейскую мольню⁴⁹, нам кажется необходимым отклонить зависимость культа Θ^Ϟ от культа Сабазия и признать, что культ Θ^Ϟ на Боспоре находился в сфере влияния иудаизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В дальнейшем Θ^Ϟ.

² *Стебани Л.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в Южной России // Отчет императорской Археологической комиссии, 1870–1871. СПб., 1894. С. 299 и сл.

³ *Новосадский Н.И.* Боспорские фиасы // Тр. секции археологии Российской ассоциации Науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. М., 1928. Т. 3. С. 55–76.

⁴ *Бузескул В.Л.* Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927. С. 22.

⁵ *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1958. С. 68.

⁶ *Помяловский В.И.* О танаисских коллегиях // Тр. VI археологического съезда в Одессе. Одесса, 1888. Т. 2. С. 25.

⁷ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 131.

⁸ IOSPE II. P. 246.

⁹ *Schürer E.* Die Juden im Bosporianischen Reiche und die Genossenschaften der *σεβόμενοι θεὸν ὑψίστου* ebendasselbst // Sitzungsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften, 1897. S. 200–225.

¹⁰ IOSPE IV. P. 238.

¹¹ RE, s.v. *ὑψίστος*.

¹² *Goodenough E.R.* The Bosphorus Inscriptions to the Most High God // The Jewish Quarterly Review, 1957. XLVII. P. 221–245.

¹³ Ibid. P. 226.

¹⁴ Об изображении орлов в синагогах и его символике в иудаизме подробно см.: *Goodenough E.R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. N.Y., 1961. Vol. VIII. P. 121–146.

¹⁵ *Goodenough E.R.* The Bosphorus Inscriptions... P. 223.

¹⁶ Рар. Ох. 489 (пример взят: *Лурье С.Я.* Антисемитизм в древнем мире. Пг., 1922. С. 181).

¹⁷ *Надэль Б.И.* Об экономическом смысле оговорки *χωρίς εἰς τὴν προσευχὴν θωπείας τε καὶ προσκαρτερήσεως* боспорских манумиссий // ВДИ, 1948. № 4. С. 203–206; *Он же.* Боспорские манумиссии: Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1947; *Он же.* Филологические и дипломатические заметки к Боспорским манумиссиям // ВДИ, 1958. № 1. С. 137–146; *Он же.* Боспорские манумиссии и юридические памятники Палестины и Ирака первых веков нашей эры // Archiv Orientalni, 1960. 28, 1. С. 55–66; *Он же.* К вопросу о культе безымянного "всевышнего" бога в Танаисе // Listy Filologické, 1966. 89, № 1. С. 13–24; *Он же.* Боспорские манумиссии и греческое право // Listy Filologické, 1968. 91, № 3. С. 252–278.

¹⁸Блаватская Т.В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н.э. — СА, 1958. XXVIII. с. 95 и сл.

¹⁹Macrea M. Le culte de Sabazius en Dacie//Dacia (n.s.), 1959. III. P. 339.

²⁰Blavatsky W. et Kochelenko G. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966. P. 35.

²¹В этом выводе Блаватский и Кошеленко опираются главным образом на статью Салача (Salač A. При устье Тихого Дона //Pražska Universita Moskovské Universitě. Sborník k výročí 1755–1955. Praha, 1955. С. 224 и сл.), в которой тот идентифицировал всадника с недвижного стелы с Θ^ετ по существу только на том основании, что стела найдена там, где встречаются посвящения Θ^ετ.

²²Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 220.

²³Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΤΨΙΣΤΟΣ на Боспоре//ВДИ, 1978. № 1. С. 133–142.

²⁴Упоминание о влиянии иудейского монотеизма, которое испытал культ Θ^ετ в Малой Азии, прямо противоречит содержанию статьи Тачевой-Хитовой, доказывающей полное отсутствие следов иудаизма. На этом фоне крайне странным и необъяснимым выглядит замечание о том, что члены иудейской диаспоры примкнули к культу Θ^ετ в качестве "приемных братьев" (εἰσπομπῆ τοῖ ἀδελφοί). Следует заметить, что даже Гуденаф, показавший полную гармонию культа Θ^ετ на Боспоре с иудаизмом, не решился сделать столь смелый вывод об этнической принадлежности фиаситов.

²⁵Сводка памятников приведена: Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 19 и сл.

²⁶Domaszewski A. von. Griechische Inschriften aus Moesien und Thracien//Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn, 1886. X. S. 238, f.

²⁷См., например: Cook A. Σεύς. Vol. II. P. 879, 884; Mihailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Serdicae. 1970. T. IV. P. 1924; Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1950. II. S. 636, n. 3; Johnson Sh.E. A Sabazios Inscription from Sardis // Religions in Antiquity. 1968. P. 548; Cumont F. Les mystères de Sabazius et le judaisme/ Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles Lettres, 1906. p. 67; Ельницкий Л.А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье // СА, 1946. VIII. С. 105; Милчев Аг. О культе Сабазия в Нижней Мезии и Фракии // ВДИ, 1977. № 2. С. 61 и сл. Совершенно недопустимым является отсутствие у большинства упомянутых авторов указания на то, что часть текста надписи восстановлена. Вопрос о пиротской надписи кажется нам настолько важным, что мы предполагаем вернуться к нему в другой работе.

²⁸Койф С. Сабазиев тиас из Пирота // Старинар, 1964–1965, 1966. XV–XVI. С. 183–185.

²⁹Дечев Д. Антични надписи // Годишн. на народния музей в София, 1926–1931. V. С. 158–159.

³⁰Герев Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време // Годишн. на Софийск. ун-т, 1968. Т. XII. 2. С. 224 и сл.

³¹Tacheva-Hitova M. Dem Hypsistos geweihte Denkmäler in Thracien // Thracia IV. Sofia, 1976. S. 286. Особенно поразительным кажется после этого утверждение исследовательницы о том, что эта надпись, тем не менее, подтверждает связь Θ^ετ с Сабазием, т.к. жрец носит теофорное имя Гермоден, а Гермес изображался в свите Сабазия на фракийских памятниках. Как справедливо заметил Дрийверс (Drijvers H.J.W. Cults and Beliefs at Edessa. Leiden, 1980. P. 21), личные теофорные имена, как правило, стереотипны, и использование их для реконструкции религиозных представлений требует большой осторожности и возможно только как дополнительный аргумент.

³²Cumont F. Les mystères... P. 63–79.

³³Val. Max. I, 3, 3. Литература об источниках Валерия Максима приведена: Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Jerusalem, 1976. Vol. I. P. 357, n. 2.

³⁴Многие ученые полагают, что иудеи, пропагандировавшие свою религию, попали в Рим вместе с посольством, отправленным Симоном. Однако серьезные аргументы выдвинуты в пользу датировки посольства 142 г. до н.э. Литература приведена: Stern F. Op. cit. P. 360.

³⁵ В форме Hispalus имя встречается у обоих эпитоматоров. Правильное имя претора — Гней Корнелий Сципион Гиспан.

³⁶ *Reinach Th. Textes d'auteurs grec et romain relatifs au judaïsme. P. 1895. P. 259, n. 3; Nilsson M.P. Op. cit. S. 640.*

³⁷ *Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Leipzig, 1909. III³. S. 28, f.* Крайне странное впечатление производит то, что Кюмон, пересказывая это место из Валерия Максима в "Lux perpetua" (p. 253), опускает этноним и сообщает, что из Рима были изгнаны приверженцы Юпитера-Сабазия.

³⁸ *Plut. Quaest. conv. IV. 6.*

³⁹ *Goodenough E.R. Jewish Symbols... VI. P. 133, sq.; Stern M. Op. cit. P. 546.*

⁴⁰ *Goodenough E.R. Jewish Symbols... VI. P. 134.*

⁴¹ Тас. Hist. V. 5. Заметим попутно, что перевод данного места у Г.С. Кнабе (Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Л., 1970. Т. 2. С. 191) неудовлетворителен.

⁴² *Lydus. De mens. IV. 53.*

⁴³ Стерн (*Stern M. Op. cit. P. 331*) предполагает, что *Ἰγνωστος* = ignotus для определения иудейского бога было заимствовано Иоанном у неоплатоников.

⁴⁴ *Cumont F. Les mystères... P. 66: "Enfin Jean Lydus ... affirme que Dionysos, Sabazios et Sabaoth sont des synonymes".*

⁴⁵ Цитата из Иоанна Лидийца приведена у Кюмона с большими купюрами, из-за чего текст получает совершенно иной смысл. Сначала Кюмон приводит отрывок из V, 51 о тождестве Диониса и Сабазия, затем переходит к V, 53, не указав, о каком боге идет речь, так что создается впечатление, что Иоанн рассуждает о Дионисе-Сабазии, а не о боге иудеев.

⁴⁶ Таким же внешним источником является и неоднократно обсуждавшийся денарий с надписью *VACCHIVS IUDAEVS*, даже если вслед за Кюмоном принять интерпретацию Бабелона (решительно отвергнутую Шюрером и Клебсом), согласно которой эта надпись отражает ошибочное представление римлян о том, что иудейский царь-первосвященник был жрецом Вакха.

⁴⁷ *Cumont F. Les mystères... P. 72, S.*

⁴⁸ *Goodenough E.R. Jewish Symbols... Vol. II. P. 45–50.*

⁴⁹ Это положение было безукоризненно доказано Р. Эрлих (*Эрлих Р.Л. Ольвийская надпись IOSPE P 176 // ДАН, 1928. 6. С. 124 и сл.*

А.Ф. ЛОСЕВ

ОБ ОДНОМ АНТИЧНОМ ТЕРМИНЕ, ЛЕЖАЩЕМ В ОСНОВЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ФИЛОСОФИИ

1. Вступительное замечание. Античных терминов, лежащих в основе средневекового и новоевропейского мышления, очень много. Из них мы сейчас хотели бы обратить внимание на один — принцип (*archē*). Этому термину особенно "не повезло" в научной филологии последних ста лет. Его обычное вполне метафизическое и абстрактное толкование совершенно затемнило его подлинную античную сущность. Хотя античность и противопоставляет сущность и явление, тем не менее, ей вполне чужд метафизический дуализм, так что все идеальное и все реальное никогда не остается на стадии взаимной изоляции, но всегда толкуется как переходящее одно в другое. Даже Платон протестует против изолированного понимания его идей. А о других философах и говорить нечего.

У Ленина мы читаем: "Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца* ... Не только явления переходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей так-

же". "Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227).

В порядке предрассудка обычно думают, что идея, понятие, смысл и принцип — это нечто неподвижное, застывшее и мертвое; а вещи, тела и вообще всякое явление обязательно текучи, подвижны, неустойчивы и даже неуловимы в своем становлении. Но такой предрассудок совершенно неверен. Если формулируется понятие какой-нибудь вещи, то это не значит, что становление и протекание данной вещи есть уже нечто непонятное и бессмысленное. В настоящее время мы никак не можем оставаться на почве такого ужасающего предрассудка. Всякая общность, конечно, есть прежде всего она сама. Но подлинный ее смысл в том и заключается, что она есть закон, правило и модель для порождения также и всех ее частных, и в всех ее единичных проявлений.

Вот эту моделирующую и текуче-сущностную природу всякого общего принципа античность и формулировала в первую очередь. В этом свете нам и хотелось представить указанное выше основное философское понятие.

2. Досократики. Имеет смысл составить себе ясное представление о том, что такое античный термин *archē*, "принцип", или "начало".

Уже у досократиков, кроме обычного понимания этого термина как "начала" чего-нибудь, имеется множество текстов, в которых термин *archē* понимается именно как принцип и притом не как абстрактное понятие, но как мыслительная установка для осознания множества разных отдельных вещей, возникающих в порядке становления. Уже Фалес (В 3) написал сочинение "О принципах", а его "воду" всегда тоже понимали как порождающий и моделирующий принцип (А 1 = 1 68,28; А 3 = 73, 8 — 9; А 12 = 77, 1 — 2; А 13 = 77, 16; А 23; 385, 26 — 27; 45, 13). Симплиций утверждает, что такое понимание принципа ввел еще Анаксимандр (А 9), который таким принципом считал свое "беспредельное", так что это последнее было, в свою очередь, принципом даже самой "воды", будучи ее "вечным движением" (А 12), поскольку вода вечно возникает и вечно уничтожается. Конечно, и все прочие основные материальные элементы всегда тоже считались "принципами", о чем гласит множество текстов. О Земле как о "принципе порождения богов" читаем в орфической литературе (11, 3). По Акусилаю (В 1), первичным принципом, и притом непознаваемым объявлен Хаос и за ним еще два других принципа — Эреба как мужского принципа и Ночи как женского принципа. Ксенофан (А 29) говорил о принципах сухости и влажности, однако он же — о принципах единого и бытия для всего (А 31). У Парменида (А 7) принципы — это земля и огонь, из которых первая является материей, а второй — действующим в качестве причины принципом. У Анаксагора (А 42) два "принципа всего" — действующий ум и пассивная материя. У Левкиппа (А 12) и Демокрита (А 1 = II 84, 10; А 44) основными принципами объявлены атомы и пустота.

Термин "принцип" у досократиков — это вовсе не какое-то отвлеченное и в своей общности изолированное понятие, но это есть, если не считать просторечного словоупотребления, моделирующий принцип, который является для соответствующего множества вещей их порождающей общ-

ностью, методом, законом, программой и правилом их возникновения, а также их регулирующей структурой.

Другими словами, под принципом в античности понимали не абстрактно-изолированное и неподвижное общее понятие, но такое общее понятие, которое было заряжено всеми вытекающими из него видами и единичностями, формулируя для этих последних их проблему и то, что является основой (*hypothesis*) ее решения. Все это находим уже у досократиков. Из последующих философов приведем только некоторые материалы.

3. Платон. У Платона изучаемый нами термин указывает иной раз не столько на метод или систему, сколько на вступление к изображению предмета (*Phaedr.* 237 c) или доказательства (*Phaedr.* 245 c). Говорится о "начале" исследования (*Tim.* 48 de) или о "начале движения" (*Phaedr.* 245 d). Но говорится также и о "принципе и образе справедливости" (*R.P.* IV 443 c) или об "исходных основаниях" рассуждения (*Phaed.* 101 e, 107 b), о принципах "всего" с пониманием этого "всего" как состоящего из материальных элементов (*Tim.* 48 bc). Наконец, у Платона имеются знаменитые тексты (*R.P.* VI 510 b, 511 a–d, VII 533 d) о "беспредпосылочном принципе", с которого у неоплатоников будет начинаться вся их диалектическая система.

4. Аристотель. а) Аристотель сам облегчил для нас исследование термина *archē*. Именно в V книге его "Метафизики" мы находим перечисление целых шести значений данного термина. Эти шесть значений А.В. Кубицкий перечисляет в таком виде (в изложении главы I V книги "Метафизики"): 1) исходный пункт движения (1012 b 34 – 1013 a1); 2) наиболее целесообразная отправная точка (а 1–3); 3) исходная материальная основа вещи (а 3–7); 4) внешняя первопричина возникновения, изменения или движения вещи (а 7–10); 5) усмотрение, определяющее ход дела (а 10–14); 6) предпосылки, лежащие в основе познания той или другой вещи (а 14–16). Из этого перечня видно, что главную роль принципов Аристотель находит в процессах познания, а в этих процессах самым главным он считает движение и структуру этого движения.

Но если это так, то более выдержанную классификацию аристотелевских принципов необходимо искать в его четырехпринципной характеристике каждой вещи (V 2), поскольку для каждой вещи важны ее материя, ее *эйдос*, ее причина и ее цель. Отсюда можно сделать вывод, что основных принципов у Аристотеля именно четыре – материальный, эйдетический, причинный и целевой.

По существу, такое смысловое разнообразие каждого принципа, который является как бы зарядом множества более мелких делений, можно находить и у досократиков, и у Платона. Но у Аристотеля оно дано сознательно и логически обдуманно. Недаром этот термин особенно фигурирует в логических трактатах Аристотеля, которых мы здесь не касаемся.

б) Заметим, что термины "принцип" и "причина" различаются у Аристотеля не очень отчетливо; но это свидетельствует вовсе не о недостатке его аналитической способности, а, скорее, вообще об античной близости этих двух понятий. С одной стороны, Аристотель пишет (V 1 1013 a 15–16): "О принципах говорится в стольких же значениях, как о причинах"; с другой стороны, тут же добавляет: "ибо все причины суть начала". А это добавление Аристотеля некоторые комментаторы толкуют в том смысле,

что далеко не все принципы являются причинами. В этом заключении комментатор не отличается большой точностью, поскольку среди принципов Аристотель, как мы сейчас видели, перечисляет и многое такое, что, скорее, относится либо прямо к материи, либо к суждениям о материи. Эта недосказанность у Аристотеля объясняется именно тем, что принцип для него вовсе не есть нечто целиком оторванное от подчиненного принципу, но нечто такое, что его определяет и материально, и нематериально, и логически, но не абстрактно-понятийно, а в форме как угодно общей или конкретной осмысленности. Другими словами, и для Аристотеля принцип есть некоторого рода смысловая заданность, заряженность, смысловой задаток, смысловой зародыш, смысловая потенция. Да и вообще, в античной литературе "причина" и "основание" различаются весьма слабо ввиду всеобщего онтологизма всякого мышления в античности.

5. Стоицизм. У стоиков тоже сознательно проводится различие принципа и элемента. "Принципы лишены возникновения и гибели, элементы же в связи с процессами воспламенения подвержены гибели". Одни "бестелесны" и "бесформенны", другие же находятся в состоянии материального оформления (SVF II, фрг. 199). Разные состояния материи и уже подавно сама "не имеющая происхождения материя" могут рассматриваться как принципы только в том случае, если они установлены при помощи мышления (4,9). Поэтому принципами являются "действующее" и "страдательное", когда одно — божество, другое же — "материя в качестве бездейственной сущности" (I, фрг. 85). Принцип справедливости — "от бога и общей природы" (III, фрг. 326). Принципы и вообще относятся ко всей высшей области философии (II 156, 9—10).

6. Плотин. Плотин, как и Аристотель, сам помогает нам определить, в каком смысле он понимает принципы. Принципов у него в основном столько же, сколько и основных ступеней диалектического развития: принципы единого, числа, ума, души и вообще жизни, космоса, живых существ, вещей, или тел, и, наконец, материи. Некоторые из этих "принципов всего" он специально перечисляет (III 8, 9, 38—40). У Плотина имеется обширное рассуждение о первоедином принципе как о корне, из которого вырастает дерево со всеми своими составными частями, или как о предках в отношении их потомства (3, 7, 8—28).

Во главе всех принципов находится у Плотина *единое* как "беспредпосылочный" принцип; в доказательство этого трудно даже перечислить все соответствующие тексты, занимающие у Плотина иной раз несколько страниц (укажем хотя бы на 9, 40—54).

О числе говорится (VI 9, 15, 34—35), что "первичное и истинное число" является "для существующего принципом и источником субстанции". "В отношении умопостигаемых предметов [мы должны помнить, что] если тамошняя жизнь сама множественна, как, например, тройка, то тройка эта, [функционирующая] в живом существе, сущностна (*ousiōdēs*); тройка же, еще не свойственная какому-нибудь живому существу, но являющаяся вообще тройной в сфере сущего, есть только принцип сущности (*archē ousias*)" (6, 16, 47—70).

Ум у Плотина тоже является принципом, а именно, принципом всеобщей упорядоченности, потому что без него все превратилось бы в хаотическую множественность. Но и сам ум есть некоего рода множественность (хотя

уже чисто смысловая) и потому нуждается в еще более высоком принципе, который вообще выше всякой множественности (8, 17, 9–21).

Душа тоже является у Плотина принципом, но на этот раз принципом, осмысляющим движение (II 3, 8, 2; 16, 20–21; III 1, 8, 4–7). Однако у Плотина есть очень интересное рассуждение о том, что Эрос является результатом принципа души. А эта душа, от которой появляется Эрос, есть результат брака Богатства-Эйдоса и Бедности-Материи. В подобного рода рассуждении, основанном, конечно, на платоновском "Пире", выясняется принцип души как принцип творческой структуры вездесущего становления (5, 7, 15–16). Также и вообще вождение имеет свой принцип в душе (6, 3, 19–20). В конце концов душа есть принцип всякого движения вообще; но принцип собственного движения она имеет в себе же самой, поскольку она самодвижна, и только порядок и целесообразность производимого ею движения она получает от более высокого принципа, от ума (IV 7, 9, 6–16 ср. VI 2, 6, 6–8). В этом смысле говорится и о человеческой душе (12, 4). Также и жизнь есть "первичный" и "совершеннейший" принцип всего живого, (I 4, 3, 38–40).

Космос тоже обладает "принципом" и "первичной причиной" всех вещей, присутствующих в нем (II 3, 6, 19–20).

Наконец, свое последнее уточнение понятие принципа получает в тех текстах Плотина, где он критикует стоиков за признание ими положительных и отрицательных принципов и утверждает, что принцип чего бы то ни было есть только принцип в положительном смысле конструктивный, так что все плохое, бесформенное, пассивное, безжизненное, неразумное, темное и вообще неопределенное никак не может считаться принципом (VI 1, 27, 1–4). Это значит, что материя, если брать ее только с отрицательной стороны, т.е. как нечто разрушительное для эйдоса, вовсе не есть принцип. Но, по Плотину, она вполне должна считаться принципом, если, будучи восприимчивой эйдоса, она материально воплощает его как некое совершенное произведение. Она есть только становление, только возможность чего бы то ни было и становится злом только в том случае, если сама душа начинает отходить от разума и погружаться в частичное и несовершенное становление (I 8, 4, 12–25). В сущности, это у Плотина не что иное как критика стоического материализма.

Необходимо сказать, что принципы, по Плотину, при всем их бесконечном разнообразии по содержанию, всегда являются только смысловыми конструкциями. Но это не значит, что нет ничего бессмысленного и вне-смысленного. Оно есть и оно есть материя; но сама по себе взятая, материя уже не есть принцип и даже не есть категория, а только более или менее совершенное их становление. Но это не значит, что каждый принцип лишен своего собственного становления и не проявляется ни в чем частном. Это значит лишь, что каждый принцип, взятый сам по себе, ничем не отличается от родового понятия, а родовое понятие уже, во всяком случае, порождает свои виды и индивиды (VI 2, 2 вся глава). Таким образом, то, что Плотин называет принципом, всегда представляет собой нечто в смысловом отношении весьма насыщенное и порождающее из себя множество более частных конструкций. Нам представляется, что моделирующее и текуче-сущностное значение античного термина "принцип" можно считать в настоящее время доказанным.

МИНОЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТЫ

Хотя тексты, составленные на языке догреческих обитателей о. Крит, стали известны ученым еще в конце прошлого столетия, возможность приступить к их чтению появилась только немногим более трех десятилетий назад, после того, как М. Вентрис дешифровал линейное письмо В, которым были записаны древнейшие греческие тексты. Доказанная уже А. Эвансом¹ генетическая связь трех критских письменных систем II тыс. до н.э. — местной иероглифики, линейного письма А и линейного письма В (особенно двух последних, в репертуаре которых насчитывается до 60 вполне идентичных или весьма схожих знаков), — с полной очевидностью проявляющаяся во внешнем сходстве употреблявшихся в них графем, позволяла исследователям надеяться, что разгадка тайны одной из них неизбежно повлечет за собой обнаружение ключа и к остальным двум. Поэтому, как только специалистам стало окончательно ясно, что дешифровка табличек линейного В из критского Кносса и мессенского Пилоса является совершившимся фактом, была предпринята попытка развить с новых позиций наступление и на другие, самые древние тексты бронзового века с территории Европы.

Уже в 1956 г. А. Фюрюмарк, опираясь на сходство графем родственных систем, определил фонетические значения многих силлабограмм линейного А². В более поздней публикации результатов исследования табличек из Агиа-Триады он говорит о возможности отождествления в общей сложности 54 слоговых знаков³. Ту же методику для реконструкции догреческого критского силлабария использовали и другие исследователи, придя в целом к тем же самым результатам (разногласия имеются в отношении идентификации только нескольких знаков)⁴.

Однако, как известно, даже заведомое заимствование общих принципов письменной системы и ее графических средств далеко не всегда гарантирует полное совпадение фонетического значения конкретных родственных знаков. Чтобы убедиться в правомочности одинакового транскрибирования аналогичных графем линейного письма А и В, необходимо было обнаружить достаточное число лексических соответствий, подтверждающих правильность идентификации целых последовательностей слоговых чтений. Такие соответствия, причем в области ономастической лексики, явно заимствованной греками у прежних обитателей Крита, были обнаружены А. Фюрюмарком⁵. Список их оказался весьма внушительным, что подтвердило достоверность полученных ранее фонетических значений силлабограмм линейного А.

В результате в текстах, выполненных древнейшим критским линейным письмом, удастся целиком прочесть большую часть слов. Но интерпретация данных письменных памятников до сих пор продвигается крайне медленно. Угадывается лишь общее содержание текстов на глиняных табличках из дворцовых архивов: это хозяйственные документы — сопровождаемые числовыми обозначениями инвентарные списки и перечни имен. Из слов, прочтенных в них и не относящихся к ономастической лексике, помимо итоговой пометы *ku-ro* (со значением типа 'итого, всего'), среди

записанных линейным письмом А опознаются только отдельные культурные термины — названия сосудов и сельскохозяйственных культур. И все дело здесь в том, что заключенный в них язык догреческих обитателей Крита, который получил условное наименование *минойский* (прототип данного наименования — термин "минойская культура", введенный в научный обиход А. Эвансом), изучен пока еще в очень малой степени⁶.

Неоднократно имели место попытки установить родственные связи языка критян-минойцев. Однако все старания обосновать тезис об индоевропейской или семитской принадлежности минойского оказались безуспешными⁷. Столь же неубедительны пока и доводы в пользу сближения его с абхазо-адыгскими языками, предложенные недавно В.М. Сергеевым⁸, который на основании анализа некоторых текстовых отрезков стремится доказать наличие в минойском всего двух гласных, из чего затем делается вывод о существовании в последнем около 40 согласных (поскольку именно такое число их должно приходиться на 80 силлабограмм для слов типа C + V и V в линейном А), и столь богатый консонантизм сопоставляется с характерными фонетическими чертами абхазо-адыгской языковой группы. Такому выводу, базирующемуся на результатах статистической обработки крайне малого числа взятых выборочно надписей, очень кратких или фрагментированных, противоречат вполне надежные данные о куда более развитом вокализме минойского языка, полученные крупнейшими специалистами (А. Фюрюмарком, Э. Перуцци, П. Мериджи, Дж. Чэддином, М. Поупом, А. Хойбеком, Г. Нойманом и другими) как путем ретроспективного прочтения силлабограмм линейного А, так и при скрупулезном изучении догреческой реликтовой лексики⁹.

Высказывавшиеся суждения о принадлежности минойского к так называемой "средиземноморской" группе носят слишком неконкретный характер и лишь отражают тенденцию к формальному объединению по некоторым второстепенным признакам целого ряда недостаточно изученных древних языков весьма обширного региона, действительные отношения с которыми (например, с этрусским) на деле могли сводиться исключительно к ареальным связям. Во всяком случае сколько-нибудь надежные данные, требующие иного истолкования, пока отсутствуют. Единственное, но зато очень важное, исключение здесь составляет "эгейский" материал, о котором необходимо сказать особо.

Наличие доиндоевропейского языкового слоя на юге Балканского п-ова, включая Крит и другие острова Эгейского моря, в настоящее время не вызывает сомнений. Идея существования такого слоя претерпела в лингвистической науке заметную эволюцию. В результате успехов в изучении реликтовой лексики в составе греческого языка из постулировавшегося первоначально единого догреческого и одновременно доиндоевропейского слоя на юге Балкан удалось со временем выделить два промежуточных слоя — соответствующих языкам, хотя и распространившимся в рассматриваемом регионе раньше греческого, но так же, как и он, относящихся к индоевропейской языковой семье — анатолийский и "пеласгийский" (генетически близкий, как показал Л.А. Гиндин, фракийскому¹⁰). Тщательные поиски соответствий отдельным словам греческого в других древних языках приводили во многих случаях к обнаружению иноязычных неиндоевропейских заимствований в греческий из досто-

верно определяемых источников, относящихся еще ко II тыс. до н.э. (они фиксируются зачастую уже в микенском). Это, как правило, культурные термины, пришедшие из различных языков — древнеегипетского, хаттского, хурритского, семитских. Причем многие из них могли быть заимствованы греками не непосредственно, а через "пеласгийское" или анатолийское посредство. Однако и после такого отсева остается весьма значительная по общему объему сумма языковых фактов, соотносимых с наследием доиндоевропейского субстрата Эгеиды, именуемого условно "эгейским".

Появившаяся с прочтением текстов линейного письма А возможность обращения к подлинным эпиграфическим памятникам существенно изменила ситуацию в деле изучения древнейших лингвостнических слоев данного региона. Вопрос о соотношении выявленных разными путями элементов языкового субстрата юга Балкан — "эгейского" и минойского — при современном уровне знаний следует, по нашему мнению, ставить в следующем плане: как факты минойского соотносятся с данными об "эгейском". Такой подход сейчас представляется методически наиболее правильным. Ведь даже при нынешнем положении дел с дешифровкой памятников линейного А, минойский язык присутствует в них как нечто целостное и территориально компактное (Крит и его апойкии). "Эгейский" же в ходе его реконструкции складывается из отдельных разрозненных деталей и является, по сути дела, суммой фактов, которые могут относиться к разным доиндоевропейским языковым слоям, отложившимся неравномерно на территории Эгеиды.

Фактически перспективность такого подхода к затронутой проблеме уже имела в виду некоторыми исследователями. Так, ряд штудий был выполнен Г. Нойманом по принципу сравнения лексики, полученной при прочтении и интерпретации текстов линейного А, с догреческим языковым материалом, обнаруживающимся в виде глосс у античных авторов¹¹. В результате среди "эгейских" лексем удалось опознать некоторые, несомненно, минойские. Правда, намерения отождествить сходным образом форманты, одинаково характерные для "эгейского" и минойского языков, встречают определенные затруднения из-за того, что их омофония может оказаться и чисто случайной¹².

При сравнении лексических фондов, грамматических и иных характеристик минойского и "эгейского" надо непременно учитывать особенности имеющегося в нашем распоряжении исходного материала. Документы линейного письма А в силу своей жанровой ограниченности содержат лексику специфического характера, отражают самые простые грамматические и синтаксические черты. Кроме того, слова, обнаруживаемые на табличках линейного А, могут оказаться и не собственно минойскими по происхождению.

Усвоение иноязычных слов, и особенно "миграционных терминов", — процесс естественный, происходивший, разумеется, и в минойском языке. Имеются довольно многочисленные лингвистические, археологические и исторические данные о сложном, полиэтническом составе населения Крита раннеминойского — среднеминойского периодов, включавшего как минимум три компонента: минойский, "пеласго"-фракийский и анатолийский. Только после сложения примерно к XVI в. до н. э. единой Кносской держа-

вы мог окончательно оформиться *общекритский минойский* язык, формирование которого шло, судя по всему, всю первую половину II тыс. до н.э. В основу его лег *раннеминойский* язык III тыс. до н.э., впитавший в себя со временем элементы побежденных им на Крите других языков, из которых достоверно определяются лишь "пеласго"-фракийский¹³ и анатолийский. Из указанных двух источников в минойский попали, надо полагать, прежде всего некоторые культурные термины и имена собственные (именно такого рода лексемы в текстах линейного А получают истолкование на основе индоевропейских соответствий¹⁴).

После падения Кносской морской державы и завоевания о. Крит греческими племенами — сначала ахейцами (середина XV в. до н.э.), а затем дорийцами (XI в. до н.э.) — удельный вес минойского элемента в составе населения острова неизменно сокращается. По свидетельствам античной традиции, еще в первой половине I тыс. до н.э. потомки местных жителей догреческой эпохи — *Ἐτεόκρητες* продолжали жить на Крите и говорили на своем собственном языке. Однако с V в. до н.э. уже явно отсутствуют какие-либо свидетельства существования языка минойцев (в его *позднеминойской* фазе), к тому времени, вероятно, окончательно вытесненного греческим. Характерно, что дорийско-критский диалект заимствовал немало минойской лексики, обнаруживающейся в виде "эгейских" глосс в трудах лексикографов (прежде всего у Гесихия).

Прочтенные тексты линейного письма А показывают, что присущая минойскому языку фонетическая структура имела ярко выраженный неиндоевропейский облик. Она характеризуется регулярным чередованием в речевом потоке согласных и гласных звуков (CVCVCV). Такой вывод с неизбежностью вытекает из самой специфики минойского письма с силлабограммами для передачи слогов только типа C + V и V. Силлабарий критян-минойцев не был заимствован откуда-либо, но явно развился внутри местного лого-силлабического письма — критской иероглифики (наряду с которой начала довольно скоро употребляться для хозяйственных нужд ее упрощенная модификация — линейное письмо А), а значит он, несомненно, учитывал и отражал особенности минойской речи, отличавшейся наличием преимущественно открытых слогов¹⁵. Большинство исследователей считает, что минойскому языку не были свойственны скопления и удвоения согласных звуков, в нем не различались [l] и [r], а также звонкие, глухие и придыхательные согласные (иная точка зрения на систему смычных и фрикативных в минойском высказана Т.В. Гамкрелидзе¹⁶).

Данных о морфологии минойского языка собрано к настоящему времени еще очень мало. Однако они могут быть значительно дополнены. Исследователи отмечали наличие в минойском флексий (выделяются, в частности, два типа именного склонения¹⁷). Среди формантов, выделяемых в минойских словах, обращалось внимание на употребительные суффиксы и префиксы. Г. Нойман выделил целую группу слов — "эгейских", но отождествляемых с минойскими — с суф. -υλ-, обозначающих съедобные плоды растений¹⁸. Достаточно надежно выглядит во многих случаях суффиксальный характер элементов -m-, -n-, -r-(-p/-λ-), -s-, -t- (есть основания прибавить к ним и некоторые другие, прежде всего -d- и -k-).

Следует отметить важную роль в минойском словообразовании префиксов. В данном отношении показательны примеры префиксации, фиксируемые для группы родственных слов с общим корнем *-tan-*. Образованные от него с помощью префиксов формы *a-ta-no-* (отсюда происходит микен. *A-ta-na* = 'Αθάνα) и *ja-ta-no-* встречаются в надписях на жертвенниках, в которых обнаруживается и суффиксальное образование *ta-na-no-* (ср. также *ta-na-ti* табличек линейного А). Сюда же, по-видимому, относятся и догреческие критские топонимы Τάφος и Ίτανος (микен. *U-ta-no* с префиксом *u-*), а, кроме того, и, очевидно, минойские по происхождению личные имена кноссских документов линейного письма В — *Ta-no* и *Ta-na-to* (и, возможно, еще этрусский культовый термин *tanasa-*). Те же префиксы *a-*, *ja-* и *u-* встречаются и во многих других минойских словах (пример чередования первых двух из вышеуказанных префиксов дают, в частности, и привлекавшие особое внимание исследователей формы *a-sa-sa-ra-* и *ja-sa-sa-ra-*). Префикс *no-* отчетливо выделяется при сравнении минойских личных имен *Da-re* и *No-da-re* (в кноссских табличках линейного В им соответствуют унаследованные из минойского языка имена *Da-ro* и *No-da-ro*). С тем же префиксом *no-* при корне *-dam-* чередуются еще два префикса: *ra-* и *wi-* (ср. имена минойских правителей *No-da-ma-te* и **Ra-da-ma-te* 'Ραδάμανθυς, а также антропонимы кноссских табличек линейного письма В — *Wi-da-ma-ro* и *Wi-da-ma-ta*²¹⁹). Подобные сопоставления могут быть легко умножены.

При анализе минойских лексем большим подспорьем служат встречающиеся сплошь и рядом в кноссских табличках линейного В имена собственные явно догреческого происхождения — скорее всего, местные, минойские (весьма показательно, что, судя по текстам линейного письма В из Кносса, практически вся критская топонимия еще в конце XV в. до н. э., т.е. после примерно полувекового ахейского господства, остается на острове негреческой). Так, добавление к корню *-zer-* употребительного минойского префикса *sa-* удалось проследить сначала на примере критских личных имен *Ze-ro* и *Sa-ze-ro* (явно негреческих) в кноссских табличках линейного В, и лишь затем оно было отмечено во второй части сложного минойского, по всей видимости царского, имени *Ro-we-sa-ze-ro* в иероглифической надписи на печати первой половины XVII в. до н. э. (причем первая часть данного композита *Ro-we* также обнаруживается в критской антропонимии начала ахейского периода в соответствующей грецизированной форме — *Ro-wo*)²⁰. Тот же префикс присутствует и в образованном от "эгейского" корня *-tur-* со значением типа "владыка" (ср. греч. *τύραννος*, этр. *Turan* — богиня Владычица) минойском теониме **Satur-* (ср. минойские теофорные династические имена, сохраненные античной традицией: Σάτυρος — персонаж древнейшего аргосско-аркадского мифа, тождественный критскому быку — опустошителю Пелопоннеса и Аттики; *Saturia* — дочь царя Миноса) — эпikleze одной из главных фигур пантеона критян-минойцев, тем или иным образом послужившей прототипом для одноименных божеств у греков (σατύροι), этрусков (*Satres*, он же — *Satros*, *Satrs*, *Satirias*), римлян (*Saturnus*), фригийцев (*Catp*) и, возможно, фракийцев (ср. фрак. этноним Σάτραι).

Еще одно догреческое личное имя критянина-минойца, жившего при одном из первых ахейских владык острова, — *A-ka-re-u* — может быть

сопоставлено со словом *a-ka-ru* табличек линейного А (при тождестве префиксов и корней, соответственно *a-* и *-kar-*) и, кроме того, с именем известного критского мифологического персонажа 'Ακάλλη (Акалла — по преданию, дочь царя Миноса; ср. *Акара — город, основанный в Малой Азии критянином Атимбром; *акара — критская глосса; и т.д.). Последнее имело и иную форму, отличавшуюся удвоением корневого слога, — 'Ακακάλλης, что дает некоторые основания при обнаружении в словах текстов линейного А, в аналогичных или сходных позициях (т.е. как в самом начале слова, начинающегося с корня, так и во втором слоге слова, начинающегося с явного префикса), такого же повтора усматривать случаи частичной редупликации корня (не исключено, что именно с таким случаем мы имеем дело при сравнении минойских форм *sa-ru*, *a-sa-sa-ra-*, *ja-sa-sa-ra-*).

Изучение памятников критской иероглифики также таит в себе немало неиспользованных возможностей для специалистов в области лингвистической минеистики. Хотя только небольшая часть иероглифов может быть прочтена по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В, в некоторых случаях удается целиком прочесть отдельные слова в критских иероглифических легендах на печатях и затем интерпретировать их.

Подчас комбинаторным путем устанавливается смысловое значение устойчивых сочетаний иероглифов, соответствующих словам, независимо от полноты их послогового прочтения. Истолкованию идеограмм помогает как их ярко выраженный рисуночный характер, так и обнаружение ближайших аналогов среди родственных критских линейных письмен (ср., например, иероглиф № 116, идентичный знаку № 82 линейного А и идеограмме № 131 линейного В со значением 'вино'). При особо удачном стечении обстоятельств фонетическое значение силлабограммы, употреблявшейся параллельно в качестве идеограммы (логограммы), способно подсказать полное чтение последней. Так, например, Г. Нойману принадлежит удачное сопоставление заимствованного из иероглифики знака линейного А, имевшего слоговое значение *ni* и обозначавшего в идеографическом (логографическом) употреблении (судя по хозяйственным документам линейного В) 'плод фигового дерева', с догреческим критским словом *νικύλεα* (*νικύλεον) с тем же значением²¹. Тем самым было засвидетельствовано использование минойцами при создании ими силлабария принципа акрофонии. Предложенные исследователями другие отождествления, которые основаны на тех же методических приемах, остаются пока, к сожалению, менее обоснованными²².

Необходимо добавить, что в ряде случаев заметна связь силлабограмм минойских письменностей со словами звукоподражательного характера: например, знаки линейного А — № 27, № 84 и № 95, восходящие к иероглифам, изображающим головы животных — быка, козла и кота (№ 62, № 65 и № 74), читались соответственно *ти*, *те* и *та*. Обращение же к типологии минойских сфрагистических формул выявило возможность восстановить картину постепенного развития иероглифических легенд на печатях "кносского царского круга", служивших для опечатывания заполненных припасами емкостей. Одновременно прояснились перспективы интерпретации таких текстов — от самых кратких (состоящих из одного слова)

до достаточно пространных²³ (ср. надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея).

Будем надеяться, что новые исследования памятников критской иероглифики и линейного письма А приведут к более интенсивному накоплению фактов минойского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Evans A.J. Scripta Minoa. Oxford, 1909. Vol. I; ср.: Godart L. Le linéaire A et son environnement//Studi micenei ed egeo-anatolici, 1979. Fasc. 20. P. 27–42.

² Furumark A. Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung. B., 1956.

³ Furumark A. The Linear A Tablets from Hagia Triada//Opuscula Romana, 1976. 11.

⁴ Ср.: Meriggi P. Zur Lesung des Minoischen (A)/Minoica. B. 1958. S. 245; Perizzi E. Le iscrizioni minoiche//Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria". Vol. 24. Anno 1959. Firenze, 1960. P. 35 и сл.; Faure P. Dédicaces crétoises en linéaire A//БЕ, 1972. Т. XVI. 1. P. 10; Поуп М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности//Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 89.

⁵ Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958, S. 268–271.

⁶ После того как дешифрованное линейное письмо В, рассматривавшееся первоначально вместе с другими письменностями минойского круга, окончательно обособилось в качестве объекта штудий для отдельной науки – микенологии, – памятники остальных письменностей Крита эпохи бронзы (явно догреческих, т.е. собственно минойских) оказались предметом уже иной смежной специальной научной дисциплины – минойстики. Правда, четкое разграничение областей обеих этих молодых отраслей антиковедения, составлявших какое-то время единое целое, стало вполне очевидным лишь совсем недавно. Достаточно удобный, на наш взгляд, термин "минойстика" введен в употребление как тесно связанный в лингвистическом его аспекте с минойским языком и памятниками письменностей критян-минойцев (Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980. С. 107).

⁷ Ср.: Bartoněk A. Nynější stav v luštění l.p.A//Mnema Vladimír Groh. Praha, 1964. S. 201–208; Chadwick J. Introductions to the problems of "Minoan Linear A"//J. of the Royal-Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1975. N 2. P. 146–147.

⁸ Сергеев В.М., К вопросу о фонетической структуре языка линейного А//Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 1. С. 86–88.

⁹ Пополнить систему доказательств в пользу отождествления языка линейного А и критской иероглифики с неким древним северокавказским диалектом, разумеется, нельзя с помощью прямых сопоставлений сугубо предположительных смысловых значений для отдельных групп иероглифических знаков первой половины II тыс. до н. э. (например, блока 12–73) с современными абхазо-адыгскими формами (ср.: Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию языка//Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. С. 91–92).

¹⁰ Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности "пеласгского" догреческого слоя//ВЯ, 1971. № 1.

¹¹ Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A//Glotta, 1958. Bd 36; Idem. Minoisch kikina 'Die sykomorenfeige'//Glotta, 1960, Bd. 38; Idem. Weitere mykenische und minoische Gefäßnamen//Glotta, 1961. Bd. 39; Idem. икблеон//Glotta, 1962. Bd. 40; Нойман Г. О языке критского линейного письма А//Тайны древних писмен...

¹² Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан: Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София, 1981. С. 13.

¹³ Правда, последние исследования показывают, что его вклад в минойскую лексику не столько велик, как это предполагалось ранее (Duridanov I. Thrakische Eigennamen in der Linear A- und B-Texten//Contributions au IVe Congrès International de Thracologie, Rotterdam, 21–26 Septembre 1984. Sofia, 1984. S. 110–115; Idem. Thrakische Eigennamen in den mykenischen Texten//БЕ, 1985. XXVIII. 1. S. 5–12).

¹⁴ Молчанов А.А. Рец. на кн.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981//ВДИ, 1985. № 2. С. 178.

¹⁵ Сомнения, высказывавшиеся на этот счет, теперь, кажется, можно считать устраненными (ср. Молчанов А.А. Рец. на кн.: Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978//ВДИ, 1979. № 3. С. 174; Он же. Таинственные письмена первых европейцев... С. 31).

¹⁶ Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка показаниям греческой линейной письменности класса В//Историчность и актуальность античной культуры. Научн. конф. Октябрь 1980 г. Тез. докл. Тбилиси, 1980.

¹⁷ Ср.: Поуп М. Указ. соч. С. 91.

¹⁸ Neumann G. v. kuleov... S. 53.

¹⁹ Молчанов А.А. Рец. на кн.: Полякова Г.Ф. ... С. 176; Он же. Таинственные письмена первых европейцев... С. 96–97.

²⁰ Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея//ВДИ, 1980, № 3. С. 130.

²¹ Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A... S. 156–158.

²² Ср.: Казанский Н.Н. Названия хлеба в языках Восточного Средиземноморья//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 87.

²³ Молчанов А.А. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея: (К вопросу о типологии минойских сфрагистических формул)//Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. С. 62–63.

Е.П. НАУМОВ

МЕНАНДР О ВТОРЖЕНИЯХ "ВАРВАРОВ" ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI В.

(К вопросу о славянизации карпато-балканских земель)

Бесспорно большое научное значение сохранившихся отрывков из "Истории" Менандра Протиктора (так называемых "Отрывков о посольствах"), поскольку этот византийский историк не только был современником описываемых им событий, но и располагал подробной официальной информацией о соседних племенах и народах (например, славянах, аварах, тюрках), об их отношениях с Византией и взаимоотношениях между собой¹. Применительно же к проблеме "варварских" вторжений и славянизации балканских областей значимость сообщений Менандра о событиях 559–582 гг. еще более возрастает, с одной стороны, потому, что они характеризуют положение в европейских владениях империи на рубеже массового заселения их славянами², с другой стороны, именно у Менандра, пожалуй, наряду с Прокопием, интерес к этнографическому материалу, к детальному описанию этих "варварских" народов проявляется даже сильнее, нежели у других византийских авторов VI в.³

Вполне понятно, что в силу этого свидетельства Менандра в историографии привлекаются достаточно часто, но в то же время (и это весьма показательно) его ценнейшие материалы используются зачастую лишь в общей форме, обычно только в кратком пересказе, без приведения полного перевода, иногда даже с противоречащими друг другу датировками, а порой и с опорой на старый латинский перевод данного текста⁴. Все это говорит о неудовлетворительном состоянии конкретных текстологических исследований давно известных науке сообщений этого автора, которые почти не были предметом специальной разработки, если речь идет о датировке его сведений, о применяемых им государственно-правовых, политических обозначениях и т.п.⁵

В данной статье рассмотрена этносоциальная терминология Менандра применительно к вторжениям "варваров" на Балканы, в частности, употребление им терминов "этнос" (т.е. народ, племя) и "филон" (т.е. род, племя) и реальное соотношение этих понятий в его "Истории". Разумеется, такой анализ важен и для сопоставления с аналогичными обозначениями у других византийских авторов той поры (например, в сочинениях Прокопия, Малалы и пр.)⁶, и для сравнений со средневековой терминологией (род — народ) и современной системой этнических общностей (т.е. род, племя, народ — народность). Наконец, этот аспект текстологического изучения материалов Менандра нам кажется достаточно перспективным и плодотворным для дальнейших источниковедческих поисков применительно как к самому сочинению данного писателя, так и его источников, для уточнения переводов наиболее важных для поставленной теме его свидетельств. Последнее, по нашему мнению, приобретает особое значение, поскольку интересующие нас сообщения этого автора взаимосвязаны и соотносимы с другими материалами византийских историков (Прокопия, Иоанна Эфесского и др.), включаясь одновременно в широкую панораму доступных нам (письменных, археологических и пр.) источников по истории славян и славяно-византийских отношений VI в.⁷

В данной связи весьма примечательно, как именно Менандр в своих описаниях "варварских" народов и племен применял термины этнос и филон. Любопытно, что в своей "Истории" он вовсе не противопоставлял резко эти обозначения; напротив, этот писатель нередко один и тот же народ (например, аваров, тюрков) называет обоими наименованиями⁸. По нашему мнению, фактически так же поступает он и со славянами, т. е. склавинов он именует "народом" (*ἔθνος*), но не "народами" этого племени⁹, а для антов употребляет второй свой термин, т.е. *φύλον* (но не *γένος*)¹⁰. Вместе с тем в плане источниковедческого анализа сообщений Менандра о "варварах" интересен тот факт, что этот внимательный наблюдатель подчеркивает у того или иного языческого народа своих, особых, обычаев, обрядов, языка (в частности, у аваров, тюрков)¹¹; в то же время Менандр, стремясь к особой точности своих описаний и опираясь, несомненно, на конкретный этнографический материал (рассказы очевидцев и др.), отмечал и близость, даже единство языка, обычаев, происхождения у некоторых народов, признаваемых им "соплеменниками", "сородичами". В данном случае особенно наглядным представляется категорическое заявление Менандра о родстве утигуров и котрагиров и, в свою очередь, тюрков и эфталитов¹².

Такая четкость и определенность этнографических и этнических характеристик Менандра, на наш взгляд, заставляет указать на неправомерность неточных переводов его текста (в особенности, в истолковании терминов этнос и филон), на необоснованность замены наименования "народ" "племенем"¹³, тем более — перевода термина "этнос Склавинов" лишь как "войско" или "армии" славян¹⁴. По нашему мнению, можно предположить, что Менандр считал сопредельные с Византией народы (в том числе славян, аваров и т.д.) достаточно сложившимися этносоциальными общностями, если использовать современную терминологию. Такая точка зрения, вероятно, одновременно позволяет вернуться вновь к истолкованию широко известного сообщения Менандра о появлении во Фракии

(в 578 или 582 гг.) "н а р о д а с к л а в и н о в" — славян. Все изложенное выше, как нам представляется, дает определенные основания для сомнений в правомерности перевода данного оборота только как "войска славян" (либо "просто" славян, вторгшихся во Фракию)¹⁵, — независимо от того, считают ли возможным те или иные ученые включать в состав данного "войска" семьи славянских воинов или нет. Точно так же, на наш взгляд, отмеченная выше системность этносоциальной терминологии этого писателя заставляет усомниться и в обоснованности интерпретации указанного пассажа Менандра лишь в смысле появления к югу от Дуная больших масс славян, которые, однако, не поселились здесь постоянно и не в виде компактного целого¹⁶.

Менандр здесь, как и в других эпизодах своего повествования, совершенно четок, по-солдатски точен: "... в четвертый год царствования кесаря Тиберия Константина во Фракии собрался н а р о д (э т н о с) с к л а в и н о в — примерно до ста тысяч, (чтобы) разграбить Фракию и многие другие (земли)"¹⁷. Иными словами, к тому моменту славянский этнический элемент к югу от Дуная оказывался, по словам Менандра, настолько мощным и многочисленным, что византийский историк уже не мог прибегать, как это делал ранее Прокопий, лишь к обозначениям типа "войско" или же "толпа, скопище" славян¹⁸. Тем самым, по нашему мнению, анализ данного сообщения, проводимый на основе этносоциальных обозначений всего текста "Истории" и воссоздаваемой таким образом системы этнических представлений Менандра, может указывать на фиксацию этим автором нового этапа в истории славяно-византийских отношений, т.е., видимо, перехода к становлению на Балканах н о в ы х с л а в я н с к и х (т.е. уже южнославянских) народов. В пользу такого вывода говорит хотя бы известное свидетельство Прокопия, отмечавшего, что уже в середине VI в. (примерно в 550—551 гг.) славяне оставались на зиму в балканских провинциях империи, таким образом, вовсе не стараясь столь быстро покинуть эти области¹⁹.

В этой связи, продолжая анализ приведенного сообщения Менандра о "народе" славян во Фракии, весьма целесообразно обратиться к другому его отрывку — об использовании Византией военной силы авторов (в 578—579 гг.) против славянских поселений к северу от Дуная именно с той целью, чтобы отвлечь славян (в тексте здесь названы конкретно "склавины") от опустошения балканских провинций, т.е. удержать их от перехода и оседания на имперской территории²⁰. Здесь для нас весьма важно совершенно определенное указание византийского историка на тесную связь на том этапе славянизации Балканского п-ова новых славянских поселенцев, которые перешли к югу от Дуная, со своими "местами" (патроа) на левобережье Дуная, т.е. со своими соплеменниками и соседними племенами. По словам Менандра, император Тиберий, не желая, разумеется, допускать в глубь балканских областей аварские войска и располагая проверенной информацией о связи "склавинов" к югу от Дуная с их родичами на левобережье, убедил аварского хагана выступить против славян, доказывая ему, что "те (из склавинов. — *Е.Н.*), которые опустошают ромейскую землю, захотят помочь о т ч е й з е м л е (о т е ч е с т в у), обратившись назад из-за собственных бед, и скорее перестанут грабить ромейскую (землю)..."²¹.

В данной связи для нас представляет особый интерес конкретный анализ значения термина "патроа" (*πατρία*), поскольку рассмотрение всех случаев применения его Менандром говорит опять-таки о четкости и точности его терминологии. Писатель употреблял этот термин в значении буквально "отцовский", "принадлежащий отцу"²², а это, в свою очередь, позволяет нам уточнить перевод данной фразы о связи славянских переселенцев, уже оказавшихся к югу от Дуная, с "отчей землей" (патроа) на левобережье этой реки. Иными словами, если уже предшествующее поколение "склавинов" занимало левобережье Дуная (т.е. отцы этих пришельцев, о которых знал Менаандр), то, следуя мысли византийского историка, мы можем предположить, что к северу от Дуная славяне жили еще в начале VI в. (может быть, в первой четверти или трети этого столетия). Такой вывод помогает нам не только полнее представить масштабы оседомленности самого автора "Истории после Агафия", но и сопоставить полученные сведения с материалами других византийских источников. В частности, достаточно указать, что такой вывод наглядно согласуется с известным свидетельством Прокопия о начале славянских вторжений на земли Византии (527 г.)²³. Но этим, по нашему мнению, не исчерпывается значение сообщений Менаандра для истории славяно-византийских отношений VI в.; анализ его терминологии, как представляется, дает основания и для уточнения хронологии заселения славянами византийских провинций Балканского п-ова в конце VI в.²⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Удальцова З.В.* Дипломатия ранней Византии // Вопросы истории, 1983. № 12. С. 108–112; *Культура Византии* (IV – первая половина VII в.). М., 1984. С. 386–392; ср.: *Сахаров А.Н.* Дипломатията на древна Русия (IX – първата половина на X в.). София, 1984. С. 23 и сл.

² *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971. С. 145–146; ср.: *Славяне на Днестре и Дунае*. Киев, 1983. С. 191, 225.

³ Ср., например, соответствующие разделы в кн.: *Культура Византии*. М., 1984.

⁴ См., например, *Славяне на Днестре...* С. 181; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 54; ср.: там же. С. 51–52; *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 224–225; *История на Добруджа*. С., 1984. Т. 1. С. 165; *Fine Jr. J.V.A.* The Early Medieval Balkans. Ann Arbor, Mich., 1983. P. 31; *Bacic J.* The Emergence of the Sklabenoi (Slavs), Their Arrival on the Balkan Peninsula. Ann Arbor, Mich., 1984. P. 238–240.

⁵ Ср., например: *Максимовић Л.* О хронологији словенских упада на византијску територију крајем седамдесетих и почетком осамдесетих година VI века // Сборник радова Византолошког института, 1964. Т. 8/2. С. 263–271.

⁶ См., например: *Наумов Е.П.* Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (на материалах хроники Малалы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 203–210; *Иванов С.А.* Обозначение славян как этнической общности в "Истории войн" Прокопия Кесарийского // Симпозиум "Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья". М., 1980. С. 23–25.

⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 17 и сл.

⁸ Гръцки извори за българската история. София, 1958. Т. 2. С. 227–228, 241 (о тюрсах), 234–236, 244 и 252 (об аварях).

⁹ Там же. С. 232, 250, 251.

¹⁰ Там же. С. 235.

¹¹ Там же. С. 241, 252.

- ¹² Там же. С. 220, 239.
- ¹³ См., например: там же. С. 241; ср.: также с. 112 и др.
- ¹⁴ См., например: *Ангелов Д.* Указ. соч. С. 147; *Bacic J.* Op. cit. P. 240.
- ¹⁵ См.: там же; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 54; *Максимовић Л.* Указ. соч. С. 266.
- ¹⁶ Византийски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955. Т. 1. С. 96, прим. 37.
- ¹⁷ Грџки извори... Т. 2. С. 250.
- ¹⁸ Ср.: *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁹ См., например: Византиски извори... Т. I. С. 47.
- ²⁰ Грџки извори... Т. 2. С. 230–231.
- ²¹ Там же. С. 231.
- ²² Там же. С. 224 ("отцовский сын"), с. 237 ("отцовская власть"); ср.: с. 230 ("отцовские кони").
- ²³ См., например: Развитие этнического самосознания... С. 17.
- ²⁴ Ср.: *Максимовић Л.* Указ. соч. С. 269 (его вывод, что появление "народа скиапинов" во Фракии относится к 578–579 гг., требует, по нашему мнению, проверки и дальнейшей аргументации).

Д.С. РАЕВСКИЙ

ЭЛЛИНСКИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В КУЛЬТУРЕ ФРАКИИ И СКИФИИ

Между Фракией и Скифией середины I тыс. до н.э. обнаруживается несомненное значительное сходство в самых различных сферах их социально-экономического, политического и культурного бытия. Сходство это имеет отчасти типологическую, отчасти генетическую природу, будучи порождено и близостью тех исторических условий, в которых протекало на том этапе развитие обоих названных обществ, и существованием тесных контактов Скифии и Фракии как между собой, так и с одними и теми же областями древнего мира. В этих обстоятельствах, учитывая к тому же значительную скудость имеющихся источников, вполне правомерно обращение исследователей к методу сравнения данных о Фракии и Скифии для достижения полноты исторической картины, характеризующей каждую из них. Но, пожалуй, особого внимания заслуживают как раз те моменты, в которых между этими областями обнаруживаются определенные различия. При тождестве основных исходных характеристик именно такие различия проливают наиболее яркий свет на судьбы их населения, в частности на его культурную историю. Именно в этом ключе рассматриваются ниже некоторые факты, относящиеся к культурным контактам скифов и фракийцев с античным миром.

Постоянный характер этих контактов, вхождение Скифии и Фракии в "варварскую периферию" античного мира явилось моментом, оказавшим во многом определяющее влияние на культурную историю этих регионов. Одно из проявлений этих контактов — широкое распространение в скифской и фракийской среде изделий греческого художественного ремесла. Подобные предметы — неотъемлемый компонент погребального инвентаря причерноморских и балканских комплексов. По своему характеру предметы эти неоднородны, среди них следует различать несколько серий, причем набор этих серий в Скифии и Фракии не вполне идентичен.

Прежде всего, следует выделить серию собственно эллинского импорта, т.е. изделия, типичные для самой античной культуры, изготавливавшиеся в ее традициях массовыми партиями, не предназначенные для сбыта в какой-то этнически определенной среде и потому ни в коей мере не ориентированные на художественный вкус и идеологию этой среды-потребителя. Конечно, тот факт, что подобные изделия находили сбыт среди скифской или фракийской знати, все же может пролить определенный свет на характер протекавших в этих обществах культурных процессов. Стимулировать такой сбыт могла, к примеру, определенная эллинизация аборигенной верхушки, порождающая у ее представителей интерес к греческой культуре, в том числе к греческой художественной продукции. Сказывался, вероятно, и универсальный характер некоторых мифологических концепций, позволяющий воспринимать "чужое" как семантически идентичное "своему" и обеспечивающий возможность жизни подобных инокультурных изделий не только в быту, но и в ритуальной практике, в сакрализованной сфере. Однако вопрос о судьбах памятников этой серии лежит как бы на периферии интересующей нас проблемы.

Гораздо больший интерес представляет для нас сейчас другая группа предметов — та, где греческие изделия имеют определенные местные — скифские или фракийские — черты. Это местное начало может проявляться в форме предмета, в мотивах орнаментации, в сюжетах изображений (в тех случаях, когда декор включает сюжетные композиции) и т.д. Подобные предметы свидетельствуют, что изготавливающие их мастера ориентировались на вполне определенную этнокультурную среду, приноравливались к ее запросам. Соответственно в этих случаях вполне правомерно говорить о греческом искусстве, *обслуживающем* скифское или фракийское общество, а различия в репертуаре украшающих подобные изделия мотивов могут быть использованы для характеристики тех потребностей местной среды, удовлетворить которые это искусство было призвано, и шире — для оценки существовавшей в интересующих нас областях культурно-исторической ситуации.

Присмотримся к репертуару сюжетных композиций, украшающих подобные предметы. И в Скифии, и во Фракии он довольно часто включает изображения персонажей собственно греческой мифологии. В скифских курганах к их числу принадлежат известные обкладки горитов со сценами из "биографии" Ахилла или блестяще проанализированные в свое время Б.Н. Граковым разнообразные изображения Геракла¹, а также ряд других образов. Во Фракии следует вспомнить прежде всего предметы из знаменитого Панагюриштенского клада, на которых представлен целый пантеон и богатый набор героев: Гера, Артемида, Афина, Аполлон, Дионис, Геракл, Силен, Тезей, сюжет "Семеро против Фив"². Формы же предметов, украшенных этими мотивами, в обоих случаях местные. Улавливается, однако, определенное различие в характере распространения подобных сюжетов в скифской и фракийской среде. Во Фракии они зачастую снабжены подписями, идентифицирующими персонажей даже в тех случаях, когда подобная идентификация в подписях не нуждается, будучи обеспечена самим характером изображения, воплощенными атрибутами и т.д. В Скифии нет ни одного случая, когда подписью снабжалось бы изображение на местных по форме предметах. С другой стороны, для скифских комплек-

сов характерно многократное тиражирование одних и тех же сцен, далеко не всегда наиболее значимых с точки зрения греческой мифологии. Во Фракии репертуар более разнообразен и в то же время традиционен. В целом создается впечатление, что фракийская знать проявляла интерес к эллинским мифам как таковым, тогда как в Скифии скорее имело место переосмысление греческих изображений как воплощающих местные, скифские, мифологические сюжеты и образы³. Видимо, можно говорить о большей эллинизации фракийской аристократии и ее идеологии по сравнению со скифской. Впрочем, и во Фракии эта эллинизация не была, очевидно, слишком глубокой.

Наибольший интерес представляет для нас серия предметов греческой работы из скифских курганов, украшенных так называемыми сценами из жизни скифов — жанровыми композициями на скифские темы. Памятники эти типа куль-обской и воронежской чаш, солохинского гребня, чертомлыцкой амфоры, пекторали из Толстой Могилы хорошо известны. Все их отличает разнообразие воплощенных сюжетов и высокий уровень художественной интерпретации, сочетающийся с поразительной достоверностью бытовых деталей, с документальностью воспроизводимых реалий, многократно подтвержденной археологическими. Это обстоятельство вызвало к жизни понятие "этнографический реализм", выражающее сущность памятников этой серии.

Как возникли памятники этой серии? На протяжении полутора веков, прошедших с момента находки первых ее образцов, преобладающим было толкование их как свидетельствующих об интересе эллинов к быту и обычаям аборигенов Северного Причерноморья, к "скифской экзотике". Квинтэссенцией этой точки зрения является, пожалуй, формулировка В.Д. Блаватского об отражении в интересующих нас изображениях "этнографических интересов" греческих мастеров⁴. В последние годы в работах ряда авторов была сформулирована гипотеза, согласно которой содержание всех изображений этой серии не имеет отношения к бытовому жанру, а является мифологическим или ритуальным⁵. Концепция эта базируется как на общих закономерностях функционирования искусства в архаических обществах, так и на наблюдениях о конкретных сюжетах памятников этой группы, на сопоставлении их с сохранными в античной литературе фрагментами скифских мифов или с данными о мифах и ритуалах других индоиранских народов. Дополнительный аргумент в решение спора о предпочтительности "этнографического" или религиозно-мифологического толкования интересующих нас композиций может, как представляется, внести сравнение репертуара изображений греческой работы, бытовавших в Скифии и во Фракии.

Исходя из отмеченной выше близости культурно-исторической ситуации в этих областях, было бы естественным предположить, что "этнографические интересы" греков во Фракии проявлялись столь же интенсивно и что во фракийских комплексах следует ожидать находки аналогичных скифским "сцен из жизни фракийцев", характеризующихся достоверностью бытовых деталей и иными проявлениями этнографического реализма. Однако среди фракийских древностей подобные памятники полностью отсутствуют. Совершенно очевидно, что факт этот плохо согласуется с этнографической интерпретацией скифских изображений. Ведь не прихо-

дится полагать, что среди греческих мастеров, обслуживающих варварскую периферию, в Скифии преобладали наблюдательные этнографы, проявляющие пристальный интерес к быту абorigенов, тогда как во Фракии таковых вообще не было и здесь местную знать обслуживали исключительно суровые адепты греческой религии, своего рода миссионеры, использовавшие свое мастерство для распространения среди местного населения лишь памятников, связанных с эллинскими культами.

Но если особенности распределения эллинских изобразительных памятников в Скифии и Фракии плохо согласуются с этнографической интерпретацией "сцен из жизни скифов", то и мифологическое их толкование требует какого-то объяснения различия между скифскими и фракийскими комплексами. В этой связи следует обратить внимание на достаточно широкое распространение во Фракии изображений персонажей местного облика, выполненных не эллинскими, а собственно фракийскими мастерами в достаточно специфичной, свойственной лишь данной художественной школе манере. К этой постоянно пополняющейся серии относятся такие предметы, как серебряный ритон из Поройны, врачанский золотой кувшин с изображением колесниц, серебряная нащитная бляха из Панагюриште, золотые шлемы из Пояны-Коцофенешти и из Байчени-Кукутени и, наконец, уникальная коллекция аппликаций из Летницы. Скифское искусство не знало подобных памятников местной работы. Там, как известно, на протяжении VI — начала IV в. до н.э. полностью господствует звериный стиль. Лишь с середины IV в. на скифских древностях появляются изображения человека местной работы, но они достаточно редки, примитивны и характеризуются полным отсутствием иконографических и стилистических стереотипов. Во Фракии же интересующее нас направление отличается стилистическим единообразием на достаточно обширной территории, хотя болгарским исследователям и удастся выявить внутри его определенные локальные варианты⁶. В том же стиле выдержаны и некоторые фракийские зооморфные изображения.

В интерпретации названной серии фракийских памятников в последние годы достигнуты ощутимые успехи. Работами болгарских ученых, среди которых в первую очередь следует упомянуть исследования И. Маразова, убедительно продемонстрировано религиозно-мифологическое, по преимуществу, их содержание. Изображения этой группы играли важную роль в социально-политической идеологии молодого фракийского государства, являясь средством утверждения концепции богоданного характера царской власти и других институтов социального космоса⁷. Рассматривая же антропоморфные мотивы искусства Скифии и Фракии как две параллельно существующие в сходных условиях системы, мы видим почти полную идентичность состава образующих эти системы элементов. Отличие наблюдается лишь в одном звене: фракийским композициям местной работы на мифологические темы в Скифии соответствуют "сцены из жизни скифов" греческого производства, что является аргументом в защиту того, что в своих культурах эти памятники занимали идентичные "семантические ячейки", т.е. в поддержку религиозно-мифологической интерпретации названной скифской серии. Приведенное сопоставление свидетельствует, что она была вызвана к жизни отнюдь не этнографическими интересами греков, а явилась откликом на социальный заказ скифского общества. В силу

специфики культурной истории Скифии этот заказ был выполнен не собственными скифскими мастерами — сказался исконный аниконизм культуры древних иранцев, на протяжении всей своей предыдущей истории (так же, как и индоарии) не знавших изобразительного искусства. Сравнительный материал показывает, что повсеместно, когда общество иранцев достигало стадии, на которой возникала потребность в сложении иконографии религиозно-мифологических образов, она формировалась на инокультурной основе. Так было, например, в самом Иране, искусство которого, по меткой формулировке В.Г. Луконина, сложилось как "стиль цитат" из древнего искусства Передней Азии⁸. В Причерноморской Скифии тот же "иконографический вакуум" был заполнен продукцией художественного ремесла припонтийских греческих колоний, которые, будучи заинтересованы в закреплении на скифском рынке, сделали как бы шаг навстречу скифам в деле изобразительного воплощения их мифов. Вооруженные к тому же прекрасным знанием быта аборигенов, их фольклора, мифологии, ритуалов, греческие мастера сумели создать изобразительные памятники, вполне адекватные скифским концепциям. В конечном счете эти изображения можно рассматривать как вполне аутентичные скифской культуре изобразительные тексты религиозно-мифологического содержания. Во Фракии подобная задача была решена силами собственной культуры.

Таким образом, сопоставление памятников эллинского изобразительного искусства из Скифии и Фракии проливает дополнительный свет на идеологическую историю этих областей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Граков Б.Н. Скифский Геракл // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР, 1950. XXXIV. С. 7–18.

² Венедиков И. Панагюгистенский клад. София, 1961.

³ Подробнее см.: Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ, 1980. № 1. С. 49–71.

⁴ Блаватский В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 72.

⁵ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977; Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА, 1976, № 3. С. 68–75; Раевский Д.С. Из области скифской космологии // ВДИ, 1978. № 3. С. 115–133. Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II. С. 232–240 и др.

⁶ Маразов И. Изображение на человека в паметнице на тракийската торевтика от V–IV век пр. н.е.: Автореф. С., 1976. С. 10.

⁷ Маразов И. Указ. соч.; Он же. Хиерогамията от Летница // Археология, 1976. № 4. С. 1–13; Он же. Сюжетът "лов на глиган" в колана от с. Ловец // Археология, 1975. № 2. С. 30–42; Он же. Жанрови моменти в тракийските паметници с изображения на човека // Проблеми на изкуството, 1973. № 4. С. 51–60 и др.

⁸ Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 21 и сл.

ДВА ГРАФФИТИ НА ЧЕРЕПИЦЕ ИЗ УСАДЬБЫ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

В 1979 г. Гераклейской экспедицией Института археологии АН СССР на усадьбе земельного надела № 86 хоры Херсонеса в заполнении ямы эллинистического времени был найден обломок гераклейского солена с многострочным граффито (рис. 3, 4). Лучшая сохранность надписи в правой части и искусственная затертость в левой половине навели на мысль, что на черепке два различных по содержанию текста. Надпись с левой стороны была начертана ранее. Затем ее соскребли и нанесли новую, весьма удовлетворительную по сохранности. Она имеет вид:

- 1 ἵνα τις γὰρ οἷδ' ἐμὶ
τάλαίνα, ποῦ φύγω
- 3 ἐμὶ ἀρά' εἰ γὰρ ὦν
μοὶ ὁ παῖς τεῖδε (ν)
τὶ μωὶ ἀνελεῖν
- 6 γὰρ ποτ' ἴπν [όν].

Перевод: "Пусть хоть кто-то знает, какая я несчастная; как мне избежать; я — проклятие богов! Если бы со мною здесь был бы слуга (вар. сын. — С.С.); ведь как мне убрать еще очаг (вар. навоз. — С.С.)."

Текст поэтический, его метрическая схема — двустопный хореический ритм.

Союз ἵνα вводит придаточные предложения цели или служит обозначением намерения, употребляется он и в значении следствия. Частица γὰρ в постпозиции подчеркивает логическое ударение на ἵνα, что нередко свойственно поэтическим фразам¹. Согласование ἵνα τι, слово ποῦ часто повторяются в комедиях Аристофана (Ес. 719; Рах 409, 1211; Nu. 1192; 1260; Ра. 522), а сочетание τις γὰρ — у Гомера (Il. 18, 182). Прилагательное ж.р. τάλαиνα употребляется по обыкновению в стихах, например, у Эсхила (Choef. 743) и Аристофана (Ес. 242). Необычно сочетание союза ἵνα с Perf. Ind. οἷδε (ν). Это, видимо, связано с тем, что перфект οἶδα имеет значение настоящего времени, а формы, образованные от основы перфекта, во всех склонениях и отглагольных именах сохраняют значение состояния, свойственного индикативу перфекта². Вот почему автор текста употребил здесь изъяснительное наклонение, хотя, согласно правилам грамматики, глагол следовало поставить в опативе или конъюнктиве.

В начале стк. 3 ἐμὶ ἀρα 'я (есть) беда, несчастье, проклятие богов = я бедная' логически связано с предшествующим восклицанием ἐ(τ) μὶ τάλαиνα ('я несчастная'). Восклицание εἰ γὰρ ὦν поэтическое, выражающее пожелание или возможность³. Сочетание εἰ γὰρ нередко, например, у Геродота (I, 129) и Страбона (VII, 3, 6). В стк. 5 ἀνελεῖν — Аог. II от глагола ἀναίρω. Он может означать 'убирать, усыновлять' — и последнее, казалось бы, подходит по смыслу. Глагол в таком значении находим у Плутарха (Pericl. 134), Менандра (Sam. 159, 355, 374, 411) и Аристофана (Nu. 531). Если это так, то в сочетании Ἰπν — начало личного имени. В справочниках по греческой ономастике имен с таким началом нет. Только на монете Эфеса встречается имя Ἰπνῶτης, но Р. Мюнстерберг сомневается в таком его написа-

Рис. 3. Граффити на черепице III – начала II в. до н.э.

нии⁴. Мы склонны отказаться от значения глагола 'усыновлять' и по другой причине. По греко-римскому обычаю усыновление или принятие на воспитание ребенка происходило публично путем поднятия его над головой отцом как главой семьи⁵, что выражалось глаголами *ἀνατρέω*, *τρέφω*. В нашей надписи, если допустить соответствующее значение глагола, такой акт должна была совершить женщина, что необычно для древних греков. Вот почему мы рассматриваем данный глагол в значении 'убирать, уносить', а в качестве прямого дополнения предлагаем (*τὸν*) *ἵπν[όν]*, учитывая, что в обломе могло быть на более 2–3-х букв. Это слово часто использует Аристофан (Aves 437; Vespaе 139, 837; Pax 841; Plut. 815), встречается оно и в эпиграфических источниках (Syll³. 1027, 13). Поскольку и другие лексемы нашего граффито находят параллели у Аристофана, мы склонны трактовать *δ' ἵπν[ός]* как 'очаг, кухня' или 'навоз', т.е. в значении, наиболее употребительном у афинского комедиографа V в. до н.э.

В стк. 4 личное местоимение *ἐγώ* в дат. п. ед. ч. начертано через -ο, а в стк. 5 — через -ω. В греческой эпиграфике известны случаи подобной замены⁶.

В начале стк. 6 просматриваются какие-то линии, похожие на буквы, значение которых понять невозможно. Не исключено, что это какие-то цифровые знаки, нанесенные на черепицу ранее и не имеющие отношения к настоящему тексту.

Означенный поэтический текст не содержит имен или названий, по которым его можно было бы отнести к какому-нибудь автору — комедиографу, трагику или поэту-лирику. Стихотворный размер не вносит в этот вопрос ясности, так как и для бытовой народной поэзии характерно большое

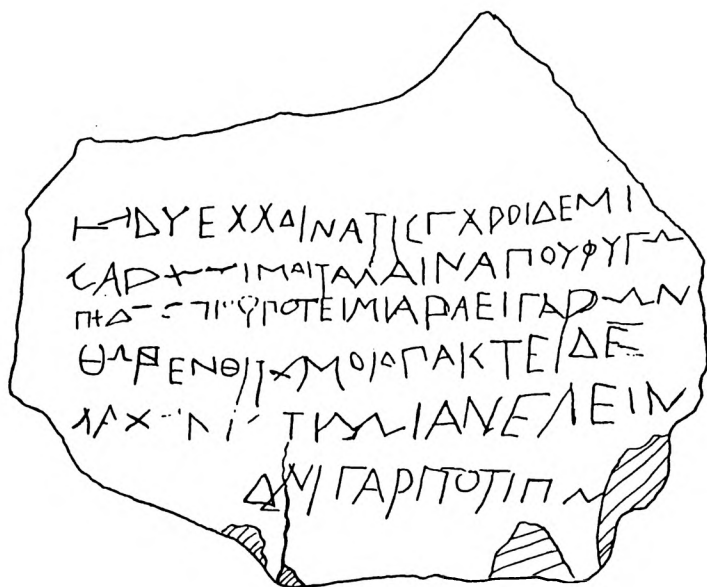

Рис. 4. Прорисовка граффити на черепице

разнообразие метрических схем⁷. Перед нами либо неизвестный фрагмент произведения какого-либо греческого автора, набросанный на черепицу для лучшего запоминания актером театра или учеником-эфебом какого-нибудь грамматиста — учителя словесности, либо личное поэтическое творчество, как бы крик души неизвестной женщины, жившей на усадьбе и жаловавшейся на горькую судьбу и тяжелый труд. Поражают классические формы диалекта — койне, что необычно для Херсонеса, сохраняющего чистоту дорийской речи до II в.н.э. Возможно, что женщина, писавшая на черепке, не херсонеситка. Мы более склоняемся ко второму предположению, так как в надписи упоминаются 'очаг' или 'навоз', который требуется убрать, ὁ παῖς, который должен был помочь "несчастной" в этом тяжелом и неблагодарном для нее труде. Может быть, автор послания в стихах — служанка или воспитанница, "вскормленница", которая в чем-то провинилась и в наказание ей поручили тяжелую работу на усадьбе. Об этом как будто свидетельствует глагол φεύγω.

Большой интерес вызывает ὁ παῖς 'сын, дитя, слуга, раб'. В надписях Северного Причерноморья слово обычно имеет значение 'дитя, сын, сыновья'⁸. В нашем граффито ὁ παῖς должен был помочь женщине убрать τὸν ἴνυ [όν], так что, видимо, имеется в виду слуга, может быть рабского или полурабского статуса. В античных государствах Северного Причерноморья рабовладельческая система хозяйства активно стала развиваться с VI в. до н.э., а с V в. до н.э. количество рабов, занятых в производстве, увеличилось⁹. Но в Херсонесе имеются лишь косвенные указания на характер рабовладения: большие размеры земельных наделов, обработать которые не под силу одному владельцу, эргастулы на усадьбах Гераклеяского по-ова, погребение в кандалах в северо-западном районе города¹⁰. Нередко

херсонесцы использовали рабов и рабынь в качестве домашней прислуги, о чем говорят надгробные рельефы¹¹. Домашние рабы обозначались как *θρεπτοί, οἰκέται* (IRE 1², 32) и вообще были распространены в северопонтийских городах¹². Однако *ὁ παῖς, ἡ παιδίονη* в значении 'слуга, раб' до сих пор не встречались в Северном Причерноморье.

Этот термин появился в классическую эпоху у Эсхила, Аристофана, Ксенофонта, Эпикрата применительно к рабу в качестве прислуги. И все же в это время он еще довольно редок¹³. В эллинистическую эпоху *ὁ παῖς* как 'раб' употребляется много чаще, особенно в Малой Азии¹⁴. В египетском архиве Зенона, управляющего хозяйством диоикета Аполлония, он также засвидетельствован (PCZ 59015). М.И. Ростовцев переводил его как 'раб', занятый в производстве, а В. Уэстерман считал за свободного или раба, используемого исключительно в домашнем хозяйстве¹⁵. Относительно его труда в сельском хозяйстве мнения исследователей разделились: одни считали, что *οἱ παῖδες* могли там использоваться, другие отрицали это¹⁶. В настоящее время установлено, что *ὁ παῖς* имеет три категории понятий: а) отражение права собственности на личность человека (покупка и бегство *παῖς*), б) полное содержание господином, в) распоряжение трудом этих людей. Это позволяет видеть в *οἱ παῖδες* слуг рабского статуса, которые трудились на дому, в земледелии, скотоводстве, ремесле¹⁷. Так, в переписке Зенона говорится, что некоему *Κοτῆν τὸν παῖδα* было поручено доставить лошадей Аполлонию (PCZ 59030), а в других письмах сказано о *παῖδες* как о лицах, ответственных за определенные поручения (PSI 489 и т.п.). В публикуемой надписи также говорится, что *ὁ παῖς* должен был помочь автору письма в стихах в весьма неблагоприятной работе, т.е. имел определенные обязанности.

В речи Лисия об убийстве Эратосфена (Lys. I, 8, 11, 16) упоминается служанка (*θεράπαια*), которая выполняла различные поручения, положенные домашней прислуге и *ἡ παιδίονη*, обязанности которой не определены. Из контекста следует, что оба термина относятся к одному и тому же лицу, служанке, находящейся в доме. Очевидно, *ἡ παιδίονη* применительно к служанке считалось оскорблением и напоминало о ее более приниженном по отношению к свободному положению. Следовательно, *ἡ παιδίονη*, равно как и *ο παῖς* могли быть слугами рабского статуса и выполнять различные поручения по хозяйству.

Отмеченные обстоятельства позволяют видеть в *ὁ παῖς* слугу, очевидно, доверенного домашнего раба¹⁸, близкого по социальному и правовому статусу к *θρεπτός* и *οἰκέτης*. Не исключено, что он, подобно египетским пайдам, мог быть занят в сельском хозяйстве. В целом же невыразительная для исторических построений надпись свидетельствует, что в Херсонесе в эллинистическую эпоху жили люди, непосредственно занимавшиеся поэзией или очень любившие ее. Это показатель довольно высокого культурного уровня херсонесцев.

Вторая надпись:

1. $\text{H} \text{I}$ δὺ(ο) ΕΧΧΔ
οάρξ τιμαί
3. Π + [...] Ψ? ποτ'
θω̃ P ξνθ' || χ
5. λαχ [έ] ν [των] vel. [-τος]

Перевод: "2 таланта = 2 раза по 100 + 2 тысячи д[рахм] — мясо; цены — 6 драхм... 50 оболов? Сверх того, я бы уплатил тогда 50 драхм 2 обола 1 х[алк] за полученное".

Перед нами перечень денежных сумм. Цифровые знаки соответствуют акрофонической системе, применявшейся в Херсонесе. В стк. 1 читаются , — в граффити это обозначение драхмы¹⁹. Иногда в Херсонесе = 100, что зафиксировано в надписи о продаже земельных участков (IRE I², 403; IV, 80)²⁰. По акрофонической системе число 100 выражалось либо через Н, условным обозначением которой и являлся знак , либо через Е. Поскольку в стк. 1 число 100 встречается в трех видах, то возможно несколько вариантов чтения: либо это две драхмы, что поясняется последующим числительным $\delta\upsilon(o)$ 'два', либо знаки обозначают что-то другое. Знак Е = 100 засвидетельствован в граффито IV — III в. до н.э. с одного из поселений хоры Ольвии в районе Сиверсова Маяка²¹. В нем встречается и знак С, аналогичный тому, который предвывает стк. 2 нашего остракона. В лапидарных надписях Херсонеса и Калхедона его иногда принимают за 1 драхму²², а в граффити с перечнем цен за 1/2 обола²³. Иногда он служил условным обозначением разграничительных знаков²⁴. Последнее, однако, не подходит для нашей надписи, так как означенная черточка стоит в начале строки. Иногда С = 1/2 ставится изгибом в противоположную сторону, но это бывает в том случае, если перед ним нешаблонный знак обола²⁵. Ничего подобного в нашем тексте нет. Мы принимаем данный знак за *сигму*, на что указывает сохранившаяся верхняя гаста сигмы в обычной классической форме: автор текста хотел вначале начертить обычную *сигму*, но затем передумал и изобразил ее в виде лунарной буквы.

В таком случае в начале стк. 2 легко распознать слово $\eta\sigma\alpha\rho\epsilon$ 'мясо, туша'. В граффити Ξ обозначалась как λ ²⁶. Мы не можем считать С = 1/2 суммы, указанной в стк. 1, так как этот знак обозначал только половину какой-то единицы, например, обола, а не всей суммы в целом²⁷. Очевидно, цифры в стк. 1 относились к количеству мяса, о котором говорится в стк. 2. В таком случае ключом к расшифровке знаков , может стать крупная сумма в конце стк. 1. Если это знаки драхмы, то с ними не увязывается числительное ΕΧΧΔ. К тому же вызывает недоумение ретроградное написание знака драхмы при правильном его начертании в той же строке. Остается предположить, что это перевернутая Т = 1/4 обола по аттической акрофонической системе²⁸. Так обозначалась и весовая единица талант (= 26196 г). Поскольку крупная сумма никак не соотносится с двумя четвертинами такой мелкой денежной единицы как обол, то остается предположить, что перевернутые тау суть обозначения таланта как весовой единицы. Столь необычное их написание должно объяснить нежеланием спутать с Т = 1/4 обола и драхмой. В Аттике 1 талант = 60 минам, 1 мина = 100 драхмам, 1 драхма = 6 оболам, а 1 обол = 8 халкам²⁹. Если   = 2 талантам, то это составит 120 мин. Тогда число ΕΧΧΔ легко увязывается с этим обозначением веса. Ведь 120 мин составляет 12 тысяч драхм, что прекрасно совпадает с числом $\delta\upsilon(o)$ ΕΧΧΔ = дважды по 100 = = 100 × 100 = 10.000 + 2.000 = 12.000 драхм при том, что Δ — знак драхмы (ср. в Ольвии ΠΣ = 5 статерам)³⁰. Таким образом в стк. 1–2 речь идет о 2 талантах мяса (около 52,5 кг), которые составили 12 тыс. драхм.

Тогда в стк. 3, вероятно, говорилось о ценах, по которым можно было продать или купить мясо в Херсонесе Таврическом.

Слово η τιμή 'цена, стоимость' в граффити обычно предшествует денежному выражению цены в цифрах³¹. Например, ΚΡΑΤΕΡΕΣ ΠΙ ΤΙΜΕ: Ι Ι Ι Ι Ι Ι 6 кратеров по цене 4 драхмы. В стк. 3 суммы восстанавливаются условно, так как в этом месте текст читается плохо: Π + ... Ψ (?) можно предположительно принять либо за 6 драхм или число 6000 ....50 (оболов?), либо усматривать в Π сумму 5 халков. Мы склоняемся в пользу денежной суммы в 6 драхм (+ знак Ι).

Перекрестие обычно в граффити тождественно букве Χ³². На одном граффито I в. до н.э. из городища "Чайка" знак драхмы соседствует с перекрестием в значении буквы Χ³³. На аттическом кратере из Британского музея традиционный знак драхмы в торопиях начертан как перекрестие³⁴. Учитывая, что в стк. 1 и 4 нашего документа буква Χ выписана правильно, следует полагать, что здесь перекрестие — знак драхмы.

В стк. 4 $\theta\omega$ — Аог. II Соп. от глагола $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$ 'вносить, платить, уплачивать, вносить в залог'; $\pi\omicron\tau$ = $\pi\omicron\tau\acute{\iota}$ = $\pi\rho\acute{o}\varsigma$, что характерно для дорийской речи. Знак Ρ = 50, что часто встречается в граффити из Херсонеса и хоры на венчиках пифосов в качестве обозначения емкости³⁵. Этот знак имеет также значение денежной суммы в 50 драхм. Вертикальная черта по обыкновению понимается как обол, если перед ней знак драхмы³⁶. Стк. 5 читается очень плохо, однако слог ΛΑΧ и две гасты от Ν заставляют восстанавливать здесь причастие Аог. II от глагола $\lambda\alpha\chi\acute{\alpha}\nu\omega$.

Таким образом, перед нами очередной перечень денежных сумм. В Херсонесе они довольно часто встречаются в граффити: ΔΔΔ = 30 (ΓΑΧ, 558), ΔΠΠ = 17 (ΓΑΧ, 547), ΔΔΔΠ = 32 (ΓΑΧ, 559) и др. Иногда даже указываются номиналы монет, например, драхмы (ΓΑΧ, 548). Поскольку в надписи имеется косвенное указание на аттическую денежно-весовую систему, то оба граффити, таким образом, можно датировать III — началом II в. до н.э., так как переход от финикийской (родосско-хиосской) системы к аттической произошел в Херсонесе в конце III в. до н.э.³⁷

Обращает на себя внимание влияние койне. К сожалению, палеография граффити не разработана. Если сравнить наши надписи с памятниками лапидарной эпиграфики, то по шрифту их можно отнести к концу III — началу II в. до н.э. Для этого времени характерны: *мю* с широкими средними и чуть дугообразными вертикальными гастами, *ню* с длинной гастой, широкие гасты у *эты*, разлапистые *лямбда*, *дельта*, *альфа*, суженный *омикрон*, лунарная и изогнутая *сигма*, — все эти признаки свойственны шрифту обоих граффити на черепице. Первая надпись не намного старше второй, так как по палеографии они близки друг к другу. Граффити с херсонесской усадьбы — типичные образцы хозяйственной и личной переписки на черепках, которые получили в науке названия *остраконов*³⁸. Они широко представлены в античном мире, особенно в греко-римском Египте.

ПРИМЕЧАНИЯ

³¹ $\Gamma\acute{\alpha}\rho$ в середине предложения встречается у псевдо-Скимна (927). Подробнее: Denniston J. The Greek Particles. Oxford. 1954.

³² Соболевский С.И. Древнегреческий язык. М., 1948, с. 210, 211.

³³ $\epsilon\iota$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ с оттенком пожелания у Гомера (II. XIII, 825; Od. IV, 189), Еврипида

(Alc. 1072; Hipp. 1410), Алкмана (Alcm. 29) и др.; $\epsilon\mu\iota\ \tau\acute{\alpha}\lambda\alpha\upsilon\alpha$ не обязательно восстанавливать как $\epsilon\ (\delta)\mu\iota\ \tau\acute{\alpha}\lambda\alpha\upsilon\alpha$, поскольку дифтонг $\epsilon\iota$ нередко передавался через ϵ особенно в поэтической речи (ср. $\epsilon\iota\lambda\iota\omicron\nu\ \acute{\alpha}\epsilon\delta\omega\ \kappa\alpha\iota\ \Delta\alpha\rho\delta\alpha\nu\iota\eta\nu$ — Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии. — ВДИ, 1969, № 3, с. 142). См.: Hoffman O. Die Griechische Dialekte, III. Göttingen, 1898, S. 424.

⁴ Münsterberg R. Die Beamtennamen auf den griechischen Münzen. Hildesheim — New York, 1973, S. 86.

⁵ Gomme A.W., Sandbach F.H. Menander. A Commentary. Oxford, 1973, p. 580. 581.

⁶ Larfeld W. Griechische Epigraphik. München, 1914, S. 240.

⁷ Hansen P.A. A List of Greek Verse Inscriptions down to 400 B.C. Copenhagen, 1975, p. 10; Peek W. Attische Versinschriften. Berlin, 1980, S. 8.

⁸ Ср. НЭПХ II, 183, с. 202, 203; КБН 142, 1017, 1057; Виноградов Ю.Г. Новые материалы по раннегреческой экономике. — ВДИ, 1971, № 1, с. 68.

⁹ Блаватский В.Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. — СА, 1954, XX, с. 39; Каллистов Д.П. Рабство в Северном Причерноморье V—III вв. до н.э. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 219.

¹⁰ Блаватский В.Д. Указ. соч., с. 40; Он же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.—Л., 1954, с. 162; Сувор Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического. — Античная древность и средние века, вып. 3. Свердловск, 1965, с. 125.

¹¹ Кадеев В.И. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первые века нашей эры. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 59.

¹² Westermann W. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 30; Cameron A. $\Theta\rho\epsilon\pi\tau\acute{\iota}\varsigma$ and related terms in the Inscriptions of Asia Minor. — In: Anatolian Studies presented to W. Buckler. Manchester, 1939, p. 30; Robert L. Hellenica, VI. Paris, 1948, p. 95. Борисова В.В. Херсонесское надгробие, поставленное вскормленником. — ВДИ, 1962, № 2, с. 109; Кадеев В.И. Указ. соч., с. 59.

¹³ Aesch. Choef. 653; Aristoph. Achar. 395; Xen. Anab. VII, 3, 30; Доватур А.И. (Рабство в Аттике VI—V вв. до н.э. Л., 1980) вообще не называет его среди терминов, обозначающих рабов. Ср.: Леницман Я.А. Рабство в Микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

¹⁴ OGIS 309, 764; Syll.² 365; Syll.³ 578; Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н.э. М., 1969, с. 139 сл.

¹⁵ Rostovtzeff M.I. A Large Estate in Egypt in the Third Century B.C. Madison, 1922, p. 30; Westermann W. Op. cit.; s.v. Sklaverei. — RE, Suppl., VI, 1935, S. 932; Préaux C. L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939.

¹⁶ Крюгер О.О. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. — Изв. государственной академии истории материальной культуры, вып. 108. 1935, с. 49; Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 203; Пикус Н.Н. $\Pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\kappa\alpha\iota$ шерстоткацкой мастерской Аполлония. — ВДИ, 1952, № 1, с. 84; Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в Египте во II—I вв. до н.э. М., 1960, с. 146.

¹⁷ Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Указ. соч., с. 267, 268; Амусин И.Д. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты. — ВДИ, 1952, № 3, с. 60.

¹⁸ Во Фракии рабы-пайды использовались для личных услуг господину и были совершенно бесправны, См.: Златковская Т.Д. О характере рабства во Фракии VII—V вв. до н.э. — ВДИ, 1971, № 1, с. 59.

¹⁹ См.: Граффити античного Херсонеса, Киев, 1978, 548; Lang M. Graffiti and Dipinti from Athenian Agora. The Athenian Agora, v. XXI. Princeton, 1976, p. 22, 23, E 4, E 13.

²⁰ Блаватский В.Д. Земледелие..., с. 30—34.

²¹ Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в VI—III вв. до н.э. — ВДИ, 1985, № 1, с. 41. Автор публикации принимает С за обозначение цифр 5, хотя по акрофонической системе эта цифра писалась как П — $\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon$ (ср. Lang M. Numerical Notation on Greek Vases. — Hesperia, 1956, v. 25, p. 15, N 64: ΔΠΠΠΠ — 15 драхм 4 обولا).

²² Латышев В.В. Эпиграфические этюды. V. Халкидонские надписи. — Журнал министерства народного просвещения, 1885, июнь, отд. кл. фил., с. 308—312; Idem. Comm. ad IPE I², 403; IV, 80.

²³ Lang M. Graffiti..., p. 22, E 4, E 6; Johnston A. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979, p. 30.

²⁴ Amyx D. The Attic Stelai, part III. — Hesperia, 1958, v. 27, 3–4, p. 289, tabl. 52.

²⁵ Johnston A.W. Lists of Contents: Attic Vases. — American Journal of Archaeology, 1978, 82, p. 222.

²⁶ Lang M. Graffiti..., p. 4, D 35, D 39, F 53.

²⁷ Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. — Greece and Rome. 1974, v. XXI, 2, p. 149, N 8–9; Idem, Trademarks..., p. 30, 10 F 25; 14 F 15.

²⁸ Lang M. Graffiti..., p. 22. E 6.

²⁹ Selman C. Athens, It's History and Coinage. Cambridge, 1924.

³⁰ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 3, с. 97, № 106.

³¹ Amyx D. Op. cit., p. 289, pl. 52; Jongkees J.H. On Price Inscriptions on Greek Vases. — Mnemosyne, 1959, ser. IV, v. 4, N 3–4, p. 258–266.

³² Amyx D. Op. cit., p. 289, pl. 52, 53; Idem. An Amphora with a Price Inscription in the Hearst Collection. — University of California Publications in Classical Archaeology. 1941, v. I, p. 190; Jongkees J.H. Op. cit., p. 260; Lang M. Graffiti ..., p. 23; Beazley J. Some Inscriptions on Vases. IV. — American Journal of Archaeology, 1941, 45, N 4, p. 599, 600.

³³ Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984, с. 78, № 361.

³⁴ Amyx D. Op. cit., p. 289–292.

³⁵ Сапрыкин С.Ю. Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб. — КСИА, 1983, вып. 174, с. 65, 66; Соломоник Э.И. Указ. соч., с. 69, № 284–290; Lang M. Numerical Notation..., p. 13–18 (граффити на амфорах).

³⁶ Lang M. Numerical Notation..., p. 15, n. 64; Eadem. Graffiti..., p. 22, E 6.

³⁷ Зограф А.Н. Античные монеты. М.–Л., 1951, с. 149; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 40.

³⁸ Wilcken U. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Bd I–II. Leipzig, 1899; Youtie H.C. Greek Ostraka from the Fayum in the Michigan Collection. — Zeitschrift für Papierologie und Epigraphik, 1976, Bd. 21, h. I, S. 17–23.

Т.Н. СВЕШНИКОВА

КАЛЕНДАРЬ "ВОЛЬЧЬИХ ДНЕЙ" У РУМЫН

Данная работа представляет собой попытку составить на основании целого ряда фольклорных источников календарь так называемых "вольчьих дней", т.е. праздников, которые соблюдают для защиты людей и скота от волков и оборотней. Сам факт существования этого явления — дань давней пастушеской традиции и, по всей вероятности, косвенное отражение древнего культа волка (ср. Densusianu, 14; Eliade, 31).

Как и любые праздники, "вольчи дни" делятся на более и менее почитаемые, на календарно закреплённые и подвижные, на соблюдаемые всеми или только женщинами. Для некоторых праздников очень важны кануны (вечер и ночь), для других — дни, следующие за праздником (ср. Толстая, 181–182).

Представленный здесь календарь имеет форму словаря, в котором словарные статьи расположены не в алфавитном, а в хронологическом порядке. Кроме названия праздника и его даты, каждая статья содержит заимствованные из разных источников тексты, которые служат пояснением и иллюстрацией рассматриваемых в словаре явлений.

При написании работы мы во многом следовали тому способу представления материала, который содержится в статье С.М. Толстой, посвященной полесскому календарю.

Bobotează. Крещение, 6.I. *Pe timpul sfințirii apei la Bobotează se aprind niște petici și se crede că acela care ține astfel de petici aprinse în mână, nu va fi mâncat de lupi.* (Gorovei, 1969) 'Когда святят воду на Крещение, зажигают лоскутки. Считается, что тот, кто держит такие зажженные лоскутья в руке, не будет съеден волком.'

Circovii de iarnă. 17–18. I. (Candrea, Adamescu, 275); 16–18. I (Candrea, Adamescu, 730–731).

Petru, Sf.: Sâmpetru, Sâmpetru de iarnă, Petru de iarnă, Sînt'etru (Sînk'etru) și iarnă. 16. I. *La 16 Ianuar, ziua apostolului Petru, să nu lucrî, că e rău pentru lupi* (Gorovei, N 1991) '16 января, в день апостола Петра, не работай, — опасность со стороны волков'.

Antonie, Sf., 17. I. Este iară sîntu Antonie; și ațēga o tîn tot pântru marhăle (Parahagi, 161) 'Есть опять же Св. Антоний; и его соблюдаем для скотины.'

Filipii de iarnă. Дни Св. Филиппа зимнего, 30.I.–2.II, в некоторых областях 25.I.–31.I. *Șapte Filipi (25 Ianuarie) sunt "ținuți" mai cu seamă de femei: e rău de lupi* (Ciașanu, 326) 'Семь дней Св. Филиппа (25 января) "соблюдаются", в особенности, женщинами: от волков'. *Sînt doj H'ilepî și noi țî ținem cu griță: je unu dă toamnă, pîn poștu Crăciunului, altu je dă primăvară, țî mai zice și H'ilepū—ăl șkiop, la februar. Cică să nū daj gunoju afară tîn zilele—astea, că mîncă g'itili lupk'i* (Istrățescu, 124–125) 'Существует два праздника Св. Филиппа, и мы соблюдаем их всегда: один — осенний, в рождественский пост, другой — весенний, — его еще называют Филипп хромой, — в феврале. Говорят, нельзя выносить мусор в эти дни, — волки съедят скотину'.

Filipii (Mărtinii) de iarnă. Дни Св. Филиппа (Мартина) зимнего, 1–3. II. *Ținuți, ca să nu le mîntînce fiarele vitele* (Mușlea, Bîrlea, 350) 'Соблюдаются, чтобы дикие звери не съели скотину.' Дни Св. Мартина — три дня, с 1 по 3 февраля, которые отмечают, чтобы защитить скот и людей от диких зверей, особенно от волков и медведей' (Candrea, Adamescu, 752).

Trif Sf., 1. II. Să nu muncești tîn ziua de Trif, că-ți ia lupul vitele (Gorovei, 1973) 'Не работай в день Трифа, — не то волк возьмет твою скотину'. *La Sf. Trif (1 Fevr.) nu se lucrează pentru ca viea să facă rod și să fie ferită de grindină și pentru ca lupii să nu mîntînce din vite* (Ciașanu, 327) 'На Св. Трифа (1 февр.) не работают, чтобы виноградники давали плоды и не пострадали от града и чтобы волки не съели скотину.'

Stretenie, Strătenie. Сретенье, 2. II. Unul din Filipii de iarnă e ținut, ca să nu mîntînce fiarele vitele (Mușlea, Bîrlea, 351–352). 'Сретенье (2 февр.). Один из дней Св. Филиппа зимнего, соблюдается, чтобы звери не съели скотину'.

Haralambie, Sf.: Hararambju. 10.II. *Iarna este sîntu Hararambju. Atunțea nu țăsem nimn'ica, că—î un sînt cu prilez pântru marhăle, să nu să vțea ceva, să nu păgubea.* (Parahagi, 161) 'Зимой — св. Харарамбиу. Тогда мы ничего не ткем, потому что этот святой — защитник скотины, чтобы чего-нибудь не случилось, не пропало'.

Toader, Sf.: Sîn Toader. 1. 17.II. *Serbat, pentru ca vitele să nu fie atacate de fiare* (Mușlea, Bîrlea, 355) 'Празднуется, чтобы на скот не напали дикие звери'. 2. Первое воскресенье Великого поста. 3. Великая Суббота (Candrea, Adamescu, 1159).

Alexie, Sf., 17.III.

Gheorghe, Sf., 23.IV. El e stăpînitor al lupilor; împărțește tain la lupi (Mușlea, Bîrlea, 362) 'Он хозяин волков; делит еду между волками'. *În ziua de Sîn—*

Gjorz, pântru strigoile țelga, pântru ursitorile țelga ce ia laptele de la marhăi, apoi e bin'e a afuma vit'ele cu tămțe șt unge cu aș colo la strunghi, p'unde merg oile. Dimin'eața le stropk'esc cu apă tăte oile șt oamenii tăț să udă, c'apoi în noaptea de Sîn-Gjorz ținblă șt bosărcăi, că moșu mn'eș le-o vâdzut într'o noapte, cînd o zin'it în grazdă bosărcăile; el o audzît d'in pod cînd bosărcăile ȝicea: "șt d'e la asta [vacă] un pk'ic [de lapte], șt d'e la asta un pk'ic (Papahagi, 161). 'В день Св. Георгия, от этих оборотней, от этих колдунов, что берут молоко у скотины, хорошо окурить скот ладаном и смазать чесноком в загонах, в которые заходят овцы. Утром обрызгиваем водой всех овец, и люди все обливаются [водой], потому что в ночь на Св. Георгия бродят оборотни, — ведь мой дед видел однажды ночью, как приходили в стойло оборотни; он слышал с чердака, как оборотни говорили: "и от этой [коровы] немножко [молока], и от этой немножко'.

Cei patru Evanghelisti. см. sf. Luca, sf. Matei, sf. Ioan, sf. Marc. *Dacă nu-ți ține, le mănâncă lupii vitele* (Mușlea, Bîrlea, 411) 'Если не соблюдать этот день, волки съедят скотину'.

Marc, sf., 25.IV. см. Cei patru Evangheliști.

Ioan, sf., 8.V. см. Cei patru Evangheliști.

Ispas. Вознесение. Сороковой день после Пасхи. *În ziua de Ispas să nu dai foc, că 'ți mănâncă lupul oile* (Voronca, 1202) 'В день Вознесения не давай [взаймы] огня, не то волк съест твоих овец'.

Sînzienē, pl. Праздник Ивана Купалы, 24. VI. *Se țin la 24 iunie pentru că atunci se prășesc lupii* (Mușlea, Bîrlea, 377) 'Празднуется 24 июня, потому что тогда щенятся волки'.

Stoborul Sâmpietrului. Следующий после Петрова дня, 30. VI. (Răd.-Codin, Mihalache, 78). *A doua zi de Sîn-Pietru, cînd nu se lucrează, fiind rău de lupi și de pagubă* (Candrea, Adamescu, 1208—1209) 'Следующий после Петрова дня, когда не работают из страха перед волками и напастями'.

Circovii de vară или Circovii Mărinii. 15—17. VII, по некоторым данным 16—18.VII. *Sînt trei sărbători băbești, ținute între 15—17 iulie* (Mușlea, Bîrlea, 387) 'Это три бабьих праздника, празднуются с 15 по 17 июля'; *În zilele ciorcovilor nu se face nici o treabă, că mănâncă lupii porcii* (Gorovei, 1260) 'В дни circovii не делают никаких дел, — не то съедят волки свиней'.

Ciurica. День Св. Кирьяка, 15.VII. *E ziua sfințului Chiriac, serbată la 15 iulie, mai ales de femei, ca prima zi a Circovilor, cea mai rea dintre ele. În această zi, femeile nu lucrează absolut nimic; nu scot nici gunoiul din casă; nu împrumută nici foc, căci Ciurica e o sărbătoare foarte importantă, o zi — cu primejdie, rea de boală; de pagubă, mai ales pentru vite (să nu le ia lupul)* (Mușlea, Bîrlea, 386) 'День Св. Кирьяка, празднуется 15 июля, особенно женщинами, это первый день Circovii, самый опасный из них. В этот день женщины не делают никакой работы, даже мусор не выносят из дома; не дают займы даже огонь, потому что день Св. Кирьяка — очень важный день, опасный, чреватый болезнями и потерями, — особенно опасный для скотины (ее может унести волк)'.

Al doilea Cărcov al Mărinii. Один из праздников Circovii. *El este frate cu cel dintîi și cumnat Mărinii. Acei care au vite trebuie să ție cu sfințenie această zi, de frica de a nu le mîncă lupii* (Laugier, 69) 'Он брат первому [из праздников] и зять Мэрины. Те, у кого есть скотина, должны свято соблюдать этот день из страха, что волки съедят скотину'.

Mărina, 17.VII. *Este serbat ca să nu mănânce lupii vitele* (Mușlea, Bîrlea, 386) 'Празднуется, чтобы волки не съели скотину'. *Prin unele părți din Oltenia, Mărina se ține ca fiind rea de piatră, strictînd cîmpurile cu semănături și cînepa îndeosebi, ca aducătoare de trăsnet și pentru ca vitele să fie ferite de lupi* (Pamfile, 167) 'В некоторых частях Олтенции Мэрина празднуется, потому что опасна градом, губит поля и посевы и особенно коноплю, приносит гром, [отмечается] и для того, чтобы уберечь скотину от волков'.

Sîntămărie. Успение Богородицы, 15.VIII. *Cólo cãtă Sîntămărie, tînt'id mușierile t'ept'ini. [Bagă pieptenii de pieptenat lîna unul într'altul]. Intid'e gád'înile [fiarele] celea rîle. Cum se înțelează pieptenii unul într'altul, așa se înțelezeze și fîlcile lupului, să nu poată sfășia vitele* (Petrovici, Moșii, 127) 'Незадолго до Успения закрывают женщины гребни. [Вставляют гребни для чесания шерсти один в другой]. Закрывают [пасть] злым зверям. Как втиснуты гребни друг в друга, так будут стиснуты и челюсти волка, чтобы не мог он растерзать скотину'.

Lupu. День Великомученика Лупу, 23. VIII. *E serbat la noi cu nelucrare, pentru ca lupul să nu prăpădească vite* (Candrea, 210) 'В этот день не работают, чтобы волк не уничтожил овец'.

Teclele, pl. Праздник Великомученицы Теклы, 24.IX. *Teclele se păsesc cu mare strășnicie, mai ales prin părțile muntoase, crezându-se că ar fi rele de foc, dar mai ales de lupi. La casa celui ce va îndrăzni să lucreze, lupii vor veni și vor mânca berbecii și oile celui ce va fi crescător de turmă; din această pricină, pe acolo această sărbătoare se mai numește și Teclele berbecilor* (Pamfile. Sărbătorile de toamnă, 56) 'Дни Св. Теклы соблюдаются с большой строгостью, в особенности в горных местностях, считается, что они опасны в отношении огня, но, главным образом, волков. В дом того, кто осмелится работать, придут волки и съедят баранов и овец у пастуха; поэтому дни Св. Теклы называются также Теклеле баранов'.

Berbecarii, pl. Другое название праздника Великомученицы Теклы. Отмечается три дня: 26, 27, 28 сентября (Pamfile. Sărbătorile de toamnă, 57).

Filip, Sf., 11.X. *Păzitor de fiare* (Mușlea, Bîrlea, 402) 'Защитник от диких зверей'.

Lucinul, 17.X. в день Св. Осие. Отмечается для защиты людей от волков (Pamfile. Sărbătorile de toamnă, 62). *În ziua de Sf. Osie (17 Octombrie) se prăznuiește lucinul, ca să fie feriți de lupi* (Gorovei, N 1971) 'В день Св. Осие (17 октября) празднуют лучинул для защиты от волков'.

Lucinul, 18.X. в день Св. Луки. Праздник, который отмечают, в основном, женщины, чтобы защитить людей от волков (Candrea, Adamescu, 726).

Luca, sf. 18.X. см. *Cei patru Evangheliști*.

Dumitru, Sf.: Sîn-Medriu, Si-Medru, Sumedru. День св. Димитрия. 26.X. *De sf. Dumitru nu se piaptând, că-i primejdios de lupi* (Gorovei, 3165) 'На Св. Димитрия не причесываются, — опасно со стороны волков'. *E păzitor de fiare* (Mușlea, Bîrlea, 402) 'Защитник от диких зверей'. *Focul lui Sumedru. E aprins în seara ajunului zilei Sf. Dumitru*. (Mușlea, Bîrlea, 403) 'Огонь Сумедру. Возжигается вечером в канун дня Св. Димитрия'. *Focul se face ca să se îndepărteze fiarele și boalele de la vite* (Mușlea, Bîrlea, 403) 'Огонь разводят, чтобы ушли подальше дикие звери и болезни от скотины'.

Cozma și Damian, 1.XI. *Dzua lupk'ilor cad'e 'n dzua de Cozn'ian, iarna* (Paparhagi, 167) 'День волков падает на день Козьмы, зимой'.

Arhanghelii. Архангелы Михаил и Гавриил, 8.XI. *Hărghjeli [Arhanghelii] ți ți. ți rău d'e bet'eșugă șa d'e uit'e, vez* (Petrovici, Moții, 127) 'Архангелов празднуют. Опасно для болезней и скотины'.

Filipii, pl. Chilichii, Filipii, Cilipii, Cilichii, Hilipii, Hilepii. Дни Св. Филиппа. Число дней и дата праздника зависят от места и традиции: 14 ноября; 14 и 15 ноября; 14, 15 и 16 ноября; 11, 12, 13, 14, 15 и 16 ноября; 12–16 и 21 ноября; 15–20 ноября. *La H'ilipi, care o ție că le păzește Dumnezeu dă lupk'i, să țiie zița aia.* (Moroianu, 25); 'В дни Филиппа те, у кого есть овцы, говорят, что Бог охраняет их от волков. Так пусть соблюдают этот день'. *Chilichii sîn trîi la număr șa să țin că-i rău di jigăni... Atunci să strîng lupchii 'n hați dipă pradă șa umblă strigoii* (Candrea, Densusianu, Speranția, 272) 'Число дней Св. Филиппа — три, они соблюдаются [для защиты] от диких зверей... Тогда волки собираются в стаи в поисках добычи и бродят оборотни'.

Matei, sf., 16.XI. см. *Cei patru Evangheliști.*

Ovideniile: Ovedenie, Ovidenie. Введение, 21.XI. Последний из шести или семи дней Св. Филиппа празднуется одновременно с Введением, 21 ноября, и носит название "Филипп хромой" (*Filipul cel șchiop, Pilipul cel șchiop, Filipu 'al șchiop, Filip șchiopul*) (Pamfile. Sărbătorile de toamnă, 121).

Andrei, Sf.: Sfîntul Andreiu, Sânt—Andreiu, Sf. Andreă, Andreiu-de-iarnă, Moș-Andreiu, Indreiu, Indrij, 30.XI. *Sfîntu Andrei ursăști oili să hîie mîncati di lupchi* (Candrea, Densusianu, Sperantia, 271) 'Св. Андрей предназначает овец на съедение волкам'; *În postu lu Crășuin pă la sfîntu N'icolae, la Sîm-Micorj, e Andreiu, Ziua-lupului* (Densusianu, 115) 'В Рождественский пост, незадолго до Св. Николая, празднуется Андрей, День — волка': *La Andr'ej să 'mpărt'e păgubile pă an șa tă ț lupi hăun'e cătă Dumn'ezău ca să le d'za șa lor păstă an șe să mînșe* (Densusianu, 108) 'На Андрея распределяется добыча на год, и все волки воют, обращаясь к Богу, чтобы он наделил их едой на целый год'; *Indreiu ți rău de lupchi, mîncă iorsagu (vitele). Nu lucrăm la lăna. Cheptenii de lănd ți închează și-i pune în pod, pînd la Apăbotează* (Pavelescu, 58–59); 'Индрею опасен со стороны волков, [которые] поедает скотину. Не обрабатываем шерсть. Гребни для шерсти вкладываем друг в друга и прячем на чердак до Крещения. *Le leagă șa în dzua de 'Ndrej. Șt' cu ac nu cos, șa cu fusu nu țarset. Nu lucrăm nimn'ic, fără numaț văruim* (Papahagi, 161) 'Их [ножницы] перевязывают и в день Андрея. И иглой не шьют, и веретеном не прядем. Ничего не делаем, только белим извесью'.

Gădineț, Gădinețul șchiop, Ziua lupului. Середина ноября, в некоторых областях совпадает с днем Св. Андрея, 30.XI; иногда празднуется за две недели до Св. Николая. *Numit și "Gădinețul șchiop" sau "ziua lupului". E ținut de toți ai casei, ca să nu strice lupul oile și caprele* (Mușlea, Bîrlea, 406) 'Зовется также "Гэдинец хромой" или "день волка". Соблюдается всеми домашними, чтобы волк не причинил вреда овцам и козам'. *Găd'inețu je sărbător'ea pe car'e o țin'em iarna, la două săptămîn'ă înaint'e d'e Sfîntu-N'icolae, o țin'em pintru vit'e, să nu le mînșe lupu* (Densusianu, 209) 'Гэдинец — праздник, который мы отмечаем зимой, за две недели до Св. Николая, отмечаем ради скотины, чтобы ее не съел волк'. *Cîn lăsam post d'e Crăcun țin'em trei sărbători pintru lup, să k'iamă Gligor'e, Gurija, Filp; ts trei Găd'in'etă; două să țin laolaltă și pe una o d'espărt'e șa de lucru.* (Densusianu, 213) 'В начале Рождественского поста отмечаем три праздника для волка, они зовутся Глигоре, Гурия, Филипп; это три Гэдинеца; два празднуются вместе, а один отделен от них рабочим днем'.

Găzi di tuōmnă. Шесть дней накануне Св. Николая, когда не работают, чтобы не случилось чего-нибудь со скотиной (Petrovici, 317, примечания). *Găzi di tuōmnă. La Sfintu Nicolăjē, ts trij pi post, trij pi slăstă. Pîntru vîcē, vîed, ca sã nu tînē nimic întra vîcē* (Petrovici, 3) 'На Св. Николая, три дня постных, три — скоромных. Для скотины, чтобы ничего не случилось со скотиной'.

Nicolae, Sf.: Smicoară, Smicoară. 6.XII. *E stăpînul lupilor (confuzie cu Sf. Petru sau Sf. Andrei)* (Mușlea, Bîrlea, 409) 'Хозяин волков (путают со Св. Петром или Св. Андреем?)' *Dzua di Sm-Nicoară, atunče femeile leagă fofarfečile pîntru ca sã nu mîntînče lupk'ii oile* (Paparagi, 161) 'День Св. Николая, — тогда женщины перевязывают ножницы, чтобы не съели волки овец'.

Сочельник, 24.XII. *În sara d'e Crăciun fac apoï ačela, stolnic, ș'apoï ăl pun pã masă ș' sara leagă masa cu lanț; apoï pun stolnicu pã masă ș' pun goz, ș' apoï pun stolnicu pã goz, ș'apoï pã stolnic pun măsoriae. Apoï în dzua d'e Sm-Văstî ȳ in prunči ș'apoï taje cît e o scrișea ș' dau la prunči. Ș' după ačeea taje ș' dau la marhă; apoï după ačeea mîncă oamen'ii dacã rămîn'e. Apoï după ačeea duc lanțu la gražd ș' scot ȳ it'ele d'in gražd, da d'imîneșea, în dzua d'e Sm-Văstî, sã treacă pãstă lanț ȳ it'ele. Apoï masa o leagă, d'ipče sã h'ie legate h'erile d'in pădure, sã n'ajbă put'ere sã mîntînče marhăle ș' oile. Ș' ȳ it'ele trec pãstă lanț, d'ipče sã nu le mîntînče h'iarele* (Paparagi, 163) 'В канун Рождества пекут хлеб, кладут хлеб на стол и вечером перевязывают стол цепью; потом кладут хлеб на стол и кладут навоз, а потом кладут хлеб поверх навоза, и потом накрывают хлеб скатертью. Потом в день Св. Василия приходят дети, тогда отрезают ломти хлеба и раздают детям. А после этого отрезают [хлеб] и дают скотине; потом едят люди, если останется. После этого относят цепь в стойло, выводят скотину из стойла, чтобы утром, в день Св. Василия, скотина перешагнула через цепь. Потом перевязывают [цепью] стол, чтобы связать зверей в лесу, чтобы не было у них сил съесть коров и овец. И скотина переступает через цепь, чтобы не съели ее дикие звери'.

Итак, мы представили здесь довольно полный перечень так называемых "волчьих дней", праздников, отмечаемых и по сей день на всей восточнороманской территории. Собранный фольклорный материал позволил составить календарь этих праздников, дающий представление о силе и высочайшей степени сохранности древней традиции соблюдения "волчьих дней". Значительная часть фактов, касающихся обрядов и запретов в эти "опасные" дни года, осталась за пределами данной работы и должна явиться предметом специального рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Candrea — Candrea I.-A. Folklorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. [Buc.], 1944.

Candrea, Adamescu — Candrea I.-A., Adamescu Gh. Dicționarul enciclopedic ilustrat. Buc., 1931.

Candrea, Densusianu, Sperantia — Candrea I.-A., Densusianu Ov., Sperantia Th.D. Texte din toate părțile locuite de români. Buc., 1906—1907. Vol. I.

Ciașanu — Ciașanu Gh. F. Superstițiile poporului român. Buc., 1914.

Densusianu — Densusianu O. Graiul din Țara Hațegului. Buc., 1915.

Eliade — Eliade M. Les Daces et les loups // Numen, 1959. VI. N 1. P. 15—31.

Gorovei — Gorovei A. Credințe și superstiții ale poporului român. [Buc.], 1915.

Istrătescu — Istrătescu A. Texte populare din județul Prahova // Grai și suflet, 1929. 4.N1.

- Laugier – *Laugier Ch.* Contribuțiuni la etnografia medicală a Olteniei. Craiova.
 Moroianu – *Moroianu E.* Din ținutul Săcelelor // Grai și suflet, 1931. 5. N 1.
 Mușlea, Bîrlea – *Mușlea I., Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Buc., 1970.
 Pamfile – *Pamfile T.* Sărbătorile de vară la Români. Buc., 1910.
 Pamfile. Sărbătorile de toamnă – *Pamfile T.* Sărbătorile la români. Sărbătorile de toamnă și postul Crăciunului. Buc., 1914.
 Papahagi – *Papahagi T.* Graiul și folclorul Maramureșului. Buc., 1925.
 Pavelescu – *Pavelescu Gh.* Cercetări asupra magiei la românii din Munții Apuseni. [Buc], 1945.
 Petrovici – *Petrovici E.* Texte dialectale. Sibiu Leipzig, 1943.
 Petrovici, Moții – *Petrovici E.* Folklor dela Moții din Scărișoara // Anuarul arhivei de folklor, Buc., 1939. Vol. V.
 Răd.-Codin, Mihalache – *Rădulescu-Codin C., Mihalache D.* Sărbătorile poporului cu obiceiurile, credințele și unele tradiții legate de ele. Buc., 1909.
 Voronca – *Niculița-Voronca E.* Datinele și credințele poporului român. Cernaăuți, 1903. Vol. I.
 Толстая – *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А–Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном спекте. М., 1984.

В.Н. ТОПОРОВ

ПОНЯТИЕ ПРЕДЕЛА И ^{Ερω}ς В ПЛАТОНОВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (этимологический аспект)

... ἡ θνητὴ φύσις ζητεῖ κατὰ τὸ δυνατόν αἰεὶ τε εἶναι καὶ ἀθάνατος. δύναται δὲ ταύτῃ μόνον, τῇ γενέσει, ὅτι αἰεὶ καταλείπει ἕτερον νέον ἀντὶ τοῦ παλαιοῦ, ἐπεὶ καὶ ἐν ᾧ ἐν ἑκάστῳ τῶν ζώων ζῆν καλεῖται καὶ εἶναι τὸ αὐτὸ – οἷον ἐκ παιδαρίου ὁ αὐτὸς λέγεται ἕως αὐν πρεσβύτης γέννηται. οὗτος μέντοι οὐδέποτε τὰ αὐτὰ ἔχων ἐν αὐτῷ ὅμως ὁ αὐτὸς καλεῖται, ἀλλὰ νέος αἰεὶ γιγνόμενος, τὰ δὲ ἀπολλύς, ... ἀλλὰ τὰ μὲν γίγνεται, τὰ δὲ ἀπόλλυται.

Plato. Conviv. 207 d-e¹

Toute la suite des hommes, pendant le cours de tant de siècles, doit être considérée comme un même homme qui subsiste toujours. . .

Pascal. Pensées.

Человек, не равный самому себе и непрестанно меняющийся в течение своей жизни, один человек как множество людей и все поколение людей, вся череда человеческих существований как один человек – вот та, данная через ее крайности, общая картина, которая намечена двумя великими мыслителями. Она самым коротким путем приводит к теме двух разных, противоположных пределов, предела вообще, как такового, наконец, к "теневого" по отношению к пределу теме беспредельного как результата выхода за предел. Тема предела, столь важная и в платоновской концепции и деи, пронизывает весь "Пир", сгушаясь в ключевых точках его логической и мифологической схем, но она в нем нигде не выражена эксплицитно, по крайней мере – на языковом уровне, и мы восстанавливаем ее тоже скорее как "тень" другой темы – идеи в ее соотношении с вещью,

пределом становления которой она является. Платон до крайности заостряет тему предела, помещая ее в напряженный и глубоко-интенсивный антропологический контекст (рамку) — человеческого и к тому же связанного с Эросом (любовью-стремлением), понимаемым не как τὸ ἐρώμενον, τὸ ἐραστόν, т.е. объект любви, но как τὸ ἐρώων, любящее начало, субъект любви².

Эта перестановка акцента с "любимого" на "любящее", к которой Диотима привлекает внимание Сократа, прежде чем ввести его в теорию Эроса (а далее и идеи), очень существенна, поскольку она образует начало той логической конструкции, которая позволяет от Эроса прийти к понятию предела. Понимание Эроса как τὸ ἐρώων обозначает не только переход от объектно-ограниченного и овеществляющего к субъектно-разомкнутому и бытийственному, но и отказ от статики в пользу идеи движения, развертывающегося до своего логического конца, предела. Впрочем, и сам Сократ до того, как он переходит к последовательному изложению теории Эроса и идеи прекрасного, видит свою основную задачу (в диалоге с Агафоном) в обосновании двух ключевых предпосылок — Эрос всегда направлен, он во всех случаях предполагает кого-то, любовь к кому-то³, во-первых, и этот кто-то есть именно то, чего недостает вожделему Эросу, во-вторых.

Примерно так и формулируются эти предпосылки в "Пире": ἄλλο τι ἐστὶν δ' Ἐρώς πρῶτον μὲν τιν ὧν, ἔπειτα τοῦτων ὧν αὐτὸν ἐνδεῖα παρ' αὐτῷ ... (200e)⁴. При этом указывается, что недостача вызывает вожделение по необходимости (ἀνάγκη), а не просто как вероятность.

Вожделение, желание (ἐπιθυμία, ср. ἐπι-θυμέω) того, чего нет, но что нужно, сродни голоду⁵, и оно-то определяет устремленность Эроса к цели — к прекрасному телу, прекрасным телам, прекрасным душам, к обладанию вечным благом, к рождению в прекрасном — к бессмертию (206b—207d). При этом и устремленность и цель органически укоренены в Эросе, и в этом смысле их наличие ничего нового не прибавляет к "эросности". Они содержатся в Эросе искони, и язык "Пира", где семантические элементы 'стремление', 'цель' возникают неоднократно, тем не менее, не отличает их от обозначения Эроса (ср. характерный контекст: ἔστιν γάρ, ὃ Σώκρατες, ἔφη, οὐ τοῦ καλοῦ ὃ ἔρως, ὥς οὐ αἶε — Ἀλλὰ τί μὴν; — Τῆς γεννήσεως καὶ τοῦ τόκου ἐν τῷ καλῷ. 206e, где в последней фразе подразумевается τῆς γεννήσεως ὃ ἔρως ... и т.д., т.е. "стремление-любовь" родить в прекрасном).

Целеполагающий Эрос потому и может помочь пройти весь путь от многого к единому, от вещи к идее, что он с самого начала несет в себе образ цели — и не только ближайший или последовательно сменяющихся друг друга все более высоких и более благих целей, но и высшую, крайнюю цель, предел. Собственно, отчасти именно поэтому правы ученики и друзья Сократа, когда они утверждают, что Эрос самый древний, что он двойствен, что он разлит повсюду, что он воплощает стремлению к единству и целостности, что он, наконец, носитель высших свойств. В самом деле, идея каждой из пяти речей об Эросе может быть понята как указание предела, но лишь в одной из сфер. Древнейшее происхождение Эроса, обосновываемое Федром, — не что иное, как обозначение нижнего временного предела, дающего основание и для вытекающих из него других положительных

свойств (ср.: "Итак, я утверждаю, что Эрос — самый древний (. . . *ἡμῖν Ἐρώτα θεῶν καὶ προεβύτατων*)", самый почтенный и самый могущественный из богов . . ." 180b); можно напомнить, что Агафон, последний из пятирх выступивших до Сократа, утверждает противоположное ("Я утверждаю, что он самый молодой из богов (*ἡμῖν ὁ ἥττα τοῦ αὐτὸν εἶναι θεῶν*) и всегда молод" (195c), ср.: *πρωτοῦ μὲν ὁ ἥττα τοῦ θεῶν*. 195a), и хотя он считает, что его утверждение противоречит тезису Федра (*τοῦτο οὐχ ὁμολογῶ*), на самом деле, это указание верхнего временного предела (и, так сказать, "панхронической" юности Эроса) является лишь одним из двух значений временной предельности Эроса вообще, а парадоксальность этих двух, по-видимости, взаимоисключающих свойств, сама есть отсылка к пределу иного типа (см. ниже), неведомому Федру с его односторонним взглядом на Эроса. Уже следующий за Федром Павсаний подчеркнул двойственность Эроса, точнее, разделил его надвое — на Эроса небесного, мужского и духовного и на противоположного ему низменного ("пошлого") Эроса, тем самым сняв грозившую этому началу парадоксальность сочетания в едином носителе двух противоположных черт. Выделив же Эроса небесного и наделив его всеми преимуществами, Павсаний, по сути дела, обозначил Эросом высший аксиологический предел. Отчасти продолжая мысль Павсания, Эриксимах указывает пространственный предел для Эроса — вся природа, все бытие, а противоречивую двойственность Эроса (или его двоякость) делает принципом гармонического сочетания противоположностей, лада и согласия, чем указывается, так сказать, "меризматический", признаковый предел Эроса, вмещающий в себя и в себе удерживающий как некое предельное единство максимально разведенные признаки (в этом отношении конструкция Эриксимаха вполне сродни соответствующим схемам противопоставлений от ионийских философов и пифагорейцев до Аристотеля и его продолжателей). После того, как Эриксимах набросал общую картину единства раздельных и противоположных признаков, Аристофан излагает свой миф об андрогиническом прошлом человека, о наказании андрогинов путем рассечения их на две половины и о страстном желании этих половин к воссоединению. Тем самым вводится идея исконной мировой цельности и ее соответствия в микрокосме — стремления к изначальной целостности человека. Цель этого стремления, его крайняя идея как раз и задают некий телологический предел, который, в свою очередь, определяет путь, указываемый Эросом⁶. Наконец, Агафон, как бы предвидя то, с чего начнет свою речь Сократ⁷, обозначает положительно-предельные или пределоуказующие свойства и действия Эроса, непосредственно подготавливающие к сократовскому синтезу Эроса, учитывающему все частные его пределы и ведущему к раскрытию его подлинной сути уже на несравненно более глубоком уровне.

Одна из наиболее существенных поправок Сократа к предыдущим речам об Эросе, вскрывающая диалектику его природы, положения и пути, касается как раз утверждений Агафона о свойствах Эроса. Ориентированный на бессмертное, вечное, прекрасное, положительно-предельное, он сам не обладает этими свойствами (некоторые уточнения см. ниже). Ссылаясь на рассказ Диотимы, Сократ не раз подчеркивает среднее, промежуточное положение Эроса. Он не прекрасен, но и не безобразен, он не добр, но и не зол: *Μὴ τοῦτον ἀνάγκη εἶναι καλὸν ἢ ὀνείδιον*

εἶναι, μηδὲ δ' μὴ ἀγαθὸν, κακόν. οὕτω δὲ καὶ τὸν Ἑρωτα ἔπειδ' αὐτὸς ὁμολογεῖς μὴ εἶναι ἀγαθὸν μηδὲ καλόν, μηδὲν τι μᾶλλον οἶον δεῦ αὐτὸν αἰσχρὸν καὶ κακόν εἶναι, ἀλλὰ τι μετὰ ξύ, ἔφη, τούτου (202b). Эрос всегда посредине, между: не бог и не смертный, а δαίμων μέγας и как таковой он μετὰ ξύ ἐστι θεοῦ τε καὶ θνητοῦ (202de); не мудр и не невежествен (...σοφίας τε αὐ καὶ ἀμαθίας ἐν μέσῳ ἐστὶν (203 e); ср. отказ причислить Эроса к мудрым [οἱ σοφοί] и невежественным [οἱ ἀμαθεῖς] и помещение его посредине, между ними [μετὰ ξύ τούτων ἀμφοτέρων] (204 b) и т.д.), – и этот перечень антонимических конструкций не ... не ... (μήτε ... μήτε), прилагаемых к Эросу, легко продолжить. Смысл нахождения посредине для таких великих демонов (или гениев) состоит в том, чтобы быть и с т о л к о в а т е л я м и и посредниками (теми, кто переправляет, перевозит, от δια-πορθεύω) между богами и смертными (молитвы и жертвы от людей к богам, наказания и вознаграждения от богов к людям). "Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью"⁸. Актуальная позиция одного из таких δαίμονες – Эроса – характеризуется теми же действиями, которые присущи демиургу при сотворении Вселенной ('заполнять' [пространство] – συμ-πληρόω, 'связывать, соединять' – συν-δέω, ср. σύνδεσμος 'связь', 'соединение', но и 'единство' и т.п.).

Положение посредине, между (ср. архаичную мифопоэтическую концепцию центра) обеспечивает выполнение функции универсального обмена (в частности, и информацией⁹), которым поддерживается, возрастает и проверяется единство Вселенной, связь ее частей. Вклад Сократа (или Диотимы) в теорию Эроса, в частности, и состоит в том преимуществе, которое дается позиции, положению Эроса перед его свойствами. Эта позиция посредине не статична, а динамически ориентирована, направлена, поскольку хозяин ее – Эрос-стремление, устремленность. Направленность же из центра может иметь своей целью, учитывая тем более сказанное об Эросе, только предел (при модели, порожденной круговым движением) или высший предел (при восходящем движении). Дитя двух противоположных начал, Эрос объединяет их в себе (в своей середине), но никак не по принципу нахождения среднеарифметического значения: "По природе своей он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живет и расцветает, ... то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять. Все, что он ни приобретает, идет прахом, отчего Эрос никогда не бывает ни богат, ни беден" (203de). В пределе ("по идее") эти слова нужно понимать не в том смысле, что Эрос то живет, то умирает, а только как то, что он в каждый данный момент и ж и в е т и у м и р а е т одновременно и, как говорили древние мудрецы, "жизнью умирает, смертью живет". Только при таком пресуществлении жизни в смерть и смерти в жизнь можно "пройти" весь путь (снизу или из центра) до предела, соединив смертное с бессмертным, временное и преходящее с вечным и абсолютным (ср., в частности, "Федр"), частичное с целым, вещь с ее идеей, и подойти к проблеме предела и беспредельного (πέρας – ἀπερίω, ср. ἀπείρων, уже у Гомера), трактуемой подробно в "Филебе" и здесь не рассматриваемой¹⁰.

В концепции Эроса, развиваемой в "Пире", он, по сути дела, связан с темой предела. Более того, эта связь остро специфична: Эрос – тот инструмент или, точнее, то выступающее как субъект начало, которое в своем

внутреннем движении достигает предела, тем самым обнаруживая его. Но Эрос связан с темой предела и более сложным образом, если учесть, что Платон для обозначения предела использует слово *πέρας*, неоднократно используемое в "Филебе". Семантическая мотивировка этого слова (как и *πεῖραρ*, дор. *πεῖρας* с тем же значением), заслуживает внимания. Элемент *пер-* восходит к и.-е. **per-* 'через', 'сквозь', 'пере-' и т.п. (Граер., Граев., Adv. и др.), связанному с действием, выражающим такое движение, которое характеризуется достижением известной границы и переступанием ее, проникновением по ту сторону ее (ср. Pokorny I, 810–812: лат. *per*, прусск. *per*, лит. *peĩ*, *per-*, праслав. **per*, **per-* и т.п.); ср. 'проникать', 'прозвать', 'прорываться' (**per-iō*), *περάω* 'проходить', 'проникать', 'переходить', 'переступать' и т.п.; праслав. **perti*: ст.-сл. ПЕРЪ, русск. *переть* (и *парить*), др.-в.-нем. *faran* и т.п. (с этим корнем соотносятся обозначения и более специализированных видов движения — полет, плавание и т.п.). Элемент **per-* в разных языках выступал с различными расширениями, в разных ступенях вокализма и оказывался в основе разных классов слов. Поэтому совокупный материал, относящийся к *per-*, очень обилен и позволяет довольно хорошо представить себе семантический нерв этого элемента. Им является сочетание-столкновение в **per-* двух, казалось бы, противоположных смыслов. Один из них связан с идеей ограничения, сдерживания (потерей эффективности исходного действия или преобразованием его характера). Другой, напротив, отсылает к идее переступания некоей грани, преодолевания ее, выхода за пределы (в этом случае соответствующее действие увенчивается полным успехом). Различия этого типа, отразившиеся в многочисленных антонимах с элементом **per-* (до — после, раньше — позже, близко — далеко, здесь — там, свое — чужое и т.п.), связаны с тем, в каком моменте фиксируется языком развивающееся действие — до точки или грани, кодируемой элементом **per-*, или после нее. В этом отношении антонимический "разброс" слов в указанном случае может быть сопоставлен со сходной антонимической ситуацией, порожденной "предельным" стремлением Эроса. Не менее показательно, что единство действия, выражающего движение к пределу, и самого предела, проявляющееся в кодировании того и другого одним и тем же элементом **per-*, соотносимо с тем единством конечной цели, предела и начального ее образа, предполагаемого стремлением Эроса. Эти особенности вполне объясняют, почему с помощью **per-* обозначаются не только действие, направленное к пределу, и сам предел, но и два "под-пространства" (в широком смысле слова) по обе стороны от предела: **per-* как свое, замкнутое, ограниченное, посягающее (ср. использование этого корня при обозначении поселения, социальной организации, ее имущества, наследства) и **per-* как чужое, разомкнутое, не ограниченное организующей формой, потустороннее¹¹. Предел, порожденный неким сломом движения в данном пункте или, наоборот, вызывающий этот слом, стал важнейшим понятием-категорией социальной организации, юридической теории и практики, религии, философии, науки (ср. математику). Операция установления предела как определения себя, самоопределения (ср. *ὅρος* 'предел' и 'определение', т.е. логическая дефиниция) достаточно рано была институализирована и стала важным элементом социальной жизни и особым ритуалом. Видимо, есть основания реконструировать и.-е. **per-* & **dh₂-*, где **per-* = объект действия. Следы этой формулы

обнаруживаются и в греческом (ср. *πεῖρας ἐπιθεῖν τι* в значении 'положить конец', у Аристотеля и Полибия, *περι-τίθημι* в разных значениях и т.п.; ср. идею установления предела в позднем *δρο-θηοία* при *δρος* 'предел').

Действие установления предела берется под контроль всего коллектива, в частности, и потому, что оно определяет максимальный объем коллективного богатства, полноту блага и гарантирует обилие, долю, счастье, здоровье, зрелость. Подобные семантические элементы обнаруживаются в ряде производных от **per-*, но особенно полно и надежно от корня **por-*, отражающего иной вокализм того же самого элемента. Именно этот вариант особенно существен и для ряда греческих примеров, и для темы Эроса как одного из воплощений предела и устремленности к нему. Прежде всего речь идет об имени отца Эроса — *Πόρος* в платоновском мифе, изложенном в "Пире". Разумеется, этот миф не был создан Платоном на пустом месте. Основная его схема своими корнями уходит в эпоху архаичных мифопоэтических представлений. Она отражается в некоторых важных юридических установлениях, в отдельных языковых элементах, наконец, в известных строках Алкмана и более косвенно может быть подкреплена обильными параллелями из других традиций. В отрывке из Алкмана, где говорится о том, что старейшие из богов Айса и Порос осиливают (овладевают) всех (*κράτῃσεν γὰρ Αἴσα πάντων | καὶ Πόρος ὑεραϊτάτοισιν*...), уже содержатся основные элементы схемы платоновского мифа: два персонажа — мужской и женский, — их преимущество перед всеми богами в древности (ср. Эроса как древнейшего из богов), их всемогущество, вытекающее из необходимости (возможно, симптоматично появление сразу же после приведенных строк мотива тщетности мечтаний о браке с Афродитой, ср. Афродита : Эрос). Мифологическая интуиция на службе философского задания заставила Платона заострить некоторые смыслы, введя их в более мифопоэтически богатые контексты. В частности, Айса и Порос, распределение функций которых можно толковать как отношение между частью (ср. *αἰσα* 'часть', 'участь', 'доля', 'судьба', 'предопределение' — именно как выбор одной данной части¹²) и целым как полностью составляющих его частей, были предельно разведены по принципу в се — н и ч то, Порос — Пеня (вместо Айсы), т.е. Богатство — Бедность, при том, что они оказались соединенными для рождения Эроса (экспликация и трансформация темы Афродиты у Алкмана), совместившего в себе противоположные черты своих родителей, ставшие залогом и импульсом "эротического" стремления. В основе имени Пороса лежит апеллатив *πόρος*, понимаемый как 'богатство', 'обилие', 'доход'; это же слово обозначает и 'путь', 'выход' (из затруднительного положения; ср. выше о **per-*, преодолении, переходе, выходе вовне), 'средство для достижения чего-то' и т.п., где несравненно отчетливее актуализируется связь *πόρος* с **per-*, о семантике которого см. выше. *Πόρος* как богатство соотносится с слав. **pora*, **porьnъ*, **poriti* и т.п., обозначающими обильное время, сезон цветения, силу, здоровье, удачу и т.п. (ср. русск. *порить* 'толстеть', 'увеличиваться', 'помогать' 'удаваться' и т.д.: *опора*, *подпора*), и с именем божества изобилия и плодородия у балтийских славян Поревита (:*Πόρος*), а также с подобными словами в ряде других языков. Внутриязыковые связи *Πόρος* ведут к таким словам, как **πόρω*, *πορεῖν* 'давать', 'предоставлять', 'дарить' с его производными, отсылающими к теме судьбы, сужденности (→ неотвратимости, необходи-

мости, см. выше): *πεπρωμένη* 'судьба' (ср. *μοῖρα*), 'участь', *οἱ πέπρωτο* 'ему было суждено' (Гесиод), *τῇδε ἐν ἡμέρῃ θανέω πέπρωται* 'ей) суждено сегодня умереть' (Еврипид, и т.п.; ср. также усилительную частицу *περ*, в частности 'очень', 'вполне', 'совсем' (близость к пределу или сам предел); см. Chantraine III, 870—871, 884, 928—929.

Но особенно показательна (тем более, что рассказ о Поросе — бесспорно, мифопоэтический текст)¹³ пронизанность этого отрывка темой *пор-*, возникающей в ключевых точках текста и вызывающей игру слов и несомых ими смыслов. Ср. также явные и более скрытые отсылки к имени *Πόρος*, как: *ἡ οὖν Πενία ἐπιβουλεύουσα διὰ τὴν αὐτῆς ἀπορίαν παιδίον ποιήσασθαι ἐκ τοῦ Πόρου* ... (203 b), где *πόρος* 'выход из положения' (←*Πόρος*), но *ἀπορία* 'безвыходное положение' как своего рода внутри-текстовые переводы имен, соответственно *Πόρος* (богатства) и *Πενία* (бедности); или: *...ἀλλὰ τότε μὲν τῆς αὐτῆς ἡμέρας θάλλει τε καὶ ζῇ, ὅταν ἐὺπορῇ σῇ, τότε δὲ ἀποδιήσκει, πάλιν δὲ ἀναβίωσκει διὰ τὴν τοῦ πατρὸς φύσιν, τὸ δὲ πορίεσθαι οὐκ αἰεὶ ὑπεκρεῖ, ὥστε οὔτε ἀπορεῖ* "Ερως τότε οὔτε πλοῦτεῖ..." (203 e), где *пор-*, *εὖ-пор-*: *ἀ-пор-* реализуют противопоставление достатка, богатства, приобретения, с одной стороны, и недостачи, бедности, с другой¹⁴, и предуготовляют дальнейшее развертывание темы *Эроса* в сократовской партии (ср. *ἀπορέω* 'нуждаться', 'недоставать' в связи с мотивом недостачи, необладания как импульса и цели стремления). Во всяком случае конструируемые Платоном комбинации звуков и смыслов в связи с именем *Πόρος* позволяют поставить вопрос о возможной неслучайности совпадения описания характеристик *Эроса*, взятого в аспекте темы предела, и семантической структуры слова для обозначения предела — *πέρας*. Пристрастие Платона к опытам в области "онтологической" этимологии, мифопоэтической по своему типу, с одной стороны, и отчетливая связь элементов цепи *Πόρος—Эрос* — предел, с другой, могли бы в известной мере подкрепить высказанное выше предположение¹⁵.

В другом месте предложен анализ еще одного архаичного обозначения предела — *ῥος*. В связи с идеей "рождения в прекрасном" у Платона как "эросном" заполнении разрыва между вещью и ее пределом, как цепи поколений, уместно сопоставление *ῥος* (< **uor-*) с лув. *warwala-/i-* 'семья, зародыш, потомство' при хет. *uarwalan-* 'семья, потомство' и т.п. Как и в рассмотренных уже случаях, эти примеры проливают дополнительный свет на формирование двух образов предела — статического ("ограничение") и динамического, когда предел обозначается последней стадией развертывающегося движения¹⁶. Вообще, следует заметить, что принципиально новое, внесенное Платоном в учение о пределе, как он рисуется в "эросной" перспективе, состоит в отказе от слишком конкретных, материальных и статических трактовок этого понятия и, наоборот, в подчеркивании в нем связи с общим, идеальным, динамическим — предел как общая идея, постигаемая через последовательно восходящее "эросное" движение. Устремленность *Эроса*, описываемая Платоном, есть своего рода самодвижение. Оно теснейшим образом связано с проблематикой восхождения от частного к общему, от множественного к единичному через последовательное преодоление (снятие пределов) частного и множественного как формы проявления дурной бесконечности и с темой структурирования бытия через раз-

вертывание его смыслов (содержания). На этом пути Платон, несомненно, предвосхищает некоторые идеи учения Прокла в его "Первоосновах теологии".

В заключение снова несколько слов об имени "Ερως, остающемся совершенно не ясным¹⁷ (как и лежащий в его основе глагол *ἐραῖας* 'страстно любить', 'страстно желать', 'вожделеть' и т.п.), но уже в этимологическом аспекте. Собственно говоря, речь идет не об обосновании новой этимологии этого имени, а о конструировании некоего нового "параллельного" смыслового контекста, который в случае, если он выполнит свою функцию, мог бы создать предпосылки для выдвижения и обоснования действительно новых этимологических решений. Но и ограничение только предварительным этапом исследования (поисками нового смыслового контекста) представляет собой трудную и важную задачу, особенно когда речь идет об очень известных именах, отмеченных особой напряженностью содержания персонажей, остающихся, тем не менее, этимологически "темными". Кое-что, возможно, прояснится при ориентации на Эроса, как он изображается, не столько в "классической" традиции, идущей от Гомера и Гесиода, сколько в "периферийных" мифологических источниках, будь то орфики или Платон: и архаичное и инновационное, каждое по-своему, помогают приблизиться к исходной мотивационной сфере.

Учитывая указанные источники, можно выделить ряд существенных черт, относящихся как к генеалогии Эроса, так и к актуальным его характеристикам, и сближающих этот персонаж с одним из Адитьев, конкретно с Арьяманом ведийской мифологии. Придется ограничиться лишь несколькими сопоставлениями, памятуя, что в аналогичной ситуации важнее не степень подобия, близости, а глубина их, отсылающая к общей или подобной типологически исходной ситуации.

Как и Эрос, Адитьи принадлежат к древнейшему слою божеств или даже, точнее, космогонических первоначал. Эрос по происхождению принадлежит к самой ранней стадии творения. У Гесиода он современник Хаоса, Геи и Тартара и образует с ними состав четырех первостихий (Theog. 116–122); по другой версии, он через своих родителей (Эреб и Ночь) происходит от Хаоса (мифография Акусилая). Наконец, согласно орфикам, родимое место "первородленного" и "явленного" (Фанес, Фанет) Эроса — первородные воды¹⁸). Во всех этих случаях обращает на себя внимание связь с хаотическим, близость к состоянию до начала космической организации, до становления "связной" Вселенной. Адитьи и Арьяман в их числе — дети Адити, персонификации некоего исходного состояния Вселенной, характеризующегося отсутствием связи, т.е. организации. *A-diti*, (букв. 'несвязанность' и 'безграничность', понимаемая как отсутствие всякого ограничения, всякого предела из-за того, что установление, измерение, членение и другие космогонические операции еще не существуют, их не к чему приложить в "разверстой" хаосообразной стихии) позже получает партнера, олицетворяющего "связность", "ограниченность", — *Diti* (ср. в "Пире" о великих демонах, которым подобен Эрос, заполняющих пространство так, что все оказывается связанным друг с другом — *ὅτε τὸ πᾶν αὐτὸ αἰτῶ συμβέβησθαι*, 202ε). Если Эрос понимался как одно из первых (и при этом главное) творческих начал, определивших будущее устройство устремленного к высшим целям мира, то и дети Адити — Митра, Варуна,

Бхага, Дакша, Анша, Арьяман — тоже относятся к первому поколению строителей Вселенной¹⁹.

Мотиву рождения "первороджденного" и "явленного" как одной из форм Эроса из *яйца* (*ῥον*)²⁰ соответствует образ восьмого сына Адити — Мартанды, чье имя обозначает "(рожденный, происходящий) из мертвого *яйца*" — *Mārtāṇḍa* (Саяна толкует этот образ как птицу). Мартанда стал прародителем смертных (как Вивасват). Родившись без рук и без ног, он стал *солнцем* (ср. образ крылатого солнца в связи с "птичьей" природой Мартанды). Но и Эрос не только крылат, но и златокрыл (Aristoph. Av. 1738) и златоволос (Anacr. frg. 5)²¹, что указывает на солнечную природу Эроса (ср. мотив солнца, рождающегося из яйца в мировых водах, и Эроса в ипостаси Фанета, т.е. 'сияющего', и произошедшего из космического яйца').

В связи с темой Эроса Платон не раз говорит о качествах, которые не привлекали особого внимания при характеристике самого Эроса, но получают осмысление как весьма важные в контексте Арьямана и Митры. Речь идет о согласии, дружбе, любви, справедливости, гостеприимстве, взаимности, исходящих от Эроса. Преподобной вражды богов и насилия не существовало бы, если бы среди них жил Эрос, и они "жили бы в мире и дружбе, как теперь, когда Эрос ими правит" (... *εἰ Ἐρως ἐν αὐτοῖς ἦν, ἀλλὰ φίλᾳ καὶ εἰρήνῃ, ὥστερ νῦν, ἐξ οὗ Ἐρως τῶν θεῶν βασιλεύει*. 195 с), — говорит Агафон; ср. еще в связи с Эросом: "Ведь тут требуется установить дружбу между самыми враждебными в теле началами и внушить им взаимную любовь" (186d), а также о *γενναία φίλᾳ* (184b). Эрос никого не обижает и его никто не обижает. Он вне насилия и служит ему добровольно. А обоюдное согласие признается справедливым (196с). Как гимн этим качествам Эроса воспринимаются слова Агафона (197 d): "Избавляя нас от отчужденности (*ἀλλοτριότητος*) и призывая к сплоченности (*οἰκείότητος*), он устраивает всякие собрания (*συνόδους*) ... Кротости любитель, грубости гонитель, он приятен богам, неприятен небогам ... лучший наставник, помощник, спаситель и спутник ... самый достойный вожь, за которым должен следовать каждый..." (197de) и т.д.²². Не случайно Эрос свой всюду, он везде устроитель и предводитель — в собраниях, празднествах, хороводах и жертвоприношениях (*ἐν θυσίαισι*), ср. 197 d. Эрос-солнце, обращенный к людям, не может не быть связан и с земным огнем, очагом, хотя бы как руководитель жертвоприношения²³.

Перечисленные здесь качества Эроса, как бы угаданные и домысленные Платоном до своего предела, составляют самую сердцевину и образа Арьямана (иногда в сравнении втягивается и ближайший ему из Адитиев — Митра, воплощенный договор, согласие, дружба, мир, божество солнечной природы, непосредственно связанное и с земным огнем), Арьяман и есть воплощенное гостеприимство и не по необходимости, по договору (как Митра), а по своей природе, органически, без усилий. Такова же и его дружелюбность. Ведийские и авестийские данные подробно свидетельствуют об этой ведущей черте Арьямана, о его функциях покровителя дома, семьи, племени (ср. *arya*, *aīrya* как самоназвание арийских племен), руководителя жертвоприношения, бога домашнего огня²⁴, наконец, самого небес-

ного огня — Солнца ("Арьяман, воистину, этот Адитья", — неоднократно сообщают тексты, а Адитья в данном случае, как показано П. Тиме, и есть солнце). Говорить подробное об этих характеристиках Арьямана нет смысла, поскольку о нем, как и о других Адитьях, много писалось в последнее время (Людерс, Тиме, Ломмель, Дюмезиль, Гонда, Кейпер, Гершевич и др.).²⁵ Но о двух вещах напомнить необходимо — о лежащем в основе имени Арьямана, как и самоназвания ариев, слове *arí-*, семантика которого была также исследована Тиме²⁶, и о явной тенденции порвать с попытками традиционного объяснения этого слова из и.-евр. **al-i-* (ср. лат. *alius* 'другой') и исходить из форм типа **ario-*, Рокоту I, 67 и др., или **eri-*. Интересно, что и греч *ἄρῖασι*, *Ἐρως* и др.-инд. *arí-* независимо друг от друга были сопоставлены с греческой усилительной частицей *ἀρι-*, *ἐρι-*. Имеющиеся возражения отчасти повисают в воздухе, поскольку они не предполагают той семантической ситуации, которая могла породить эти сопоставляемые друг с другом формы. Платоновский Эрос, возможно, приоткрывает эту ситуацию и побуждает допускать неслучайность тех последних сопоставлений, которыми заканчивается эта статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "...смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достижение этого она может только одним путем — порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого; ведь даже за то время, покада о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой — человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом — оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя... всегда что-то появляется, а что-то утрачивается" (Платон, Пир // Платон. Соч.: в 3-х т. М., 1970. Т. 2. С. 138–139).

² Ср.: ...φύτης δέ, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ τεκμαίρομένη ἐξ ὧν οὐ λέγεις, τὸ ἐρώμενον "Ερωτα ἐῖναι, οὐ τὸ ἐρῶν ... τὸ δὲ γε ἔρῶν ἄλλην ἰδέαν τοιαύτην ἔχον, ὅταν ἐγὼ διήλθον. Conviv. 204 с. Иной внешний вид (*ἰδέα*) субъекта любви по сравнению с объектом любви отсылает в конечном счете к идее (*ἰδέα*) и, по сути дела, через предельную стадию становления Эроса в его субъекте — *ἔρῶν*, и в языковом плане, поскольку тождество форм (*ἰδέα*) скрывает фактический разрыв (как, впрочем, и связь) между вещью, как она видится (ср. *ἰδέω*: **ēdō*) непредвзято и неумудренному эмпирическому взгляду, и вещью в ее предельной сути, в ее идее.

³ К сожалению, по необходимости при изложении содержания идей "Пира" приходится пользоваться не вполне удачным метаязыком в виде существующих переводов. Недостаток этого метаязыка — в его разрыве с языковой формой греческого текста. Всегда нужно помнить о ненужном удвоении слов и сути дела не вызванном разнобразии. Ср. только два примера, касающиеся ключевых для "Пира" понятий. Первый — "Есть ли Эрот любовь к кому-нибудь или нет?" вместо *ἔρωσις ἐστὶν οὐδενὸς ἢ τῶς* (199 е). Второй — при объяснении свойств Эроса, сына Пороса (Πόρος) и Пеннии (Πενία), Богатства и Бедности: "...ведь отец у него мудр и богат, а мать не обладает ни мудростью, ни богатством" вместо *πατὴρ δὲ μὲν γὰρ σοφὸς ἐστὶ καὶ εὐπόρος, μητὴρ δὲ οὐ σοφὴς καὶ ἀπόρος* (204b), где *εὐ-пор-* и *ἀ-пор-* отсылают, во-первых, своей формой к имени отца Эроса Πόρος; во-вторых, своим значением соответственно к богатому Поросу и бедной Пеннии; в-третьих, возможно, к *εὐ-πορος* и *ἀπορος* (с передвижением акцента), соответственно 'легко и трудно-проходимый', в связи с той идеей движения, пути, которая внутренне укоренена в Эросе в силу предельной разведенности потенций его родителей — Пороса и Пеннии. В данном случае при обращении к диалектным ресурсам можно было бы говорить о *порном* (ср. **sʰ-por-ynā*) отце Эроса Πόρος 'е и *непорной* его матери (**ne-por-ynā*), ср. *πορνός* 'богатый', 'обильный', 'зрелый', 'хороший', *непорный*, с противоположными значениями. Но, отвлекаясь от этого "счастливого" случая, переводы текстов такой смысловой напряженности, как у Платона, конечно, нуждаются в не-

сравненно большей ориентации на то, что лишь условно может быть названо "языковой формой".

⁴ Истоки этой концепции обнаруживаются уже в "Лисисе", о чем, в частности, см. Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916, 60.

⁵ К связи вождения и голода в языковом плане ср., например, обозначение голода и жажды как *ἐπιθυμία σίτου* и *ἐπιθυμία ὕδατος*. Тема голода в связи с желанием возникает в "Пире" в речи Аристофана, в частности в рассказе о том, как рассеченные половины людей, страстно желая срастись, умирали от голода, потому что ничего не хотели делать порознь (...*ἐπιθυμοῦντες συμφύειν, ἀπέθνησκον ὑπὸ λιμοῦ*... 191a). Но этому бессмысленному и гибельному голоду противостоит творческий голод, а неудовлетворенному и к тому же косному желанию восстановить прошлое – желание, исполненное смысла, имеющее цель и направленное в будущее. Эрос-желание обладает космической функцией и помещается в самом начале творческого процесса (особенно у орфиков, где он – *Πρωτόγονος*, перворожденный). Творение связывается с желанием и голодом и в ведийской традиции. Ср.: *k ā t a s tād āgre sāt avaratata* 'желание охватило его вначале' (RV X, 129, 4; ср. позже образ бога любви *Kāma* с теми же атрибутами, что и Эрот) или типичную концепцию творения периода Упанишад: "Вначале здесь не было ничего. [Все] это было окутано смертью или голодом, ибо голод – это смерть. Он пожелал: "Пусть я стану воплощенным..." Он пожелал: "Пусть второе тело родится от меня"... Все, что он произвел, он решил пожрать. Поистине, он поедает все..." (Брихадар.–Упан. Мадху, II, 15 и др.; ср.: "[Атман] подверг этого [пурушу] голоду и жажде..." Айтар.-Упан. I, 1–2). Другие варианты творения связаны с желанием воплощения с помощью соития с самим собой, что в конечном счете отсылает к теме андрогинизма, столь обстоятельно изложенной в "Пире" как раз в рассказе Аристофана.

⁶ Ср.: ...ὥς δ' Ἐρως ἦν ἡγεμὼν καὶ σπαρτήγος (193b) или – дальше – идею правильного пути в связи с Эросом: δεῖ γάρ, ἔφη, τὸν ὀρθῶς ἔοντα ἐπὶ τοῦτο τὸ πρᾶγμα ἄρχεσθαι... (210a).

⁷ Ср.: "Ты показал в своей речи поистине прекрасный пример, дорогой Агафон, когда говорил, что прежде надо сказать о самом Эросе и его свойствах, а потом уже о его делах" (...*ὅτι πρῶτον μὲν δεῖο αὐτὸν ἐπιθεῖν αἰτιολογίας τίς ἐστιν ὁ Ἐρως, ὕστερον δὲ τὰ ἔργα αὐτοῦ*. 199c) и несколько дальше об этом рассказе Агафона – 199d (*καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς*).

⁸ Ср.: Ἐρμηνεύον καὶ διαπορθμεύον θεοὺς τὰ παρ' ἀνθρώπων καὶ ἀνθρώπους τὰ παρὰ θεῶν, τῶν μὲν τὰς δεήσεις καὶ θυσίας, τῶν δὲ τὰς ἐπιτάξεις τε καὶ ἀμοιβὰς τῶν θυσίων, ἐν μέσῳ δὲ ὅν ἀμφοτέρωσιν συμπληροῖ ὥστε τὸ πᾶν αὐτὸ αὐτῷ συνδεέσθαι (202e).

⁹ Цитата из Паскаля в эпиграфе к этой статье обрывается на том месте, за которым следует слова "et apprend continuellement". Человечество постоянно учится, и это обеспечивает ему то единство, когда оно может быть приравнено к одному у человеку. Этот мотив соотносится как со связующе-объединяющей, так и с учительной функцией Эроса в "Пире". Как истолкователь и посредник между богами и людьми (202e), Эрос выступает учителем и учеником одновременно. В этом случае он тоже посредине – между богами и смертными, между самым знанием и еще не овладевшими им людьми (ср. характерный фрагмент о среднем между мудростью и невежеством: *ἢ οὐκ ἦσθησαι ὅτι ἐστι τι μετὰ τὴν σοφίαν καὶ ἀμαθίαν*. 202a). Таким соотвествием великому демону Эросу, по сути дела, является и Сократ, посредник между мудрой Диотимой (ее ученик) и не обладающими мудростью, но стремящимися к ней своими друзьями (их учитель).

¹⁰ Об этой проблеме см.: Bury R.G. The Philebus of Plato. Cambridge, 1897; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, 254–274 (предел как принцип устойчивости, ограниченности формой и беспредельное как непрерывное становление); Он же. Комментарии. Филеб // Платон. Сочинения в трех томах. М., 1971. Т. 3, ч. 1, 563–572, 574) и др. Ср. определение понятия предела у Аристотеля: "Пределом (*περας*) называется граница (*τὸ ἔσχατον*) каждой вещи, т.е. то первое, в которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части" (Metaph. 1022a; ср. также 987a, 1002b, 1021b, 1055a, а также Phys. 251–252b; Anim. 416a и др.). В связи с ролью пространствен-

ных категорий для формирования абстрактных понятий специально о *пéρας* см. в кн.: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 2. Das mythische Denken. Berlin, 1925, 129 и др.

¹¹ Фиксация соотношения этих двух "под-пространств" (**per-* — "внутреннее" и **per-* — "внешнее") sub specie движения лежит в основе таких случаев, как *порос* 'переправа', 'перевоз', 'путь', 'дорога', 'выход' и т.п.

¹² Слово *αἶσα* имеет и значение 'предел жизни', 'век' (ср. у Гомера *ἐπεὶ νύ τοι αἶσα μῦνυα περ*). Здесь существен сам мотив предела и то, что предел жизни, век тоже понимаются как часть, выделенная Судьбой. Фразеология этого слова характерна своей формульностью, предполагающей глубокую архаику. Ср., напр., *Διὸς αἶσα*, 'по велению Зевса', *ὑπὲρ αἶσαν* 'вопреки судьбе', *ἐν αἶσᾳ* 'по воле судьбы', *ἔκασα οἱ αἶσα γενομένη ἐπένησε λῶν* 'то, что судьба спряла ему из льна при рождении' и т.п. О *Поросе* см.: Palmer L.R. The Indo-European Origins of Greek Justice // Transactions of the Philological Society, 1950. P. 165. f., ср.: RE. Neue Bearbeitung. 43. Halbband. Stuttgart, 1953. S. 270—271; Reinhardt K. Platons Mythen. Bonn, 1927.

¹³ Как бесспорно поэтический текст, строится и отрывок из речи поэта Агафона (197 de), заслуживающий соответствующего анализа.

¹⁴ В эту игру смыслов и звуков нередко включается и *Ἔρως* (: *пор-*, ср. *пéρας*, *пéρατος*: *Ἔρως*, *Ἐρώτος* и т.п.).

¹⁵ Ср. в "Филебе": *...πéρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς σὺμφυτον ἔχοντων* (16 с); *...τὸ μὲν ἀπειρον, τὸ δὲ πéρας ἔχον ... τὸ ἀπειρον...πείρασομαι ... τὸ δὲ πéρας ἔχον ἡμᾶς περριενέτω... πέρι πρῶτον βρα πéρας ... ἔωσπερ... (24а); ... ἀπειροῖς ...πéρας τε ἀπὴρ γάλατο...των τε ἀπειρων καὶ τῶν πéρας ... (26 ab); ... ἀπειρον καὶ πéρας ... ἀρμονίαν* (31 с), а также 25 b, d, 26 d, 27 b; d, 30 а, с.

¹⁶ Мотив постепенного перехода, перетекания, обеспечивающего преемственность, теневым образом присутствует в Conviv. 207 de, где говорится о перерастании—переплетении старого и нового. Идея ступенчатого восхождения (*ἡσπερ ἐναβασιμός*. 211 с, ср. *ἐναβασιμός* 'ступень' у Платона) формулируется в другом очень важном месте "Пира": "...начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх от... к..., пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это — прекрасное" (211 cd).

¹⁷ Ср.: "Ohne Etymologie. Unbefriedigende Hypothesen bei Bq. s.v." Frisk I, 547); "Et.: Inconnue" (Chantraine I, 364). Ср. также рассуждения Сократа об этимологической связи имени Эрос и слова для обозначения героя (Crat. 398 се).

¹⁸ См.: Orphicorum fragmenta, coll. O. Kern. Berolini, 1922; Kirk G.S., Raven J.E. The Presocratic Philosophers. A Critical History ... Cambridge, 1957. P. 37, f.

¹⁹ Бхага и Аниша (букв. 'часть', 'участь', 'доля' — 'судьба'), дети Адити, могут быть соотнесены с Айсой из стихотворения Алкмана, чье имя значит то же. Учитывая структуру двух пар, в которых появляется имя отца Эроса (Порос — Пения и Порос — Айса), Айса — доля, участь, судьба — в известном смысле эквивалентна матери Эроса.

²⁰ Ср.: мотив сотворения Великим Хроносом в эфире серебряного яйца (Orpf. Rhaps. frg. 70: Damascius).

²¹ См.: Lasserre F. La figure d'Eros dans la poésie grecque. P., 1946; Strobel W. Eros. Versuch einer Geschichte seiner bildlichen Darstellung. B., 1952; ср. также: Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1951. Bd 1. 32, 648.

²² Однажды (193 а), как бы случайно, в сравнении Платон говорит о значках взаимного гостеприимства (*ἡσται*). Об отношении *έρως* и *φιλία* см.: Fischer E. Amor und Eros. Hildesheim, 1973. 12—13.

²³ В этом отношении очень важны слова Сократа об огне, о связи конкретного огня с вселенским огнем, и все это в связи с темой лада, гармонии (Phileb. 29bc).

²⁴ Ср.: *tvaṁ agne... tvaṁ arya mā bhavasi...* (RV II, 1, 4) 'Ты, огонь, ...ты становишься Арьяманом...' или *ar ya ma ṇa m... nu devaṁ kanyā ag n i m ayakṣata.* (Áśv. G.S. I, 7, 13) 'Вот девы почтили огонь как бога Арьямана' и др.

²⁵ Ср. прежде всего: Thieme P. Mitra and Aryaman. Nev Haven, 1957.

²⁶ См.: Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte: *Ari, Arya, Aryaman and Arya*. Leipzig, 1938. Последнюю, итоговую, сводку мнений по этому вопросу см.: Cohen G.L. Arya // The J. of Indo-European Studies, 1981.

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

*KANK-UTA- 'A GRUIBUS FUGATOS/PULSOS'

В ольвийском декрете в честь Протогена (III—II вв. до н.э.) в поле зрения истории попадает в первый (и единственный) раз название местности Канкит: *εἰς Κάγκυτον* 'в Канкит', вин. ед. (им.: *Κάγκυτος? *Κάγκυτον?). Комментаторы локализовали Канкит на левом берегу Ю.Буга или — что, как увидим далее, гораздо более приемлемо, — в районе нижнеднепровских плавней и течения реки Конки, вплоть до интуитивного этимологического отождествления названия последней и Канкита¹. На этом наука, казалось, поставила точку — временно, а быть может, и навсегда, ввиду отсутствия новых фактов. Однако такие факты существовали, оставаясь до времени в стороне от поисков, и с их вводом кажется возможным продолжить историю Канкита в обоих направлениях — в древность и в современность.

Во времена Протогена городу Ольвии грозили различные внешние враги и вообще — сильные соседи; одним из них (как рассказывает названный декрет) был царь племени саев Сайтафарн, который явился в упомянутый Канкит с требованием "даров за проход". Ниже в благодарственном декрете Протогену говорится, что Сайтафарн пришел с очередным требованием "на другую сторону (реки)" — *εἰς τὸ πέρας*. Мы склонны вместе со старыми исследователями считать, что Канкит и то место "за рекой" означают одно и то же². На этом информативность данного документа почти кончается, и лишь несколько столетий спустя всплывают родственные сведения, обрывочные и затемненные со стороны формы, но весьма познавательные со стороны контекста употребления и открывающие пути к пониманию апеллятивного значения интересующего нас слова. Необходимость увязки форм, отстоящих друг от друга на века, в целях получения более надежного представления имеет для нас методологический интерес. Речь идет о свидетельстве Плиния и даже в первую очередь — послеплиниевского комментатора и компилятора Солина: *in parte, quam Aroteres Scythae tenuerunt, celebrant quondam urbem Geraniam (Cacython *vocant barbari), unde a gruibus Pygmaeos ferunt pulsos*. — *вар.: *Cathyzon, Cathizon*³. 'В части, которой владели скифы-пахари, упоминают иногда город Геранию (варвары называют <его> Какитон), откуда, рассказывают, пигмеи были изгнаны журавлями'. Сразу оговорим свою эмендацию текста Солина, поскольку мы ввели в основную текст форму названия *Cacython*, представляющуюся нам наиболее авторитетной (почему — должно стать ясным из наших рассуждений), а не *Cathizon*, как у издателя Т.Моммзена, дающего формы *Cathyzon, Cacython* как варианты рукописей. Значение свидетельства Солина делается особенно очевидным, когда мы обратимся к соответствующему месту Плиния: *totum eum tractum Scythae Aroteres cognominati tenere. eorum oppida Aphrodisias, Libistos, Zygere, Rhocobae, Eumenia, Parthenopolis, Gerania, ubi Pygmaeorum gens fuisse proditur; Catizos barbari vocabant, creduntque a gruibus fugatos*⁴ ' всю эту полосу имели в своем владении <так> называемые скифы-пахари. Их поселения: Афродисий, Либист, Зигере, Рокобы, Евмения, Парфенополь, Герания, где, как говорят, было племя пигмеев; варвары называли <Геранию> Катиз(ы) и полагают, что

«пигмеи» были изгнаны журавлями». Оказывается, что предшествующий Солину Плиний располагал более испорченными формами нашего названия, во всяком случае в известных ныне рукописях Плиния, кроме упомянутого *Catizos*, имеются только варианты *Gat-*, *Gatt-*, *Caticos*, *Cattuzos*. Последняя форма обрела определенную популярность, но она вторична, как вторично и ее отнесение к Фракии в античной традиции, ср. например в географическом словаре Стефана Византийского: *Κάττουσα, πόλις Θράκης, ἐν ᾗ κατῴκουν οἱ Πυγμαῖοι...*⁵ 'Каттуза, город Фракии, в котором жили пигмеи'.

Здесь нам придется очень кратко остановиться на мифе о битве журавлей с пигмеями или карликами, который нас интересует лишь постольку, поскольку он оказывается приуроченным к обследуемому нами району и названию, а подробнее традиция о журавлях и пигмеях исследована другими, на труды которых мы опираемся (естественно, с необходимыми, как нам кажется, поправками). Специально занимался этим сюжетом Дж.Греппин, который отметил наличие повествования о битве журавлей с народом маленького роста в пяти индоевропейских литературах — греческой, латинской, санскритской, среднеперсидской и древнеармянской⁶. Правда, самостоятельность всех этих различных упоминаний маловероятна. Первым упоминанием Греппин считает рассказ о журавлях, враждебных пигмеям, в "Илиаде" (3.6). Латинские авторы, по Греппину, пересказывают Гомера, что, по-видимому, справедливо относительно Ювенала, называющего журавля "фракийской птицей", и значительно менее справедливо о Солине (Греппин разбирает уже известный нам отрывок с уникальными подробностями, но они не привлекли его внимания). Древнеармянская традиция (Моисей Хоренский) помещала пигмеев в Индии (обнаруживая возможную зависимость от индийской традиции). Среднеперсидская версия, по мнению Греппина, близка к гомеровской, греческой. Наконец, в индийской версии варваров-неарийцев поражает птица Гаруда. Греппин считает, что др.-инд. *garuḍa-* связано "прозрачным" родством с греч. *γέρανος* и прочими названиями журавля от и.-е. **ger-*, однако его этимология оставляет без объяснения компонент *-uḍa-* в индийском слове (суффикс?), а вражда птицы Гаруды и змей, правильно выделяемая также этим автором, подсказывает возможность выводить др.-инд. *gar-* < и.-е. **g^her-* 'пожирать', отдаляя тем самым его от и.-е. **ger-* в названиях журавля (возможное звукоподражание). Вообще, строго говоря, ни иранские, ни индийские (индоарийские) соответствия и.-е. **ger(a)nos* 'журавль' неизвестны; не исключено, что их не было совсем. Ниже коснемся вопроса особого индоарийского названия, как и проблемы отражения и.-е. **ger(a)nos* в Северном Причерноморье. Наша интерпретация *Gar-uḍa-* как сложения 'пожиратель водяного (зверя)' и попытка увязать это название с названием грифа, полузверя-полуптицы, миф о котором приурочен с древности к Северному Причерноморью, была уже опубликована ранее⁷. К сожалению, Греппин в своей интересной статье совсем не ставит вопроса о первоначальной локализации сюжета о журавлях и пигмеях (иначе — змеях, иноплемениках), тогда как реконструкция здесь сулит определенные перспективы и в целом возможна. Он отмечает, правда, стремление помещать карликов, враждебных журавлям, на краю света, но важнее отметить другое: в Индию этот сюжет индоарии принесли с собой из прежних мест обита-

ния. Здесь самый подходящий момент вернуться к реликтам ономастики Северного Причерноморья.

Только в Северном Причерноморье, в земле скифов-пахарей нам известен, помимо легенды, еще и город под названием *urbs, oppidum Geranipia*. Зависимость латинских авторов и прежде всего — Плиния — от греческих источников, подчас до нас не дошедших, не нужно доказывать. Это видно и из записи соответствующей ономастики, которая представляет собой латинскую транслитерацию греческих форм, как например *Gerania*, передача греч. (ῥ) *Γερανίη (πόλις)*, прилаг. 'Журавлиный (город)'. Таким же путем — латинскими буквами с греческих оригиналов — транслитерировались и названия, которые греческими уже не являлись, но восходили, по-видимому, к иноязычным, туземным формам. Нас здесь интересует *Cacythony* Юлия Солина (см. выше), реальность которого подтверждает практически тождественная и более исправная запись *Κάκυτον* в более древнем греческом тексте декрета в честь Протогена. И *Cacythony*, и *Κάκυτον* территориально принадлежат к причерноморской земле скифов-пахарей, и мы вправе считать реальным допущение, что они не только представляют собой этимологически одно и то же название, но и обозначали одно и то же место на земле. Внимательное чтение текста убеждает, что слово *Cacythony* употреблено не произвольно, но в смысле словом ряду, который был еще понятен во времена греческих источников и информаторов Плиния (Солина) и даже сейчас доступен для прочтения. Ряд этот начинается греческим названием города *Gerania*, за которым следует его туземный эквивалент *Cacythony* (C. vocant barbari. Jul. Sol.). То, что следует за этим (unde a gruibus Pygmaeos ferunt pulsos. Jul. Sol; creduntque a gruibus fugatos. Plin.), является не одним только упоминанием мифа, констатацией чего довольствовались прежние исследователи, но содержит семантическую кальку, криптоглоссу предшествующего туземного названия.

Этот случай (кстати, по нашим разысканиям, далеко не единственный случай скрытых глосс туземной северопонтийской ономастики у Плиния) интересен тем, что при этом этимологическим путем вскрывается большая семантическая содержательность туземного слова *Cacythony*, чем его греческой передачи в *Gerania*. В связи со сказанным мы понимаем *Cacythony* (*Κάκυτον*) как **kank-uta-*, сложение слов, этимологически тождественных др.-инд. *kañká-* м.р. 'цапля'⁸, и др.-инд. *ūta-*, прич. прош. страд. от *av-*, *ávati* 'гнать'⁹. Др.-инд. название цапли не имеет иранских соответствий, так как близкое белудж. *kang* 'цапля, журавль', по-видимому, заимствовано из сопредельных новых индоарийских языков. Объясняют как "чистую ономаптоею, звукоподражание", как и близкое дравидское название цапли и журавля, не допуская для последнего (ввиду продуктивности) мысли о заимствовании из древнеиндийского¹⁰. Возможна, конечно, и другая этимология древнеиндийского слова — из экспрессивного и.-е. **ka(n)k-/ *ka(n)k-* 'скакать', ср. и др.-инд. *kañk-* 'ходить, идти', принимая во внимание длинноноготь этих птиц и даже своеобразные пляски (особенно журавлей). Думается, что наша этимология топонима *Κάκυτον* (а также — в связи с ним — гидронима *Конка*) в Нижнем Поднепровье небезразлична для суждений о дравидских названиях, поскольку теперь очевиднее, что индоарийцы пришли в Индию, уже имея слово *kañka-*. Названия цапли в разных языках происходят либо от обозначения ее резкого крика, как обычно

объясняют нем. *Reiher* (и родственные), либо от особой манеры передвигаться на высоких ногах, как слав. *čarja — *čapati. Вообще экспрессивность и более поздний, местный характер названий цапли в индоевропейских языках, при отсутствии сколько-нибудь общего ее названия, обращает на себя внимание, в отличие от названий журавля. Последние отличаются большей древностью, в качестве индоевропейских (диалектных) названий журавля можно указать **ger(a)nos*, *gornjos, *gerōnos, *gerūs (с вариантами). Для нас здесь важно отметить, что в ряде языков названия для журавля и цапли совпадали, смешивались и что древние индоевропейцы, скорее всего, строго не различали этих птиц. На этом основании мы толкуем реконструированное выше субстратное севернопричерноморское выражение **kank-uta-* как 'изгнанные журавли', опираясь на глоссирующие контексты *agruibus pulsos*; *agruibus fugatos* (выше). К преимущественно индоарийской (а не вообще индоиранской или, скажем, только иранской) характеристике имени **kanka-* примыкает и соответствующая особенность употребления глагольной формы **uta-*, прич. прош. страд. от глагола *av-* только в значении 'гнать', а, скажем, не в тех значениях, для которых прослеживаются иранские (авест.) соответствия ('способствовать, благоприятствовать')¹¹.

Таким образом, наша гипотеза об индоарийском происхождении топонима *Κάκυτον* / *Cacython* представляется довольно обоснованной лингвистически, географически и исторически. К лингвистической характеристике можно добавить, что топоним, как это бывает, восходит, видимо, к этническому обозначению, прозвищу, т.е. форме, потенциально плюральной типа **kank-utā-* 'изгнанные журавлями', что лучше соответствует и семантике слова, и семантике мифа. Географически местность **kank-uta-* располагалась, по-видимому, за Днестром, в левобережной части Нижнего Поднепровья. Главный днепровский приток этой плавневой зоны — река Конка, название которой мы отождествляем с местным индоарийским названием птицы **kanka-* и др.-инд. *kañkā-* 'цапля' (выше). И это не должно удивлять, потому что с древних времен эти места известны как страна журавлей и цапель. Так, в схолиях к победным одам Пиндара упоминается "так называемый Белый берег на Евксинском Понте (NB: др.-русс. *Бѣлобережье* в устье Днепра! — *О.Т.*), на котором множество цапель (*πλείστα ἐρωδιῶ*), виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям"¹². Аристотель знал о том, что журавли "из скифских равнин" улетают на зиму в болота выше Египта¹³. Плавневый характер Нижнего Поднепровья наложил отпечаток на местную номенклатуру так же, как и давно интересующая нас индоарийская принадлежность этноса этой так называемой Древней Скифии, иногда совмещаясь в одном слове, ср. реконструируемое нами также и для этих мест название *dand-aria 'к а м ы ш о в ы е арий' и его след в названии Гендры у Днестро-Бутского лимана.

Загадочный Канкит, уцелевший почти чудом в одной-двух записях, успел нам рассказать, как видим, довольно много, и будущее еще покажет, в какую этноисторическую связь должны мы поставить его свидетельства, столь созвучные другим отголоскам этнического раздела, доходящим до нас из этих мест в древности. В отличие от забытого Канкита, этимологически родственное ему название реки *Конка* (иные объяснения этого гидронима, например из тюркского, менее вероятны) сохранилось по сей день

почти невредимым, как это случается в пограничных этнолингвистических зонах. Со стороны внутренней формы дух преемственности названия живет и в таком, например, названии здешнего населенного пункта, как *Чаплинка*, в нынешней Херсонской области, между Нижним Днестром и Каркинитским заливом, к северо-востоку от Каланчака.

Но эпизод с Канкитом и его индоарийской этимологией на этом не кончается, поскольку нельзя не сказать еще об одной перспективе, которую открывает его этимология, предложенная нами выше. Реконструкция индоарийских названий **kanka-* 'журавль, цапля' и **kank-uta-* 'изгнанные журавлями', как кажется, неожиданно проясняет принадлежность и происхождение геродотовского *Γέρρος*, *Γέρροι*, названия района по реке Конка, не выше днепровских порогов и, возможно, одного из названий самой реки Конка. Попытка М.Фасмера в свое время увязать *Γέρρος* и иран. *garah-* 'жерло' любопытным образом не учитывает ярко неиранского (и вообще неиндоиранского) фонетического облика геродотовского названия, что вряд ли объяснимо, скажем, гречизацией скифской формы. Очевидное сохранение индоевропейского *e* и отсутствие переходного смягчения заднеязычного в позиции перед передним гласным уже априори сигнализируют, что мы имеем дело тут с неиранским названием, как бы вопиюще это ни противоречило скифскому обычаю хоронить своих царей именно в Геррах. Настойчивость журавлиной темы (выше) подсказывает конкретное решение, а именно: *Γέρρος* — это первоначально киммерийское **gerr-* 'журавль' < и.-е. **ger(a)no-*, с чертами эволюции языка фракийского типа (античная традиция фракийской принадлежности киммерийцев еще никем не опровергнута!) с сохранением и.-е. *e* и албанским переходом *m* > *rr* (эту геминацию иранская этимология тоже не объясняет). Для тех, кто почему-либо не считается с реальностью "палеобалканской топонимии к востоку от Карпат", потребуется специально напомнить о стойкой античной традиции двух очагов пребывания киммерийцев, т.е., помимо Боспора, еще в Северо-Западном Причерноморье. Сосуществование **gerr-*, **kanka-*, **kank-uta-* на небольшой территории приобретает в наших глазах смысл киммерийско-индоарийской встречи, что само по себе заслуживало бы внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Болтенко М.Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена // СА, 1958, XXVIII. С. 107 и сл.

² IOSPE, v. I. P. 41.

³ C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium. Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1864, P. 76—77. Цитату предоставила в мое распоряжение И.В.Шталь, за что выражаю ей благодарность.

⁴ C. Plini Secundi Naturalis historia IV. 44: Ed. C. Mayhoff. Stutgardiae, MCMLXVII.

⁵ Stephani Byzantii Ἑθνικὸν quae supersunt. Ed. A. Westermann. Lipsiae, 1839, s.v. — Этой ссылкой я также обязан И.В.Шталю.

⁶ Greppin J.A.C. Skt. *Garuḍa*, Gk. γέρας: the battle of the cranes // The Journal of Indo-European Studies, 1976, 4, N 3. P. 233 sq.

⁷ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ 1981, № 2. С. 18—19.

⁸ Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Teil II. S. Pb. 1879, s. 3; Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1964. P. 242.

⁹ Böhtlingk O. Op. cit., Teil I. S. 119—120; Monier-Williams M. Op. cit. P. 96.

¹⁰ Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg, 1956. Bd. 1. S. 137.

¹¹ Ср.: Ibid. S. 57.

¹² Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 332.

¹³ Там же. С. 377.

Т.В. ЦИВЬЯН

МОТИВ СУДА/СПОРА ЦВЕТОВ В БАЛКАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И "ОДОРИСТИЧЕСКИЙ КОД" В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

"И у лирики есть свои тайны", — писал известный румынский фольклорист Т. Папахаджи в затруднении перед интерпретацией распространенного мотива, по традиции относимого к лирическому жанру¹.

Cîte flori-s pre pămînt,	'Сколько цветов на земле,
Toate merg la jurămînt.	Все идут присягать.
Numai floarea soarelui	Только подсолнечник
Sta în poarta raiului	Сидит у двери рая,
Să judece florile	Чтобы судить цветы
Că şi-au pierit miroasele ² .	За то, что они загубили свой запах'.

Приведенный текст — как бы экстракт многочисленных вариантов. В месте подсолнечника (*floarea soarelui* 'цветок солнца', *sora soarelui* 'сестра солнца') может выступать, например, лилия, в месте с ним — пшеничный колос, виноградная лоза, полынь и др. Потерянный запах цветы должны были отдавать "всем девушкам". В свое оправдание цветы объясняют, как они потеряли запах: обычно его уносит ветер. В варианте, приведенном Н. Денсушяну, дождь с ветром прибывает запахи к земле, а дождь с пеной стирает их с лица земли³. В ряде случаев сохраняется только мотив присяги цветов и "цветка" солнца в роли судьи, пропускающего в рай души. Интересна еще девиация сюжета, отмеченная в Трансильвании: зачин "все цветы земли идут присягать" сохранен; мотива запаха нет; *подсолнечник у двери рая* противопоставлен *маку у двери ада*: цветок мака "все растет и цветет, многие души околдовывает"⁴.

Единственный мифологический комментарий к сюжету, приведенный Т. Папахаджи (со ссылкой на известную работу: *Pamfile T. Cerul si podoabele lui dupa credintele poporului roman. Bucuresti, 1915*), — этимологическая легенда о происхождении "цветка солнца": чтобы не допустить встречи земной девушки с солнцем, мать солнца превращает ее в семечко и бросает его на ветер; ветер опускает семечко на землю, из него вырастет цветок, похожий на солнце (с. 175).

При столь скудном досье мифологическую реконструкцию целесообразно начать с семиотического анализа фольклорного гербария. В него недифференцированно входят *все цветы земли*, объединяемые по признаку *запаха* (аромата): "быть цветком" значит "пахнуть", потеря запаха равнозначна вычеркиванию цветка из гербария. В сюжете она представ-

лена как преступление или грех, подлежащие высшему суду. Потеря дифференциального признака (ДП) запаха есть одновременно и нарушение основной функции цветка: передавать запах людям (молодым девушкам). Существенно, что судьями являются также растения, выбранные по принципу связи с *верхом* (в прямом и переносном смысле): цветок, принадлежащий солнцу; виноградная лоза, аналог мирового дерева, медиатор между низом и верхом; отмеченные особой сакральностью пшеничный колос и лилия. Другой ДП судей — *запах* (лилия, полынь⁵). Сочетание двух оппозиций — *верх*, *пахнувший/низ*, *непахнувший* — является осью сюжета. *Верх* и *благоухание* кодируются прежде всего лексемой *рай* (можно предположить, что *ад* противопоставлен *раю* не только по признаку *верх/низ*, но и по признаку *благоухание/зловоние*). Цветы принадлежат *земле*, *низу*, где и теряют запах, и идут *наверх*, как можно предположить, не столько за наказанием, сколько за восстановлением запаха. По оппозиции *давать запах/отбирать запах* противопоставлены *солнце/ветер, дождь*. Для солнца в этом контексте существенны признаки *жара* (нагревание, как известно, усиливает, активизирует запах), стабильное положение *наверху*. Дождь и ветер связаны с *водой*, *холодом* (ср. известный сказочный мотив о ветре, спасающем от солнечного жара), движением *сверху вниз* (дождь и ветер прибивают запах к земле, отбирают его, уносят)⁶. Указанные оппозиции транспонируются в поле *положительный/отрицательный* (*верх, солнце, рай, благоухание/низ, дождь, ветер, ад, зловоние*). Существен в этом смысле трансильванский вариант, где оппозиция *положительный/отрицательный* решена противопоставлением цветка *солнца*, принадлежащего *раю*, цветку *мака*, растения с наркотическими свойствами, принадлежащего *аду*⁷.

В новогреческой традиции распространен сюжет спора цветов из-за запаха, который вернее было бы назвать "перебранкой цветов", ср., например:

‘Ο δυάσμος, ὁ βασιλικὸς καὶ τ’ ἄσπρο καρποφύλλι,
κεῖνα τὰ τριὰ μαλῶναρε, τὸ ποῖο μυρίζει κάλλιο.
Πετάχτη τὸ τριαντάφυλλο, τὸ μοσχομυρισμένο:
”Σωπάτε, βρωμολέλουδα, μή με βρωμολογᾶτε,
τὶ ἐγὼ εἶμαι τὸ τριαντάφυλλο, τὸ μοσχομυρισμένο...”

‘Мята, базилик и белая гвоздика,
Эти трое бранятся, кто пахнет лучше.
Вмешалась роза, благоухающая:

”Молчите, вонючие цветы, не сквернословьте,
Ведь я роза, благоухающая...”⁸

И здесь запах выступает как основной ДП и основная функция цветка⁹, но в ином ракурсе. Цветы противопоставлены по оппозиции *благоухание/зловоние*, хотя реально речь идет только о *благоухании* (аромате), разная степень которого лежит в основе иерархической классификации фолклорного гербария. Набор цветов может меняться, но это всегда будут пахнущие цветы, и они всегда будут противопоставлены розе.

Если рассматривать вклад разных традиций в устройство общебалканского мифологического гербария, то восточнороманская как бы дает общетеоретическую установку (цветы как таковые, ДП запаха, функции

запах, условия *наличия/потери* запаха — все в проекции на набор универсальных семиотических оппозиций), а новогреческая развертывает эту "установку", перечисляя и набор цветов и их функции уже гораздо подробнее¹⁰.

Идя дальше, можно сказать, что рассмотренные сюжеты представляют собой как бы резюме темы цветов в фольклоре, более точно — в так называемых "немифологических", т. е. лирических по преимуществу жанрах. В другой формулировке: здесь указаны способы кодирования и основные виды кодов, использованных в модели мира в связи с гербарием, в данном случае — цветочным. Обследование соответствующих текстов показывает, что в данном случае (как, впрочем, и для других фрагментов модели мира и для модели мира в целом) в цели кодирования в малой степени входит отождествление мифологического цветка с его реальным прототипом. Первая ступень включения — лексема *цветок*, т. к., попадая в модель мира, цветок тем самым мифологизируется. Следующий и самый емкий источник информации — *название цветка*; здесь речь уже идет о словнике, причем для носителя модели это не просто номенклатура, но и набор соответствующих ДП, а для исследования — область загадок и неопределенностей: одно растение выступает под разными названиями, одно название кодирует разные растения, и это выходит за рамки научной ботанической классификации¹¹. И при конкретизации описания отождествление существенно не облегчается, поскольку кодирование преследует свои цели: овладение структурой модели мира, а не приобретение реального опыта.

Здесь в наибольшей степени происходит шифровка "открытым текстом": описания цветов, воспринимаемые как поэтические клише или романтическое восхищение природой, являются, по сути дела, сухим и четким набором ДП, куда входят, прежде всего: цвет, величина, запах, время и место цветения; соотносённость с человеком по признакам возраста, *мужской/женский* и некоторым др. Поскольку (см. выше) ДП закодированы в названии цветка, весь набор практически не перечисляется. Статистика выбора позволяет судить о том, какой ДП считается наиболее значимым. Для балканской модели мира это прежде всего ДП *запах*, в лирике проецируемый на отношения девушки/юноши, жениха/невесты (т. е. брачные классы)¹². Таким образом носитель обучается грамматике модели мира на узком фрагменте, но имеющем выходы в другие фрагменты¹³.

В балканской традиции ДП запаха, сам по себе универсальный, с древнейших времен играет особо существенную роль. Не касаясь его "восточных корней", можно ограничиться античной традицией, используя, прежде всего, материал, собранный в книге: *Lilja S. The Treatment of Odours in the Poetry of Antiquity* (Helsinki, 1972). Автор не ставит цели мифологической реконструкции, но исследует "запах как стилистический инструмент для решения эстетических задач" (с. 7). Тем не менее обзор и античных теорий сущности запаха и основных функций ароматических веществ, в частности, сакральной (курение ароматических веществ, посвящаемое богам)¹⁴, кулинарной (в том числе приготовление сакральных блюд или наркотических составов)¹⁵ и эротической (косметические средства)¹⁶ в проекции на современную балканскую традицию дают возможность вы-

явить параллели с глубинными мифологическими слоями (ср. невольное отражение горацанского образа "унесенного ветром запаха роз" в восточнороманском сюжете о цветах, потерявших запах).

Наконец, непосредственно мифологическая реконструкция в рамках одористического кода была предложена М. Детьеном в связи с сюжетом об Адонисе и в кругу представлений о Дионисе¹⁷. Отказавшись от традиционной, идущей от Манхардта и Фрэзера концепции видеть в Адонисе бога умирающей и воскресающей природы, Детьен находит ключ к мифологеме Адониса в оппозиции *благоуханный/лишенный запаха*: Адонис, олицетворение ароматического вещества, *мирро*, находит смерть в листьях *салата*, растения, связанного с землей, влагой, смертью, бесплодием, и превращается в цветок (*адонис*, *анемон*), лишенный запаха, эфемерный, сдуваемый ветром (ср. снова связь ветра с отсутствием запаха)¹⁸. Адонис оказывается неудачливым медиатором между *верхом* (небом, солнцем, жаром, жизнью), олицетворенным в ароматических веществах, и *низом* (землей, влагой, смертью), олицетворенным веществами-растениями, лишенными запаха¹⁹. Одористический код, таким образом, отражает универсальную оппозицию *плодородие/стерильность* (природы и человека), а эта оппозиция, в свою очередь, может быть связана с *activité agricole* (К. Леви-Стросс). Современная балканская традиция, как мы видим, не только сохранила этот мифологический пласт, но и довела его до лексической отточенности в плане выражения: строго говоря, для реконструкции мифологической схемы надо лишь изменить точку зрения на "лирические жанры" как отражение непосредственных чувств, облеченных в поэтическую форму.

Не менее важно и то, что балканская традиция отчетливо формулирует значимость категории запаха как самостоятельной единицы, формирующей одну из универсальных семиотических оппозиций в модели мира. Эта область в семиотическом плане до сих пор практически не разработана. Между тем еще в начале века об этом писал В.В. Розанов (Новый путь, 1903, № 10, с. 105): "Что такое обоняние? Что такое аромат? Вот категория, не вошедшая в реестр предметов философии, и искусство, не имеющее для себя школы, т. е. теории..."

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Papahagi T. Poezia lirică populară. București. 1967. P. 174–175; здесь же краткая сводка вариантов, использованная нами без специальных ссылок. По мнению автора, непонятен ни сюжетный смысл, ни выбор подсолнечника в качестве "судьи у двери рая" (с. 174).

² JorlŃk I. U., Birseanu A. Doine și strigături din Ardeal. Buc. 1968. P. 438, NCCCLXXVIII.

³ Densușianu N. Vechi cîntece și tradiții populare românești. Buc. 1975. P. 38. № 64. – Коляда о св. Василии и его сражении с Иудой, в которую "Суд цветов" вставлен как самостоятельный и независимый фрагмент.

⁴ Folclor din Transilvania. Buc. 1962. P. 323, N 107: *Dară floarea macului | Șade-n poarta iadului | Și tot crește și-nfloarește | Multe suflete amăgește*.

⁵ Ср. значимое название полыни *lemnul Domnului* 'дерево[древесина] Господа'.

⁶ См. любопытную концовку текста Н. Денсуșяну: после того, как цветы поклонились, что они не нашли запаха, унесенного "дождем с ветром и дождем с пеной", они говорят, что "дождь с солнцем" восстановил запах (?) *dete-o ploaie cu soare, | mi le puse pe picioare*.

⁷ О мифологии мака в балто-балканской традиции см.: Судник Т.М., Цивьян Т.В.

Мак в растительном коде основного мифа//Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 300–317.

⁸Ἑλληνικὰ δημοτικὰ τραγούδια. Ἀθῆναι, 1959, Β'. Σ. 183 (ЕДТ).

⁹Роза украшает красавиц (они вплетают ее в волосы или кладут в приданое, и то и другое для ароматизирования), ее держит в руках царь (ЕДТ, σ. 183, А, В), ср. подробно у: Πολίτης Ν.Γ. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τὰ τραγούδια τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ. Ἀθῆναι, № 232: роза "является" (φαίνεται) на голове жениха, на коленях новобрачной, на груди девушки, в изголовье старухи.

¹⁰В этой заметке мы вынуждены ограничиться немногочисленными примерами только из двух балканских традиций, однако можно предположить, что сказанное распространяется и на славянскую и албанскую часть, см. хотя бы болгарский гербарий в работе: Усачева В.В. Мифология растений в болгарских народных песнях// Balcano-Balto-Slavica: Симпозиум по структуре текста. М., 1979. С. 104–106. В славянской традиции цветы "состязаются" на других основаниях (время и место цветения и пр.).

¹¹Существенно, что переход названий происходит внутри списка-словника, ср., например, рум. названия мяты *mînta broascălor*, *mînta calelor*, *trandafirul broascăi*, *busuiocul calului* и т. д., при том, что роза, базилик и мята входят в ядро балканского мифологического гербария (см.: Borza A. Dictionar etnobotanic. Buc. 1968, s. v.). См. для славянской части: Симоновић Д. Ботанички речник. Београд, 1959 г. с. здравца 1. *Begonia*. 2. *Geranium*, *Geranium macrorrhizum*. 3. *Helleborus*, *H. niger*, *H. viridis*... 6. *Veratrum nigrum*.

¹²Ср.: Τὸ κομπάρι βασιλικός, κι ἡ νύφη γιасιμάκι, μ' ἀλήθεια ἔχει κι ὁ γαμπρὸς κομποὶ τριανταφυλλάκι (ЕДТ, σ. 132) 'Крестный – базилик, невеста – жасмин, а жених и вправду розанчик'; – Νύφη, γαρύφαλο κρατεῖς, νύφη, μοσχουρίζεις. | – Μηδὲ γαρύφαλο κρατῶ, μηδὲ μοσχουρίζω, | μυρίζουνε τὰ νυφικά, ποὺ μοῦ 'φερ' δ' καλὸς μου. (ЕДТ, σ. 117) – 'Невеста, держишь гвоздику, невеста, благоухаешь. | Ни гвоздики не держу, ни благоухаю. | Благоухают свадебные наряды, что мне подарил милый'; *Dragu mi-i cu sine jos*, | *Că miroase-a busuioc* (Folklo. Trans., IV, p. 225, № 467) 'Мил мне, с кем я танцую, | Потому что пахнет базиликом'; ср. еще клише "любовь превращается в душистый цветок" *o floare mirositoare* и т. п.

¹³Поэтому, когда фольклорист пишет, что "народный певец любит только окружающий его мир, он видит его, слышит и обоняет", она, сама того не ведая, перечисляет основные ДП, кодирующие природу в архетипической модели мира (см.: Μηλιότου Σ. Τὸ λουλούδι στὴ δημοτικὴ ποίηση// – Τὸ δημοτικὸ μας τραγούδι. Ἀθῆναι, 1974. Σ. 746).

¹⁴Интересны пережитки этого в новогреческой традиции: в цепной сказке небо просит воскурения ароматических веществ в обмен на дождь: Abbot G.F. Macedonian Folklore. Chicago, 1969, p. 326.

¹⁵Сейчас это актуальная тема исследований: сюжет "девушка собирает цветы, аромат которых имеет наркотическое действие", "букет вина" – особый состав ароматических веществ, *νηπενθής* Елены в "Одиссее" и т.п., см.: Wasson R.G., Hofman A., Ruck C.A.P. The Road to Eleusis. N: Y.; L., 1978.

¹⁶Х. Вакарелски (Этнография на България. С., 1977. С. 391) указывает для современной болгарской традиции: в качестве ароматических веществ используются непосредственно сами растения, потому-то постоянный эпитет цветка в фольклоре *миризливо*. Ср. еще: др.-греч. *μυρίζω* 'умашать ароматическими веществами' в современных балканских языках получило значение "пахнуть".

¹⁷Detienne M. Les jardins d'Adonis. La mythologie des aromates en Grèce. P., 1972; Idem. Dionysos mis à mort. P., 1977.

¹⁸Но в албанском запах связан именно с ветром: *mban era, bije era*.

¹⁹Эта оппозиция поразительно точно отражена в новогреческом тексте о девушке, защищающей себя от назойливого юноши с помощью душистых цветов: вместо замка, засова и щеколды она ставит мяту, гвоздику и кудрявый базилик; юноше она предлагает нарвать в саду *салата* (ЕДТ, σ. 72, № 66):

θὰ βάλω δύο μο κλειδωνὰ καὶ καρποφύλλι ἀμπάρα
καὶ τὸ σγορὸν βασιλικὸ σούρτη στὸ παραθύρι
κι ἂν ἔρθῃ τοῦ μαργιόλου ὁ γιός, διάλος νὰ τὸν πάρῃ,
μαρούλια ἔχω στὸν κῆπο μου κι ἄς πάῃ νὰ φάῃ τῇ ξάλη.

БЕЛЛЕРОФОНТ И БЕЛЛЕР

(Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции)

Античная традиция, начиная с "Илиады" (VI, 152–205), отразила миф о Беллерофонте уже на той, позднейшей стадии его эволюции, когда рассказ о коринфском уроженце, защищающем Ликию от чудовищ и враждебных племен, сблизил противолежашие края Эгеиды, будучи проникнут реминисценциями уходящих вглубь Микенской эпохи исторических греко-анатолийских связей. Древнейший облик мифа приходится реконструировать по реликтам, пережиточно осевшим в той же традиции. Фундаментальным в этом плане явился вывод Л. Мальтена о первоначальном Беллерофонте — грозном конном божестве, истребителе чудовищ. В низвержении Зевсом летящего на Олимп героя и последующем переходе коня Беллерофонта — несущего молнии Пегаса — к греческому громовержцу ученый выявил отголоски столкновения культов Зевса и тождественного ему по функциям догреческого бога. Доказывая, с привлечением огромного сравнительного материала, переднеазиатские истоки таких фигур мифа, как крылатый конь и противница героя — изрыгающая пламя чудовищная коза Химера, Мальтен видел в Беллерофонте исконного малоазиатского бога, "обязанного" превращением в коринфянина претензиям эллинизированных западно-анатолийских династов, вроде правивших в Ионии Главкидов, на "хорошую" греческую родословную (в "Илиаде" тема Беллерофонта явно связана с возвышением рода Главкидов)¹.

Ключевым вопросом реконструкции "пра-беллерофоновского" мифа была и остается интерпретация самого имени *Βελλεροφόντης*, развертывавшегося античными эрудитами, с вычленением элемента *-φόντης* 'убийца', в целую историю умерщвления вблизи Коринфа некоего персонажа, именуемого *Βελλερος*, — эпизод, лежащий совершенно в стороне от основного круга малоазиатских подвигов героя (Schol. II.VI, 155; ср. Eusth. 632, 6; Tzetz. Alex. 17). Скептически отбрасывая разноречивые попытки толкования данного имени в науке XIX в. (в диапазоне сопоставлений от др. инд. *Vrtrahan* "Убийца (демона) Вритры" до финик. *Baal-Rafon* "Баал-Исцелитель"²), Мальтен вместе с тем и выделение *-φόντης* объявил произвольной греческой переделкой некоего малоазиатского теонима, а историю убийства Беллера — не имеющей веса этимологической конструкцией. Между тем, почти одновременно с появлением работы Мальтена, К. Оштир сопоставил имя Беллера с такими формами из живых балканских языков, как алб. *bullar* 'полоз, уж', рум. *balaur* (вар. *băhur*) 'дракон', с. -хорв. *blávor*, слов. *molaver* 'уж, полоз'³ (древность варианта с начальным *m-*, отражающего архаичное северобалканское чередование *m/b*, засвидетельствована упоминанием вида змеи *μδλουρος* в "Териаках" Никандра, ст. 491, — во II в. до н.э.⁴). Это сближение, подкрепляя в целом реконструкцию "Пра-Беллерофонта" как громовника ("Убийцы Змея"), в то же время утверждало аутентичность эпизода убийства Беллера и объективно указывало на Балканы как на более вероятную прародину образа. Оно, несомненно, хорошо согласуется со взглядами таких крити-

ков Мальтена, как П. Кречмер и Э. Вий, видевших в Беллерофонте истмийского героя, в Беллере — его исконного противника, и в переднеазиатских элементах мифа — результат длительной адаптации этого мифа на анатолийской почве, где Беллерофонт мог быть натурализован уже во II тыс. до н.э., в пору возникновения здесь первых греческих поселений⁵. К настоящему времени сопоставление Оштира, обыкновенно цитируемое без указания имени автора, стало тривиальным примером древнебалканского субстратного вклада в греческую мифологию⁶.

В то же время нельзя не отметить серьезных трудностей, стоящих и перед самым этим сопоставлением, и перед его культурно-историческим истолкованием. Отсутствие как у имени Беллера, так и у его предполагаемых соответствий надежной этимологии неизбежно стимулирует непрекращающиеся попытки возведения этих форм к "алародийскому", "кавказоидному" и т.п. субстрату⁷, обесценивающие близость данных лексем в качестве аргумента в споре "балканской" и "анатолийской" концепций происхождения мифа об Убийце Беллера. С другой стороны, что касается современных балканских образований, по крайней мере, в их начальной части, определенный интерес представляет этимология И. Руссу, выделяющего корень. **bhel-* 'разрастаться, раздвигаться' (обычные варианты — **bhel-*, **bholn-*) с опорой на продуцируемые от этого корня во многих индо-европейских языках, наряду с экспрессивными эпитетами вроде др.-исл. *balr* 'страшный' (ср. рум. *balaur* 'изверг'), зоонимы из числа таких, у которых легко развиваются тератологические коннотации: др.-исл. *bolmr* 'медведь', *bolí* 'бык', др.-англ. *bula*, *bulluc* то же, при ср.-в.-нем. *bullich*, *bolch* 'большая рыба', греч. *φάλλη*, *φάλαρα* "кит, мифическое чудовище"⁸. Явно корневой характер данной этимологии в этом случае искупается тем достоинством, что сам корень, а вместе с ним и первичное значение Руссу в данном случае, как представляется, определяет довольно точно. На наш взгляд, наличие в балканских языках такого лексико-семантического гнезда форм как алб. *bullare* 'толстуха', *bullafiq* 'толстый, пузатый', *bullungë* 'опухоль', *bulledër* 'древесный гриб; толстая женщина', мегл.-рум. *prună balaură* 'крупная слива'⁹ вполне убеждает в связи с исходной семантикой "разрастания, разбухания".

Однако с привлечением мифологического имени Βέλλεροϕ, установка на зоонимический ряд оказывается под сомнением. Правда, ее можно было бы подкрепить ссылкой на такие перифрастические эпikleзы Беллерофонта как Λεωρόντης 'Убийца Льва' (Schol. II. VI, 155) и, особенно, ярким случаем паронимической игры с этим именем: 'Ελλερορόντης 'Убийца Злого' (Eusth. 656, 6), ср. ἔλλερα ἔχθρα, πολέμα, ἄδικα 'враждебное, бесчинное' (Hes.); вариант βέλλερα в Et. M. и в Schol. Theog. 325 побуждает восстанавливать для данной лексемы в анлауте дигамму, в отличие от имени Беллерофонта, где в начале фиксируется смьчный. Но если данные эпikleзы однозначно отражают трактовку героя как убийцы чудовищного противника, то с формой Βέλλεραρόων (Theoc. XV, 92; Herodian I, 9, ср. лат. *Bellerophon* — полноправный дублет к *Bellerophontes*) дело обстоит сложнее. Элемент -ρῶν/-ρόων, -ράων, -ρανής от ράω "светить, являться" — обычный член многочисленных антропонимов, отражающий лишь особо отмеченную связь с лицом, предметом или понятием, обозначенным начальной частью композита: Δημόρῶν, Μητρορῶν, Αριστορῶν и т.д.¹⁰.

Собственно, пароним Βελλεροφῶν может значить лишь "Славный Беллером", "Отличившийся в отношении Беллера" и т.п.; с другой стороны, семантический сдвиг, "остраняя" структуру исходного Βελλεροφόντης побуждает отметить, что и сама эта основная форма, будучи взята независимо от позднего комментария, могла бы толковаться не только как "Поражающий Беллера", но и как "Поражающий посредством Беллера" и даже "Беллер-Поражающий" (ср. Τοξόφονη, Ἀυτόφρονος¹¹). Подобные соображения подводят к восприятию замечательных свидетельств Гесихия и Евстафия: Hes. Βέλλερος ὑπὸ Βελλεροφόντου κτανθεῖς ἥ δ Βελλεροφόντης буквально: "Беллер. — Убитый Беллероубийцей; или Беллероубийца" Eusth. 632, 6 ο Βελλεροфонте: ἐν δὲ ρητορικῶ λεξικῶ ἔρηται καὶ Βέλλερος λεγόμενος 'как сказано в риторическом лексиконе, называемый также Беллером'. Эти сообщения заставляют решительно воздержаться от приписывания имени Беллера (точнее — предполагаемому апеллативу, лежащему в его основе), постулируемого в силу поздних балканских параллелей значения 'змея, дракон и т.п.', уместного лишь применительно к противнику и жертве разящего бога. Между тем, приведенные показания заставляют предполагать в исходном *βέλλερο- некий атрибут, общий для обеих борющихся сторон — поражающей и поражаемой.

Переходя к собственно этимологическому анализу, опять же выскажемся против слишком большого доверия к современным балканским формам: восстанавливаемый на основе румынско-албанского соответствия прообраз вроде *bellaur хорошо объясняется для каждого из языков контаминацией с продолжениями лат. *belua* 'огромный зверь, чудище': рум. *bală*, алб. *bollë* 'большая змея'¹². Реально помимо формы Βέλλερος считаться приходится только с вариантом *boluros, из которого, по всей очевидности, происходит μόλουρος, зафиксированное Никандром¹³. При этом в глаза сразу же бросается наличие целого ряда формальных соответствий к обоим вариантам в древнебалканской топонимике: таковы фрак. Βέλλουρος, поселение в Родопах (Proc. ae. 4, 14, 17), с которым связывается византийское название области по нижнему течению Гебра Βολερων θέμα¹⁴, вероятно, от этих образований неотделимо и личное имя Βελλύρης с о. Фасос (IG 12, 8, 279: Ἡγησίωναξ Βελλύρεω; далее, сюда же название поселений Βόλουρος в области илирийского племени траллов и в южно-эпирской Феспотии (St. Byz. s.v.). Все эти топонимы В. Томашек сопоставляет с арм. *bolur*, *bolor* 'округлость, холм', Д. Дечев с др.-исл. *balí* (*bholen) 'возвышенность на побережье или на равнине', ср. еще кимр. *bal* 'возвышенность, горная вершина'¹⁵. Данные слова составляют четко выделяющуюся подгруппу среди производных от указанного выше и.-е. **bhel-* 'расти, раздуваться', обозначающую неровности, выступы на земной поверхности. Кажется заманчивым включить в нее также (вопреки попыткам сопоставлений с омонимичным **bhel-* 'блестеть'¹⁶) серию греческих названий для каменистых возвышенностей, камней и для некоторых пород дуба: феллеῖς 'каменистая местность', специально Φελλεῖς — область в Аттике, фелλῖς γῆ (Poll.) 'каменистая земля', феллός (Hes.) то же, кроме того, феллός 'пробковый дуб, Quercus suber', феллόδρυς 'каменный дуб, Quercus ilex', наконец, — фέλλερα 'Πετρώδη καὶ αἰγίβωτα χωρία' 'каменистые места, козьи пастбища'¹⁷, глосса, прямо смыкающаяся с приведенными северобалканскими топонимами. Рассмотрение всего ряда древне-

балканских форм обнаруживает их тенденцию к геминированию инлаутного -л- (явление, во многих индоевропейских отражениях этой основы представляющее след древнего сочетания *-ln-¹⁸*), и одновременно к суффиксальным исходам на *-ero-/-uro-*. Собственно, внутри греческого словаря соотношение *φελλεύς:φέλλερα* могло бы трактоваться как аналогичное дублетам *γλυκίς:γλυκερός, κρατής:κратερός¹⁹*, если бы не радикальное расхождение в акцентуации. Поэтому, думается, имеет смысл вспомнить о гипотезе Ю. Покорного, восстанавливающего (в связи с др. -в. -нем. *bilorn* 'десна' <**bhelrno-* 'вздутие') гетероклитическое чередование *bhehr:**bhelno*²⁰ (осложненное чередованием расширений *bhel-no:-*bhel-nu как в греч. *φελλός:φελλεύς*); тогда цепочки расширений *(*bhel-*) *n-ero*:*(*bhel-*) *nu-ro* отражали бы контаминацию элементов старой гетероклизы как в том же *bilorn*, в лат. *it-er*:*it-in-er-is* и т.п.

Высказывая догадку о принадлежности к этому же ряду лексемы *βέλλερο-*, ключевой в структуре реконструируемого мифа об истмийском подвиге "Пра-Беллеронфа", мы должны обратить особое внимание на донесенную Аполлодором (II, 3, 1) и, по справедливой оценке Э. Бете²¹, глубоко архаичную версию предания об этом событии. Парадоксальным образом имя Беллера из нее исключено вовсе; взамен того речь идет об убийстве героем своего родного брата (мотив важный, если вспомнить, что, согласно Гесихию, убитый, по существу, является тезкой убийцы). Среди перебираемых мифографом имен погибшего выделяется *Πειρήν*, прочно привязывающее эту версию к окрестностям Коринфа: убитый выступает эпонимом источника *Πειρήνη*, др. *Πειράνα* на вершине обрывистой горы Акрокоринф, где Беллеронфонт подстерег на водопое Пегаса (Strab. VIII, 6, 20). Истмийское предание о Беллеронфонтe и Пейрене перекликается с фессалийской и аргосской (Ard. II, 1, 3) традицией о герое Пейранте (*Πείρας, υτος, Πείρανθος*), которому, в частности, приписывалось порождение змееногой Ехидны, матери Химеры (Paus. VIII, 18 со ссылкой на критянина Эпименида). В специальной работе²² мы уже сопоставили эти мифологические имена (**Perḡan-*, **Perḡan-t-*) и местное название *Πειράνας*/*Perḡana с известным общеиндоевропейским рядом обозначений горы, камня, почитаемого на горах грозового конного божества: др. -инд. *parvata* <*perḡnta 'гора', хет. *pīrwa* (вар. *peruna*) то же, сюда же *pīrwa*, вар. *Peru(n)ta*, имя почитаемого на скалах конного бога, слав. теоним *Perunъ*, топоним *Peruny*, фрак. топонимы *Φόρουνα* (совр. Перин) в Родопах (<*Peruna), *Πέρωνθος*, вар. *Πείρωνθος* в Пропонтиде (<**Perunto-*) и т.д., включая название горного, в частности, дубового леса фрак. **perkū-*, лит. теоним *Perkunas*, фрак. "Πρως Πέρκων(ις) и др.²³ Как было показано выше, важнейшие звенья этой семантической цепи четко воспроизводятся также греч. *φελλός, фелλεύς, фέλλερα*. При том, что последнее представляет точное формальное соответствие к догреч. *Βέλλερος* (с продолжениями во фрак. *Βέλλουρος*, илиир. *Βόλουρος* и т.д.) мы вправе видеть в дублетных вариантах истмийской фабулы ('убийство героем герс. грозовым богом своего тезки Беллера' ~ 'убийство им своего брата Пейрена') аргумент в пользу интерпретации пары *Βέλλερος:Πειρήν* как двух языковых вариантов именования 'камня, каменистой вершины'.

Принятие тождества **βέλλερο-*: *φέλλερα* и истолкование имени героя как "Поражающего камень" или "Поражающего камнем" снимает трудно-

сти, связанные со свидетельствами Гесихия и Евстафия. Их указание на двусмысленность имени Βέλλερος, выступающего эпиклезой обеих сторон в поединке, объясняется в свете фундаментальной схемы, общей для змеборческих мифов многих индо-европейских народов: грозное божество камнем поражает противника, возлежащего на камнях или прячущегося под камнями; камень, скрывающий хтонического противника, раскалывается камнем громовержца²⁴.

Неожиданные отголоски этого древнебалканского мифа мы встречаем в кельтской традиции — в образе Балора из знаменитой ирландской саги о Второй Битве при Маг Туиред, ведущего морских и островных демонов-фоморов на бой с древними кельтскими божествами, Племенами Богини Дану (в древнейшей версии сказания, изданной У. Стоксом, имя Балора появляется с разночтениями: *Balor* — 4 раза, *Bolor* — 1 раз, *Balur* — 2 раза, род. падеж *Bolair* — 2 раза, дат. падеж *Bolur* — 1 раз²⁵). Поверье о единственном глазе Балора, напоенном ядом и раскрывающимся лишь в битве, уничтожая перед собой все живое, перекликается с албанской сказкой о слепом буларе, прозревавшем раз в год и все в этот день пожирающем на своем пути²⁶. Для более полного соотнесения с "пра-беллерофонтовским" мифом особенно важен мотив поражения Балора огромным камнем. Здесь можно бы сослаться и на позднюю версию той же саги, содержащую эпизод помещения отрубленной головы Балора не рассыпающийся под ней каменный столб. Правда, эта версия слишком тесно смыкается с поздней сказочной традицией, по существу, связывающей с фигурой Балора общие места змеборческих фабул: таковы похищение Балором коровы у кузнеца Гавиды и битва с внуком, воспитанным в доме кузнеца²⁷. Поручиться за аутентичность этих мотивов трудно, но само по себе их притяжение к рассказу о Балоре — факт показательный. Наконец, Т.О' Рахили выделяет случаи привязки имени этого демона к каменистым возвышениям: такова реминисценция полного имени Балора — *Balor ua Neit* 'Балор, внук Нета' в ирландском топониме *Carn ui Neit* 'Курган внука Нета' и, особенно, древнекельтское название мыса на крайнем юго-западе Британии Βελέριον (Diod. V, 21, 3), Βολέριον (Ptol. II, 3, 2)²⁸, которое едва ли стоит отрывать от иллир. Βόλουρος и прочих северо-балканских форм, рассмотренных выше в связи с именем Беллера.

Тем не менее мы не можем отрицать наличия в истории мифа о Беллерофонте надежно выделяемого ориентализирующего слоя, промежуточного между реконструируемой догреческой стадией, на которой в центре мифа должна была стоять борьба божества с противником — Беллером и засвидетельствованным состоянием мифа, когда имя Беллера уже не играло сколько-нибудь существенной роли. На этом промежуточном этапе произошло замещение Беллера малоазийской Химерой и переориентация сказания в целом на Западную Анатолию. Следует отметить, что толкование к глоссе φέλλερα... διγίβοτα χωρία, специально акцентирующее вторичное значение "к о з ь е п а с т б и щ е", возможно, проясняет и позднейшее представление противника Беллерофонта в виде Химеры — к о з ы с чертами дракона и льва. Особенно любопытен факт наличия поселений с парными греческими названиями Φελλός: Ἀντιφέλλος ("Камень" ~ "Противо-Камень" или "Дуб" ~ "Противо-Дуб") в эллинизированной южно-ликийской области, овеянной преданиями о борьбе Беллерофонта с Хи-

мерой: ср. Strab. XIV, 3,5: *περὶ ταῦτα μυθεύεται τὰ ὄρη τὰ περὶ τῆς Χίμαιρας ... ἢ Χίμαιρα φάραγξ τις ἀπὸ τοῦ αἰγυαλοῦ ἀνατείνουσα* "к этим горам относится миф о Химере... Химера — некое ущелье, тянущееся от побережья..." и ниже, XIV, 3,7: *χωρὶά Φελλός καὶ Ἀντίφελλος καὶ ἢ Χίμαιρα ἧς ἐμνήσθημεν ἑπ' αὖτις* "местности Фелл и Антифелл и Химера, о которой мы упоминали выше". Известное из греко-ликийских билингв соответствие *Ἀντιφελλίτης ~ Wehñtezi* (TL 56,4, ср. также в милийском тексте TL 55,4: *qajā wesñteli prijāmi* 'святилище антифеллосское главное') подтверждает, что данные названия вряд ли могут представлять адаптацию каких-то местных топонимов, но скорее являются чисто греческими обозначениями компонентов мифологизированного ландшафта. Не исключено, что здесь в трансформированном виде присутствует тот же семантический комплекс, который отразился в сообщении Гесихия о двух противостоящих Беллерах.

Существенно, что переосмысление образа имело место и на самой родине Беллерофонта, где также верили в уход героя за море, а образ Беллера был вовсе устранен из местного предания. Ввиду этого обстоятельства приходится специально считаться с особым местом истмийского региона в истории греко-анатолийских связей, устанавливаемым по данным традиции и местной топономастики. Вблизи перешейка, в самом деле, встречаются топонимы, имеющие вполне малоазиатский облик: таковы в окрестностях Коринфа название поселения *Μαυσός*, оронимы *Λυκώνη*, *Ὑσσέλωθος* и т.д., побуждающие предполагать здесь один из "анатолийских локальных ареалов на территории материковой Греции"²⁹. Не случайно ликийские образы в рассказе о Беллерофонте возникают в связи с историей Пройта, его тиринфского гостеприимца, которому — чуть ли не единственному из греческих династов — легенда приписывала путешествие в Ликию и женитьбу на дочери ликийского царя (гонительнице Беллерофонта), с последующим приводом ликийского войска, отовывающего для Пройта царство у его брата — аргосца Акрисия (Ard. 2, 2, 1; Paus. II, 25,7 сл.; Ov. met. V, 240 сл.; Hyg. 64). Сюда же примыкает легенда о приходе вместе с ликийцами неких циклопов, воздвигающих стены в Тиринфе и Микенах, в том числе — знаменитые Львиные ворота (Strab. VIII, 6,11; Paus. II, 16,5 сл.; VII, 25,6; ср. Vassch. X, 77, Schol. ad. Eur. Or. 965). В этом цикле преданий, полном исторических аллюзий (наряду с обычными сюжетами сказочного фольклора, каковы борьба братьев-близнецов, отвергнутая любовь царицы-ликианки к Беллерофонту и т.п.), история появления греков в Западной Анатолии неразрывно переплелась с прочной традицией о раннем присутствии анатолийцев на севере Пелопоннеса и значительном вкладе, якобы внесенном ими в возвышение будущих ахейских центров. Все эти данные не позволяют исключить напрашивающегося предположения о какой-то ранней "ориентализации" образа Беллерофонта еще на Истме, обусловившей последующую беспрецедентную популярность героя на новой родине малоазиатских греков. В истоках же миф об убийце Беллера должен был возникнуть на севере Балкан и в прилегающих районах Юго-Восточной Европы.

¹Malten L. Bellerophontes // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institutes, 40, 1925. S. 121–160; *Idem.* Homer und die lykischen Fürsten // Hermes, 79, 1944. S. 1–12.

²Gruppe O. Die griechische Culte und Mythen in ihrem Beziehungen zu den orientalischen Religionen. I, Leipzig, 1887. S. 105 (обзор); Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. B., 1895. S. 192 f.; анахронизмом выглядит повторение сближения с Baal-Rafon в кн. Astour M. Hellenosemitica. Leiden, 1965. P. 228 sq.

³Ostir K. Alarodica I. – Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani. Razprave I, 1923. S. 274, 298; cp. Vilhar A. Zur Deutung des Bellerophonmythes. – Philologische Wochenschrift, 51, 1931. S. 1070 f.

⁴См. Durante M. Alb. bullar // Ricerche linguistiche I, 1950. P. 270 sq.

⁵Kretschmer P. Nochmals die Hypachäer und Alakšanduš // Glotta, XXIV, 1936. S. 235 f; *Idem.* Bellerophontes. – Glotta XXXI, 1949. S. 92 f; Will E. Korinthiaka. P., 1955. P. 149 sq., 155 sq., 163 sq.; cp. Schachermeyr F. Poseidon und die Entstehung der griechischen Götterglauben // Bern, 1950. S. 174 f.

⁶Cioranescu A. Diccionario etimologico Rumano. Madrid, 1958. P. 61 sq.; Bonfante G. Gli elementi illirici nella mitologia greca // Archivio glottologico italiano, 53, 1968. P. 97.

⁷См. указанные работы К. Оштира и А. Вильхара; из недавних ср.: Николаев С.Л. "Кавказоидные" элементы палеобалканского субстрата // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы. М., 1984. С. 30.

⁸Russu I.I. Elemente autohtone în limba română. Buc., 1970. P. 133 sq..

⁹Ndreca M. Fjalor shqip-serbokroatisht. Prishtinë, 1976. F. 35; Fjalor i qihues shqipe. Tiranë, 1980. F. 197; Указанные данные сообщены мне И.А. Калужской, которой выражаю глубокую благодарность как за это, так и за многие другие консультации во время работы.

¹⁰Fick A., Bechtel F. Griechischen Personennamen. Göttingen, 1984. S. 284 f.

¹¹*Ibid.* S. 413.

¹²Ср.: Орел В.Э. К этимологии серб. бљвѡр. рум. balaur, алб. bullar // Вестник МГУ. Филология, 1981, № 2. С. 74.

¹³Скорее всего, условное "албано-румынское" *bēllaur есть результат контаминации *bol(l)uros с нар.-лат. *bella (<belua), о последнем см.: Philippide A. Originea românilor. Iași, 1929, II. P. 633–634.

¹⁴Tomaschek W. Die alten Thraker, II // SBAW, 1894, 31, S. 59, 61.

¹⁵*Ibid.*; cp. Detschew, S. 74; Pokorny I. S. 120.

¹⁶Pokorny I, S. 120.

¹⁷Anecdota Graeca, I. ed. I. Bekker. Berolini, 1814. P. 315.

¹⁸Ср.: Schwyzler E. Griechische Grammatik. München. 1939. I. S. 482.

¹⁹Ср.: Pokorny I. S. 120. Альтернативная попытка возведения греч. φελλεύς и т.д. к *bhels- в силу формы φελλής 'ровный' сомнительна из-за отсутствия надежных индоевропейских подтверждений и спорадичности перехода -λα- > -λλ- в греческом (см. Schwyzler E. Op. cit. S. 285.).

²⁰Pokorny I. S. 121.

²¹Bethe E. Bellerophontes // RE. Hlbd V. S. 243.

²²Цымбурский В.Л. Гом. Πείρως ~ фрак. Πρωος ~ хетт. Pīruaš // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. С. 48 сл.

²³Последний полный обзор материала и литературы вопроса см.: Гундин Л.А. К возможности реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей. *Πρωος Перковис, гесп. Перковис // ВДИ, 1978, № 3. С. 134 сл.

²⁴Обширная подборка материалов собрана в кн.: Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 76 сл., 85–89, 98–100.

²⁵Stokes W. The second battle of Moytura // Revue celtique. 1891, 12, p. 52–130; русский перевод С.А. Шкунаева в изд.: Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С.351–380. Благодарю А.А. Королева, указавшего на возможность двойкой праформы имени Балора: как *bVīro-, так и *bViro-.

²⁶Ср. показательный албанский текст о буларе в работе: Цивьян Т.В. Категории видимого/невидимого: балканские маргиналии // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 203; ср. румынское поверье о превращении не видящей света змеи в балаура – там же, с. 204.

²⁷Rees A., Rees B. Celtic heritage. L., 1961. P. 37, 212; ср. еще: Brekilien Y. La myt-

hologie celtique. P., 1981. P. 129: *Belor* — имя людоеда из французских сказок, там же о МН *Balirac*.

²⁸ *O'Rahilly Th.* The early Irish history and mythology. Dublin, 1946. P. 59 sq.

²⁹ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 120, ср. с. 106.

Е.Н. ЧЕРНЫХ

ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙЦЫ В СИСТЕМЕ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Обсуждение проблем прародины индоевропейцев, распада их исходного языка на ряд основных диалектов, путей расселения отдельных индоевропейских групп, а также их исторических судеб не сходит со страниц разнообразной исторической, археологической и лингвистической литературы. Имеется одно примечательное обстоятельство, как бы объединяющее различные точки зрения: все гипотезы и предположения по поводу индоевропейских проблем касаются культур, локализующихся в районах либо прямо примыкающих к Черному морю, либо находящихся в непосредственной близости от них, или же пути расселений индоевропейских групп исследователи связывают с причерноморским регионом. Области, окружавшие Черное море — Кавказ, Анатолия, Балканы, степи Восточной Европы, — в последние годы все чаще привлекают внимание археологов различных стран¹. Здесь в определенные исторические периоды свивались в тугие пучки линии взаимосвязей различных культур. Здесь свершались важнейшие открытия и развивались производства, определявшие характер и пути развития множества культур Евразии; подразумевается, в частности, горно-металлургический промысел и формирование здесь Циркумпонтийской металлургической провинции — основной и центральной системы производящих центров для всего Старого света на протяжении почти двух тысяч лет: со второй половины IV тыс. по начало II тыс. до н.э.

Эпоха раннего металла в причерноморской географической области начинается с V тыс. до н.э. или же, по всей вероятности, со второй половины V тыс., согласно радиоуглеродным калиброванным датам. Конец эпохи раннего металла в целом приходится на первую четверть I тыс. до н.э. вместе с победой металлургии железа и распространением по всей области больших серий железных орудий.

За этот длительный отрезок времени в истории развития причерноморских культур весьма четко различаются четыре периода стабилизации или же стабильного существования культурных объединений и систем. Периоды стабилизации столь же явно отчленяются друг от друга четырьмя периодами культурных трансформаций, сломов и даже катастроф, носивших здесь практически повсеместный и всеохватный характер. Как правило, эти критические периоды характеризовались следующими важнейшими общими чертами: 1) распад всей свиты старых и формирование новых культур, 2) скачкообразное распространение новой технологии — по преимуществу в области металлургии и металлообработки, 3) переоформление прежней системы контактов и взаимосвязей по всей обширной облас-

ти, 4) активнейшие процессы миграций и переселений значительных этнокультурных групп.

Первый период стабилизации культурных систем в причерноморской области совпадает с эпохой медного века; он датируется V или, точнее, второй половиной V тыс. до н.э. Для всего этого периода в целом является характерным наличие изолированных систем (культур и культурноисторических общностей) в основных географических районах причерноморской области.

Центральное место среди культурных комплексов Закавказья занимали поселения шулавери-шомутепинской культуры, связанные по преимуществу с бассейнами Куры и Аракса². Занятие земледелием и скотоводством, полное отсутствие следов domestikации лошади, колесных повозок, очень слабое знание меди и медных орудий — вот основные черты, характеризующие материальную культуру и экономику поселков шулавери-шомутепинского типа. Весьма важно, что для этой культуры характерна одна черта, присущая всем анатолийским и переднеазиатским общностям V тыс. до н.э. — крайне ограниченное употребление меди и особенно медных орудий. Металл, появившись в памятниках Анатолии и Передней Азии очень рано, по крайней мере в VIII—VI тыс. до н.э., не стал неременной принадлежностью быта этих народов. Металлургия в течение трех-четырех тысячелетий — вплоть до середины IV тыс. до н.э. — развивалась здесь очень вяло.

В общей системе раннеземледельческих общностей своеобразие западных культур, охвативших север Балкан и Карпатский бассейн, было очевидным, прежде всего, за счет блистательного развития горно-металлургического дела. Огромные рудники типа Аи бунара в южной Болгарии, многочисленные коллекции медных литых тяжелых орудий и оружия, тысячи мелких и массивных золотых украшений, ставших известными, главным образом, благодаря уникальному некрополю в Варне³, придают весьма своеобразный облик многим культурам Балкано-Карпатя. Однако кроме металла их роднит множество черт: земледельческо-скотоводческий характер, массивные глинобитные дома и строения на многочисленных поселках, антропоморфная и зооморфная пластика, высочайший уровень керамического производства сосудов, многие из которых были покрыты сложными цветными узорами. Мощные горно-металлургические очаги этого района образовали тогда систему Балкано-Карпатской металлургической провинции — древнейшей в Старом Свете.

Наряду с этим нельзя не подметить своеобразный "демократический" характер культуры балкано-карпатского населения: в поселениях отсутствуют крупные постройки "княжеского" ранга или храмового типа, инвентарь погребений также относительно "монотонный" и не обнаруживает существенной дифференциации от могилы к могиле. Это наблюдение не могут поколебать даже немногочисленные "символические" погребения без скелетов в уникальном Варненском некрополе, содержавшие сотни и тысячи золотых украшений. В этих культурах, равно как в анатолийских и закавказских, также не знали лошади, всадничества и колесного транспорта.

В степях и лесостепях Северного Причерноморья находят поселения и могильники весьма контрастные балкано-карпатским, с одной сторо-

ны, и закавказским, с другой. Ныне их объединяют в обширную общность скотоводческо-земледельческих культур типа Средний Стог — Хвалынский, раскинувшуюся от Поднепровья вплоть до нижней и средней Волги⁴. Поселений здесь известно сравнительно с Балкано-Карпатем или юго-западом СССР немного и сами они отличаются небольшими размерами. С раскопками Хвалынского могильника на нижней Волге стало известно о существовании крупных еще докуранных некрополей, где число захоронений превышает 150. Немногочисленные изделия из меди — в основном украшения — попали сюда из Балкано-Карпатя через посредство очагов металлообработки трипольской культуры, как об этом свидетельствует спектральный анализ меди. Может быть, наиболее характерной чертой этой общности является ее коневодческий характер. Следов колесного транспорта здесь, однако, нет, хотя обнаружены костяные псаии, свидетельствующие о начале использования лошади под верховую езду⁵.

О существовании связей степного населения с земледельческими культурами Балкано-Карпатя говорит не только металл. Целый ряд погребений со следами типичного для восточного населения инвентаря обнаружен в области Нижнего Подунавья и Карпатском бассейне (Деча Мурешулуй⁶ и т.п.). Указанные контакты являлись провозвестниками завершения в первой половине IV тыс. до н.э. периода относительной изоляции основных культур и общностей причерноморской области.

Распад Балкано-Карпатской провинции около середины IV тыс. ознаменовал конец стабилизации и наступление периода кардинальных этнокультурных переломов для общностей причерноморских пространств. Прекращают свое существование фактически все культуры в основных регионах области⁷. Нередко в последующее время их культурное наследство утрачивается почти безвозвратно. Это очень хорошо видно на примере культур северо-востока Балканского полуострова типа Караново VI-Гумельница-Варна, на месте которых возникли как бы "варваризированные" общности раннего бронзового века. В ряде случаев основные черты прежних общностей заметно трансформируются, что удается показать на раннекуранных степных культурах Восточной Европы или же на памятниках куро-араксинского типа в Закавказье. С этим периодом чаще всего связывают археологи фазу активных миграций, охвативших по преимуществу степные и балкано-карпатские пространства вплоть до Эгея⁸. В меньшей степени эти процессы исследованы для центрально- и восточноанатолийских культур, но и там они, бесспорно, имели место. Этот первый "критический" период длился несколько столетий, и его апогей приходился на третью четверть IV тыс. По его завершении наступил следующий период стабилизации культур причерноморских областей.

Данная "критическая" фаза отделяла не только один период стабильного существования культур от другого; она обозначала конец медного века и начало эпохи ранней бронзы как для указанной области, так и для гораздо более южных культур Передней Азии и Восточного Средиземноморья⁹. В тех регионах с конца IV тыс. начинается совершенно новый этап развития, связанный с появлением протописьменных и — несколько позднее — письменных объединений государственного типа.

В эпоху ранней бронзы формируется Циркумпонтийская металлургическая провинция, включавшая в себя целую серию родственных метал-

лургических и металлообрабатывающих очагов от Балкано-Карпатья до Поволжья и Южного Урала, до Кавказа¹⁰. Родственность металлургического производства определялась морфологическим сходством основной металлической продукции: втульчатых топоров, тесел, ножей-кинжалов, долот и шильев. По большинству очагов провинции распространилась новая технология изготовления искусственных сплавов меди с мышьяком — мышьяковых бронз.

Можно придавать этой провинции более широкий смысл и именовать ее не только металлургической, но и культурно-исторической. Основанием для этого служит формирование в ее границах двух крупных блоков родственных культур. Первый из них — южный — включал общности земледельческо-скотоводческого характера в Закавказье, Анатолии, Балкано-Карпаты. К ним относились культуры куро-араксинская и ее прямые южные аналоги в Восточной Анатолии. Имеется много сходных черт в общем облике культур от Закавказья вплоть до Западной Анатолии (в ареале памятников времени и круга Трои I). На Балканах — это памятники типа Ситагри в Северной Греции, Караново VII-Эзеро¹¹ в Болгарии, крупная баденская общность, охватывавшая территории нижнего и среднего Подунавья и другие.

Всех их объединял оседло-земледельческий характер поселений. Во многом был сходен керамический комплекс. Аналогичным, как уже говорилось, был и набор основных металлических орудий и оружия. На одно обстоятельство при этом следует обратить внимание особо: анатолийские памятники почти не содержат находок втульчатых топоров, хотя весь прочий комплекс орудий Циркумпонтийской провинции был здесь налицо.

Северный блок культур объединял так называемые курганные культуры от Северного Кавказа на востоке вплоть до Добруджи на западе. Сюда входили майкопская культура на Северном Кавказе¹²; обширная общность культур так называемого ямного круга от Южного Урала вплоть до западных границ зоны¹³; кеми-обинская — в Крыму и Южной Украине¹⁴; усатовская — в северо-западном Причерноморье¹⁵. На востоке граница между обоими блоками культур проходила достаточно четко — в основном по Главному Кавказскому хребту. Гораздо менее явно эта граница обозначалась на западе. Здесь культуры обоих блоков глубоко вклинивались друг в друга: памятники курганных культур, которые балкано-карпатские археологи традиционно относят к ямной общности, проникают вплоть до Югославии и Паннонской низменности в Среднем Подунавье¹⁶.

По традиции северный блок культур связывают с доминированием в них скотоводческой экономики. Подкурганные погребальные памятники резко преобладают по всей территории. Курганы свидетельствуют о явной и четко выраженной социальной и имущественной дифференциации общества. Особенно выразительны в этом отношении знаменитые майкопские курганы, целый ряд которых по объему насыпи и богатству металлическим инвентарем хочется отнести к разряду "княжеских" или даже "царских". Коневодство у населения северного блока культур продолжало развиваться; лошадь использовалась под верх и в качестве упряжного животного для транспортировки колесных повозок. Кроме обряда сооружения курганных насыпей и появления повозок, наибольшие изменения в местной культуре по сравнению с предшествующим периодом претерпели горно-метал-

лургическое и металлообрабатывающее производства. Насыщенность металлом погребальных памятников возросла чрезвычайно. Именно на территории северного блока культур находят подавляющее число тяжелого рубящего оружия — боевых втульчатых топоров.

С металлургией раннего бронзового века связаны еще два парадоксальных явления. Во-первых, с разрушением энеолитической Балкано-Карпатской металлургической провинции в этом районе некогда мощнейшей в Старом Свете системы производящих центров происходит резкий упадок горно-металлургического дела¹⁷. Во-вторых, оба блока культур — южный и северный — не вполне ясно соотносятся между собой по распределению основного вида оружия провинции. Несравненно чаще отливают втульчатые топоры в северном блоке культур, однако при этом основные металлургические центры располагались на юге — в горно-металлургических, богатых медными источниками очагах провинции — на Кавказе, в Анатолии и на Балканах. Создается впечатление, что этот важнейший тип оружия или же был выработан в среде литейщиков северных культур, либо, по крайней мере, он был там воспринят с Кавказа или Балкан, но получил здесь гораздо большую популярность. Позднее, в следующий период этот тип орудий скачкообразно и в большом количестве "распространится" к югу, охватывая громадные пространства не только Анатолии, но и Передней Азии.

Стабильное существование культур раннебронзового времени продолжалось вплоть до средних столетий III тыс. до н.э., когда наступил новый деструктивный период для всей Циркумпонтийской провинции. Вновь археологи отмечают следы резкой активизации миграционных процессов по всем причерноморским территориям от Балкано-Карпатъ и Эгеи¹⁸ до Закавказья. Раннебронзовый век сменяется эпохой средней бронзы.

Чрезвычайно существенные передислокации происходят в пределах обоих блоков культур. В степной и лесостепной полосе обширная ямная общность заменяется в Поднепровье и на Дону совокупностью культур так называемого катакомбного типа, а в Поволжье ямная культура перерастает — в полтавкинскую. Впрочем, справедливости ради следует признать, что в этой зоне скорее следует говорить о заметной трансформации культур, но не о резком сломе, который коснулся в большей мере кавказских культур, располагавшихся как к северу от Главного хребта, так и особенно к югу.

Северокавказская культура, сменившая в Прикубанье и в бассейне верхнего течения Кумы и Терека памятники богатых курганов майкопского облика, во многом непохожа на предшествующую. Во-первых, отсутствуют "царские" курганы с богатейшим инвентарем (некрополи на Северном Кавказе становятся как бы "демократичнее", менее дифференцированными по погребальному инвентарю и характеру могильных сооружений); во-вторых, совершенно исчезают поселения.

Несравненно большие изменения, однако, охватили культуру Закавказья. Здесь фактически полностью распалась богатая и оседлая земледельческая общность куроараксинского типа, а на смену ей пришли курганные культуры. В центральных и восточных областях исследованы огромные курганы — типа ранних и воистину гигантских Марткопи, Цнори и Бедени, а также более поздних — знаменитых Триалетских гробниц; на за-

паде, в бассейнах рек, впадающих в Черное море — курганные могильники типа Сачхере или же известные причерноморские дольмены. Поселений в Закавказье в то время почти не известно. Следовательно, северный блок курганных культур как будто резко расширил свою территорию на восточном фланге Циркумпонтийской провинции, охватив Закавказье. Полагают, что в эпоху средней бронзы к югу от Кавказского хребта также возобладали скотоводческий, подвижный уклад хозяйства.

Циркумпонтийская металлургическая провинция в принципе сохранила характер своего производства. Однако ее продукция стала отличаться новыми, примечательными, но внешне как бы противоречивыми чертами. С одной стороны, втульчатые топоры становятся основным видом оружия не только на севере, но и на юге, охватывая теперь и Анатолию и переднеазиатские центры (начиная со времени царского некрополя Ура). С другой стороны, наблюдаются явные черты своеобразия и усиливавшейся локализации производства в основных зонах Циркумпонтийской провинции. На Кавказе, в Северном Причерноморье, в Балкано-Карпатье и Анатолии специфика металлургического производства проявляется в среднебронзовом веке намного более ярко, нежели в эпоху ранней бронзы. В целом же на среднебронзовом этапе по всей провинции отмечается отчетливый скачкообразный подъем горно-металлургического дела, заметный, прежде всего, по чрезвычайно резкому увеличению бронзовых орудий.

Эпоха средней бронзы — это период начавшегося распада не только металлургической провинции, но и Циркумпонтийской культурно-исторической провинции. Наиболее выпукло эти процессы проявляются в первых столетиях II тыс. вместе с формированием Хеттского царства. Активнейшим образом раскол провинции протекает и завершается в 18–17 вв. до н.э., когда все зоны этой области охватывают массовые миграции и передвижения, распадаются старые этно-культурные системы. Аналогичные события хорошо известны и по всему Восточному Средиземноморью, включая Египет времени гиксосского завоевания. К 16–15 вв. эти процессы в основном завершаются, начинается новая фаза в развитии общностей Старого Света, а по системе общей периодизации эпохи раннего металла наступает поздний бронзовый век.

С этой эпохой связан четвертый этап стабилизации культурных систем не только в причерноморских областях, но также всей чрезвычайно расширившейся в это время зоне металлоносных культур. Циркумпонтийская провинция окончательно уходит в прошлое. Картина взаимодействий в эпоху поздней бронзы внешне напоминает ту, что отмечалась на первом — энеолитическом этапе: резко нарастает изоляция основных блоков культур. Обособляются от прочих кавказские культуры; между ними и степными общностями в этот период довольно легко провести границу. Несколько теснее связаны степные культурно-исторические общности с карпатскими и северобалканскими культурами в области Поднепровья. Достаточно хорошо видна грань между зонами северобалканских и эгейских культур.

Эпоха великого переселения народов, первые симптомы которой проявились в 13 в. до н.э., в сильной мере затронула все культуры этой географической области. С ней связывается четвертый деструктивный период, его апогей приходился, по всей вероятности, на 11–10 вв. до н.э. С 8 в. до

н.э. вновь наблюдаются отчетливые признаки этно-культурной стабилизации обществ, формирование которых открывало уже ранний железный век.

Обратимся теперь к привязке лингвистических систем и, в частности, понятий индоевропейского "праязыка" к археологическим схемам, положенным в основу картины исторического развития народов этого обширного региона.

В своей недавно опубликованной и весьма важной для историков и археологов статье И.М. Дьяконов²⁰ напомнил и сформулировал некоторые существенные принципы сопоставления палеолингвистического и археологического материалов. Термин "праязык" — это лишь условность; его следует понимать лишь как более или менее очерченный континуум близких диалектов и говоров, а не язык в собственном смысле этого слова. "Праязык" важен для нас лишь как система понятий, выражаемая реконструируемыми лексемами. Привязка лингвистических материалов к археологическим допустима и эффективна лишь при сопоставлении системы с системой, структуры со структурой. Особенно существенна, по мнению И.М. Дьяконова, такая привязка в эпохи крупных общественных и культурных сдвигов, когда появляется возможность синхронизировать появление многих новых реалий и терминов для них. Видимо, в этот момент мы и фиксируем скачкообразные изменения в языке; последние, по всей вероятности, сопрягаются с процессами активной миграции, когда "праязык" раскалывается на дискретные диалекты, а носители их рассеиваются по различным регионам. Признавая исключительную справедливость этих условий, мы перейдем к сравнению системы понятий индоевропейского "праязыка" и картины развития культур причерноморских областей в динамике критических периодов, с одной стороны, и периодов стабилизации, — с другой. Мы также будем считать, что в периоды стабилизации культур отностительной устойчивостью характеризовались и языковые системы; периоды же этно-культурной деструкции, обязательно сопрягавшиеся с массовыми миграциями, влекли за собой распад языковых групп и быстрое расселение носителей новых диалектов в иные, порой достаточно удаленные от "прародины" области.

Понятие индоевропейского "праязыка" наиболее четко сформулировано в новой теории Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова²¹. С моей точки зрения, именно в выявлении "праязыка" проявляется наиболее ценное ядро данной теории, позволившее авторам вступить в спор с устоявшимся, особенно в археологической литературе, мнением о восточноевропейской, степной прародине индоевропейцев. Напомню, что археологи при этом чаще всего видели в ней древнейшие курганные культуры раннего бронзового века. С активизацией этих народов и продвижением их скотоводческих групп на запад и юго-запад связывают обычно процессы индоевропеизации юго-восточной Европы, а также разрушение всей свиты блестящих энеолитических культур Балкано-Карпатья, стоявших, как иногда полагают, на пороге письменных цивилизаций. Открытие и широкое исследование памятников докурганной общности медного века типа Хвалынский — Средний Стог, ее отчетливая связь с хронологически последующими курганными культурами ямного круга в Восточной Европе позволили в последнее время говорить о более древних корнях индоевропейских народов и датировать их V — началом IV тыс. до н.э.

Напомним, что "праязык" индоевропейцев воссоздается авторами на основе некоторых данных письменных переднеазиатских и малоазийских памятников, датированных самым концом III и началом II тыс. до н.э. Реконструируемый "праязык" авторы склонны датировать V тыс. до н.э., хотя обоснование такой даты кажется не вполне убедительным.

Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, базируясь на анализе лексики индоевропейского "праязыка", утверждают, что его носители занимались скотоводством и земледелием, знали развитую металлургию бронзы, в их быту употреблялся колесный транспорт; особое внимание обращают авторы также и на коневодство. Весьма распространены понятия, связанные с военным делом и оружием, в частности, с бронзовым (топор-секира, меч-кинжал). Многие термины приподнимают завесу над культовой, сакральной жизнью этих народов; предполагается наличие жрецов. В целом общественная структура этих народов на базе реконструируемой лексики представляется достаточно сложной, с явными признаками развитой социальной иерархии, вплоть до понятия "царь".

В основу пространственной локализации носителей праиндоевропейского языка положены данные, относящиеся к географическим и климатическим представлениям, а также к флоре и фауне. Последние, правда, указывают на весьма широкий ареал, но наличие в лексике названий таких животных как обезьяна и слон позволяет авторам локализовать эти народы в субтропических областях с горным ландшафтом (о последнем говорят термины, обозначающие горные вершины и хребты). Уточнению пространственной локализации способствует и то, что в "праязыке" присутствуют явные следы контактов с носителями семитской и картвельской лексики. Отсюда вытекает гипотеза о помещении их в область Северной Месопотамии, Восточной Анатолии и Закавказья. Культурно-археологическая верификация менее определена, но авторы указывают на культуру медного века типа Халаф, Шулавери-Шомутепе и даже куро-араксинскую, хотя последняя ими же относится к более позднему времени, когда уже, по их мнению, проявляются явные признаки распада индоевропейского языкового единства.

Ошибочность такой привязки, к сожалению, очевидна; налицо явное противоречие авторов с собственной реконструкцией. Люди халафской и шулавери-шомутепинской культур практически не знали металлургии и представления о металле были у них самыми зачаточными; там нет и малейших признаков металлического оружия, равно как отсутствуют следы domesticated лошади и колесного транспорта; археологически невозможно доказать и наличия глубоко выраженной социальной стратификации общества. По тем же причинам маловероятной выглядит привязка древнейших индоевропейцев к памятникам Анатолии VII—VI тыс. типа Чатал-хююка, хотя там найдены кусочки меди и раскопан предполагаемый "квартал жрецов". Никак нельзя подтвердить теперь уже многочисленными археологическими материалами и те пути переселений древнейших индоевропейцев, которые рисуют нам авторы: от первичной "халафской прародины" на севере Месопотамии через Иран, закаспийские среднеазиатские пустыни и полупустыни на их "вторичную прародину" в Восточную Европу, в область курганных культур раннебронзового века.

Еще ранее эта теория подверглась обстоятельной критике со стороны И.М. Дьяконова²². На основе критического анализа реконструируемого авторами "праязыка" И.М. Дьяконов помещает район носителей праиндоевропейского языка на Балканы. Правда, необходимой системы развернутых доказательств в пользу высказанной гипотезы им не приведено. Действительно, лексика индоевропейского "праязыка" несколько ближе к археологическим реалиям балкано-карпатских культур медного века типа Гумельницы и других за счет блистательного развития горно-металлургического дела и большого числа золотых предметов в ряде погребальных памятников. Однако и здесь не знали лошади и колесного транспорта; затруднительно доказать и наличие развитой социальной стратификации общества, невзирая на уникальный Варненский некрополь с его знаменитыми "символическими" погребениями.

Для обсуждения вероятной привязки "праязыка" индоевропейцев остается по существу лишь регион Северного Причерноморья с его докур-ганскими культурами скотоводов-коневодов медного века. Однако и в этих материалах мы не можем назвать ни одного свидетельства употребления колесного транспорта; не найти нам и аргументов в пользу далеко зашедшего социального расслоения общества. Кроме того, такой привязке противоречит экологический раздел праязыка с его представлениями о горных районах. Сомнительно также, чтобы в лексике восточноевропейских народов V — начала IV тыс. отразились контакты с семитскими и картвельскими народами: археологические памятники таких следов не содержат.

Система понятий индоевропейского праязыка, как ее реконструируют Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, конечно же, весьма отчетливо сопоставляется с системой археологических реалий культур эпохи ранней бронзы в рамках Циркумпонтийской историко-культурной провинции во второй половине IV тыс. до н.э. Именно тогда наиболее выпукло проявляется общность в обоих блоках культур провинции и взаимосвязь последних. Об этом явно говорит и весь комплекс археологических материалов: 1) распространение по всему региону развитых земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих культур, 2) начало истинного века металла с развитым горно-металлургическим делом практически по всем регионам провинции (об особой роли более ранней балкано-карпатской металлургии и ее судьбе мы уже говорили), 3) широкое распространение коневодства, лошади в качестве упряжного и верхового животного, 4) практически повсеместное распространение колесного транспорта, 5) наличие явно выраженной социальной стратификации общества, о чем недвусмысленно свидетельствуют материалы богатейших курганов в северном блоке культур, 6) широчайшее изготовление массивного бронзового оружия — топоров, кинжалов и т.п.

Если хронологическая привязка индоевропейского "праязыка" к культурам раннего бронзового века второй половины IV и первой половины III тыс. кажется мне достаточно очевидной, то гораздо сложнее обстоит дело с культурно-географической локализацией его носителей. Это затруднительно сделать даже на уровне двух основных блоков культур, составлявших систему Циркумпонтийской провинции. И экологические, и технологические, и социальные понятия, отраженные в лексике "праязыка",

представлены теми или иными сочетаниями в археологических материалах едва ли не всех основных культур и общностей провинции. Наряду с этим мы сталкиваемся и с очевидными лакунами: к примеру, коневодство сравнительно слабо, а иногда и вовсе не представлено в культурах южного — земледельческо-скотоводческого блока культур, раскинувшихся в горах и нагорьях от Закавказья и Восточной Анатолии вплоть до Балкано-Карпатья. Наоборот, с экологическими противоречиями столкнемся мы, если попытаемся связать "горную" лексику со скотоводческо-земледельческими культурами северного блока провинции.

Складывается впечатление, что индоевропейские группы в период стабилизации культур раннего бронзового века были уже достаточно широко рассеяны по многим областям провинции, а в ряде случаев на юге территории они могли быть инкорпорированы в структуры тех или иных общностей. Однако сами индоевропейские популяции вряд ли были достаточно многочисленными в районах Северной Месопотамии или Восточной Анатолии. Иначе трудно объяснить, что даже в последующую эпоху средней бронзы они оставили там довольно скудные, скорее косвенные лингвистические следы в материалах малоазийских и переднеазиатских письменных памятников.

Если наши соображения о широком "дисперсном" рассеивании индоевропейских групп по южным пространствам во второй половине IV и первой половине III тыс. до н.э. справедливы, то из них могут последовать немаловажные для обсуждаемой проблемы сомнения: действительно ли предлагаемая реконструкция индоевропейских лексем является истинным праязыком? Или же перед нами лишь некая промежуточная лингвистическая система, которой уже коснулись процессы распада, но заметить их мы не в состоянии в связи с крайне ограниченным числом и скудным характером основных источников?* Ведь проведенная реконструкция — и это представляется мне крайне важным — коснулась языка прежде всего тех индоевропейских групп, которые оказались в областях Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. Другие, возможно, гораздо более многочисленные индоевропейские популяции, обитавшие тогда же в иных районах, могли остаться как бы в тени. Однако не представляя себе истинного "праязыка" индоевропейцев, скорее всего восходящего к энеолитическому периоду, мы в большой мере теряем почву под ногами при определении индоевропейской прародины.

Замечу лишь, что новая теория о "праязыке" и прародине не смогла убедительно опровергнуть мнение о восточноевропейской родине праиндоевропейцев. Правда, и доказать достаточно весомо эту гипотезу на базе сопоставлений археологических материалов с добротными лингвистическими схемами не менее сложно. Не исключено, что обширная область степных восточноевропейских культур скотоводов и коневодов, видимо, занимавшихся также металлообработкой и земледелием, могла бы быть заселена весьма многочисленными группами протоиндоевропейцев (могла быть, но не более того!). Однако, обсуждать это предположение возможно лишь на базе косвенных наблюдений. Первое из них вытекает из явной преимст-

---

*Замечу, что именно поэтому я предпочитаю ставить в настоящей статье понятие реконструируемого праязыка в кавычки.

венности культур докурганных, относимых еще к медному веку, и курганных, оставленных нам на юге Восточной Европы населением бронзового века. Преимущество культурного развития на юге Восточной Европы выражена, пожалуй, наиболее выпукло в сравнении с иными причерноморскими областями. В прочих регионах культурные сломы на грани медного и раннебронзового веков проявились более или менее контрастно, но особенно выразительно эти процессы протекали в Балкано-Карпатье. На лингвистическом материале, как мы уже писали, присутствие индоевропейцев в Анатолии и Передней Азии даже в период средней бронзы, не говоря уже о раннебронзовом веке, выглядит мало заметным. И это, видимо, также может служить косвенным аргументом в пользу локализации основных, наиболее многочисленных индоевропейских групп в северных причерноморских областях. Повторю, однако, что это лишь косвенные и не вполне весомые соображения.

Определенно увязывая реконструируемый Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым индоевропейский "праязык" с культурами Циркумпонтийской провинции раннего бронзового века, в завершение статьи нельзя, хотя бы кратко, не коснуться более поздних периодов для большей ясности вопроса о судьбах носителей этого языка. Каппадокийские таблички, анализ которых во многом положен в основу суждений о характере "праязыка", относятся к веку средней бронзы (предпочтительно ко второй его половине). В эту эпоху как будто определенно фиксируется выделение анатолийских или ранних хетто-лувийских диалектов. Возможно предполагать, что это произошло около середины или же в третьей четверти III тыс. до н.э. в результате переломного периода культурной дестабилизации, отделявшего ранний бронзовый век от среднего. Следующий мощный период деструктивных сдвигов, датируемый второй четвертью II тыс. до н.э. и отделявший среднебронзовый век от позднего, привел к распаду Циркумпонтийской провинции и формированию ряда относительно изолированных блоков культур в областях Причерноморья. В полном согласии с этой картиной в эпоху поздней бронзы выделяются и окончательно оформляются поздние хетто-лувийские языки, греческий или крито-микенский язык, представленный линейным письмом В, протофракийский язык на севере Балканского полуострова²³, а также группа индо-иранских языков, связанных с носителями культур Северного Причерноморья и более восточных евразийских степей и лесостепей²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, Международный симпозиум "Кавказ и Циркумпонтийская провинция в эпоху раннего металла", прошедший в Телави (Грузия) в ноябре 1983 г.

² Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982. С. 104–122.

³ Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978. С. 273–276; Иванов И. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. С. 1978.

⁴ Энеолит СССР. С. 324–327; Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степень и лесостепь: Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1981. С. 22–34.

⁵ Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, С. 131–139.

⁶ Мерперт Н.Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА, 1965. Вып. 105. С. 13.

⁷ Черных Е.Н. На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа, 1976, № 2.

С. 65–69; Он же. Об европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции// *Acta Archaeologica Carpathica*. 1977. XVII. S. 29–53.

⁸ *Gimbutas M.* The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500–2500 B.C.// *The Journal of Indo-European Studies*, 1973, I, N 2. P. 174–208.

⁹ *Cernich E.N.* Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional?// *Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell'Eta del Bronzo in Europa*. Verona, 1982. S. 31, 32, 35.

¹⁰ *Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР// *СА*, 1978, № 4. С. 53–82.

¹¹ *Езеро.* Раннобронзовото селище. С., 1979.

¹² *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 197–335.

¹³ *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 153, рис. 1; Энеолит СССР. . . С. 326.

¹⁴ *Археология УРСР.* Київ, 1971. Т. 1. С. 258–263.

¹⁵ *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.

¹⁶ *Praistorija Jugoslavenskih zemalja*, Sarajevo, 1981. Т. 3. С. 381–397; *Ecsedy I.* The People of the Pit-Grave Culture in Eastern Hungary. Вр., 1979. P. 57–58 и многие другие работы.

¹⁷ *Черных Е.Н.* Горное дело . . . С. 274, рис. 118.

¹⁸ *Mellaart J.* Prehistory of Anatolia and its relation with the Balkan// *Studia Balkanica*. 1971. V: *Gimbutas M.* The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B.C.// *Bronze Age Migrations in Aegean*. New Jersey. 1974.

¹⁹ *Дедабришвили Ш.Ш.* Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979.

²⁰ *Дьяконов И.М.* Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки// *Лингвистическая реконструкции и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции.* М., 1984. ч. 2. С. 3–20.

²¹ *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. I–II.

²² *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I, II// *ВДИ*, 1982, № 3. С. 3–30; 1982, № 4. С. 11–25.

²³ *Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 14–16, 188.

²⁴ *Членова Н.Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье// *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 259–268.

В.П. ЯЙЛЕНКО

НЕСКОЛЬКО ГРЕЧЕСКИХ ГРАФФИТИ И "САРМАТСКАЯ" НАДПИСЬ С БЕРЕЗАНИ

Данная подборка надписей представляет собой продолжение публикации граффити из раскопок покойного В.В. Лапина на о. Березань и включает посвящения (№ 1–2), амулеты (№ 3–17), надпись, исполненную "сарматскими" знаками (№ 18)¹ (см. рис. 5,6).

1. ИА. Фрагмент стенки краснойглиняной амфоры IV в.: [’А]χιλλεῖ ’Αχιλλυ’. Ср. другие посвящения ему с Березани и округи². В Северном Причерноморье известны еще два опубликованных посвящения на амфорах из Альвии и Керчи³. Все они характеризуются тщательной резьбой букв, выполненной резчиками-профессионалами.

2. 74-639. По венчику фрагментированного ионийского килика:

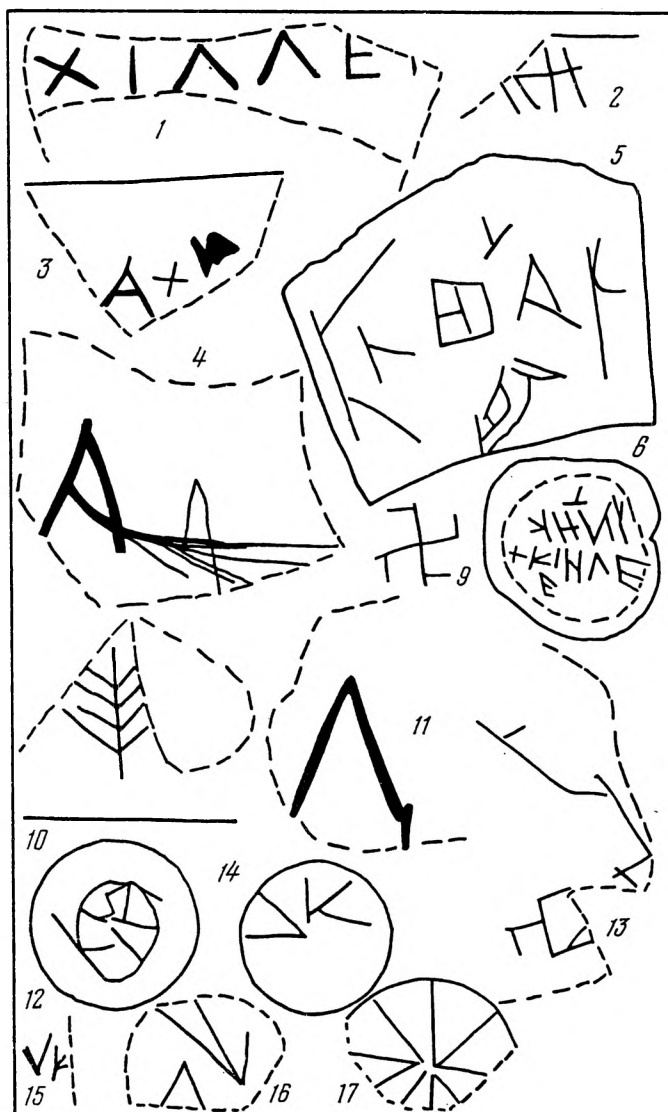

Рис. 5. Граффити с о. Березань. Прорись.

[? 'Αχ]ι λη̃ 'Ахиллу'. К числу посвяtitельных граффито отнесено предположительно. Ср. посвящения Ахиллу с Левки, имеющие то же окончание датива на $\bar{\epsilon}^4$. К дательному без *иоты* ср. посвящение Главки с Левки: Λευκῇ (ГЛБО 1, № 3). Аналогичная лигатура лямбды и *эты* присутствует в одном березанском граффито (ГК, № 172).

3. ИА. На фрагменте венчика чернолакового кувшинчика IV в.: 'Αχιλ(λεῖ) 'Ахиллу' (ср. ГК, № 124–126; Русяева, с. 134). О том, что это амулет, а не посвящение, свидетельствует следующее: во-первых,

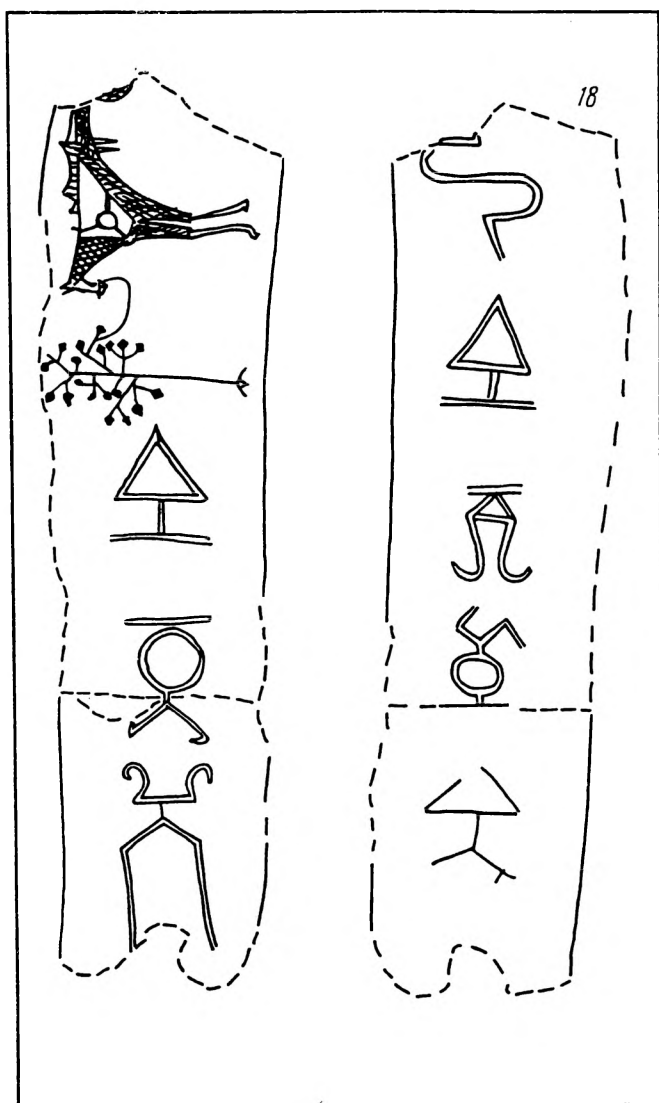

Рис. 6. Костяная пластинка с "сарматскими" знаками

надпись целиком помещается на фрагменте, т.е. сделана на черепке, а не целом сосуде; во-вторых, сокращенный теоним характерен для амулетов, а не посвящений (см. № 4,5)⁵. Дательный падеж восстанавливается по амулетам с Березани и Бейкуша, содержащим полный теоним (ГК, № 124, 126; Русяева, С. 132, 133, 135). При написании двух последних букв лак выщербился. Обращает на себя внимание редкое в эпиграфике выделение более крупными размерами начальной буквы имени (ср. то же на амулете с Бейкуша – Русяева. с. 132).

4. ИА. Обколотый фрагмент горла чернолакового ионийского кувшина с буквами 'Αχ, вторая из которых прочерчена многократно. Амулет с сокращением имени Ахилла (ср. КГ, № 125; Русева. С. 134).

5. Точное местонахождение неизвестно (рисунок дан по фото В.В. Лапина). Амулет VI в., сделанный из обколотой стенки (с краем) простого глиняного сосуда. В центре — разделенный на три компартимента квадрат (ср. разделенный пополам прямоугольник на другом амулете с именем Ахилла — Русева, с. 135, № 4). Рядом буква Α, сокращение имени Ахилла, как на множестве других, связанных с ним амулетов (Русева. С. 130). По краям вырезаны многочисленные Т-образные знаки в различных комбинациях, обычные для амулетов. Значение их не вполне ясно. На мой взгляд, это те же соллярные знаки — шевроны и "язычки", которые входят в число элементов декорации расписной керамики Эгеиды начиная с III тыс. до н. э. и вплоть до середины I тыс. до н.э. — от кикладской до ионийской и протокоринфской⁶. В VI в. до н.э. эти соллярные знаки целительного предназначения естественно проникают в символику магии, связанной с изготовлением амулетов, причем они, по-видимому, контаминировались здесь с буквой Υ — началом таких слов, как υγία 'здоровье', υγιής 'здоровый', υγιαίνειν 'быть здоровым'. В этом плане характерно, что эти знаки присутствуют на березанских амулетах, связанных не только с Ахиллом, но и Аполлоном Врачом (ГК, № 131—134, 136—137).

6. ИА. Фрагмент стенки краснолакового сосуда, аккуратно обколотый в виде диска. На оборотной стороне (внешняя сторона черепка) — разура (намеренно затертая поверхность), на лицевой стороне тем же способом затерты края, что обычно для амулетов (ГК, № 138), особенно анэпиграфных. На лицевой стороне — двустрочная надпись, исполненная бустрофедоно (первая строка идет справа налево): ἰνῆκε κίηλε 'опростал и испустил'. Амулет связан с физиологией какой-то болезни: слово ἰνέειν 'опоросить посредством испражнения' принадлежит к медицинскому лексикону и фигурирует в гипократовском корпусе (De mulier. I, 52 etc.). Поскольку последняя буква не дописана, по аналогии со следующим глаголом восстанавливаю форму перфекта в 3-м лице. Далее следует καὶ в красисе с аористом ἦλε (от ἰάλλειν 'испускать, посылать, протягивать, ввергать, выходить, носиться' (Liddell—Scott. P. 815)). Краткость контекста не позволяет определить точное значение глагола, ясно только, что в сочетании с ἰνῆκε он также выражает физиологический акт, т.е. посредством опростания удаляется нечто болезненное. Отдаленную аналогию представляет другой березанский амулет со словом χαίρε 'прощай', которым обозначен акт удаления, вероятно, болезни или предмета беспокойства того человека, который сделал амулет (ГЛБО 1, № 21). Забрунина на ободке публикуемого амулета указывает, что он подвешивался на бечевке около больного органа. Над надписью и слева от нее прочерчены обычные для амулетов V, Υ-образные знаки, внизу буква Ε неясного значения (ср. другой березанский амулет, на котором написана только буква Ε (ГК, № 123)). Надпись составлена на ионийском диалекте: слово ἰνέειν — ионизм, кроме того, красис καίς ἰ выражен через κί⁷. По характеру письма (бустрофедон в памятниках милетского круга выходит из употребления во второй половине VI в.) надпись датируется временем около середины VI в. (ср. ГЛБО 2, № 83).

7–8. ИА, 79-522 и 79-524 (без прорисей). Два донца от ионийских чаш, отколотые от стенок сосуда. Чаши имели лаковую декорацию на дне изнутри: № 7 — розетка из 5 чернолаковых лепестков, № 7 — розетка из 6 лепестков, нарисованных красным лаком. Это солярные символы санационного свойства, сообщающие питью чистоту, целебность и выражающие пожелание здоровья пьющему (ГК, № 151, 152, 160, 161; ГЛБО 1, № 24). Неизвестному березанцу достаточно было обколоть донца от стенок чаши, чтобы получить готовый амулет. Такой же амулет из донца сосуда, на котором изнутри нарисована пятилепестковая розетка, найден на агоре Фасоса⁸.

9. 61-703. На ионийской чаше темно-коричневого лака с низким поддоном процарапана свастика — солярный элемент того же плана⁹. Свастики, пентаграммы, шевроны, кружочки и т.д. обильно включались мастерами в декорацию ионийской керамики — традиция, идущая еще из неолита¹⁰.

10. ИА, 79-294. Фрагмент горла (с венчиком) красноглиняного закрытого сосуда типа кувшина. Под венчиком, ножкой к нему, вырезано "дерево" (ср. то же — ГК, № 128–130; ГЛБО 1, № 22, 231). Время изготовления сосуда и граффито неясно. Справа от "дерева" — сколотая поверхность. Изображения таких "елочек" нередко фигурируют на керамике Эгейды III–II тыс. до н.э.¹¹. В I тыс. этот астральный символ становится весьма употребительным в магии, обозначая санированность жидкости в сосуде¹². Изображения "елочек" фигурируют на адресованных Ахиллу амулетах с Бейкушского поселения (Русяева. С. 133).

11. 63-493 (рис. в 0,5 натур. величины). Фрагмент стенки амфоры фасосского круга с вырезанной по сырой глине лямбдой и числовым дифферен-том у правой гасты (= 31). В дальнейшем черепок был суммарно обколот и приобрел форму диска, т.е. был вторично употреблен в качестве амулета (ср. № 7, 8).

12. 69-385. На дне от чернолаковой чашки V в. кружок, прочерки и Y-образные знаки.

13. 64-595. На фрагменте дна чернолакового открытого сосуда комбинации прочерков и знаков, в том числе Y-образных. Амулет фрагментирован.

Отдельную группу амулетов образуют 4 черепка с буквами V, Ψ. В отношении двух из них (№ 14, 15) можно было бы думать, что это обычное сокращение имени владельца на дне сосуда, но это же сочетание букв (или знаков) представлено и на двух бесспорных амулетах (№ 16, 17), что заставляет относить № 14, 15 к числу магических актов. Кроме того, граффито № 14 сделано на донце, обколотом от стенок сосуда, что также является признаком амулета. Значение букв или знаков неясно. Судя по № 17, это скорее не буквы, а знаки типа V-образных, уже знакомых нам по другим амулетам.

14. 60-1119. На донце от небольшого краснолакового ионийского сосуда, обколотом от стенок, — V, Ψ

15. 62-124. На фрагменте дна чернолаковой чаши позднего V–IV в. со штампованным орнаментом из пальметт и идущих по кругу ов — V Ψ. Амулет, вероятно, фрагментирован.

16. 69-113. На фрагменте стенки чернолакового открытого сосуда IV в., обколотом в кружок, те же знаки, но первый из них повернут уголком вверх, т.е. ΛΨ. И этот амулет фрагментирован. Фрагментированность части

амулетов наводит на мысль, что их разбивали в том случае, если цель, с которой они делались, не достигалась.

17. 69-199. На фрагменте дна открытого сосуда с разноцветным лаковым орнаментом два или три Ψ-образных знака, заполняющих все поле дна, что свидетельствует в пользу магического, а не какого-либо иного характера этих знаков.

18. ИА. Реберная светло-желтая кость крупного животного (коровы или коня), плоская и отполированная. С обеих сторон обломана. Сохранившийся фрагмент сломан поперек, но обе части склеены в контакте (на прописи облом показан пунктиром). Продольные края частью сохранились, частью слегка выщерблены. Длина 17 см, наибольшая толщина 0,9 см, ширина сверху 4,7 см, внизу — 4,2 см. На лицевой стороне — изображение коня, дерева и знаки, на оборотной — только знаки. Граффити прочерчены тонкой иглой, все знаки имеют двойной контур (исключая крайний на обороте). На лицевой стороне изображение верхового взнузданного коня частично фрагментировано (сохранилась часть крупа у облома). Конь под седлом, с уздой, стремянами и псалями, привязан к дереву, налево от него идут "сарматские" знаки. По-видимому, это указывает, что знаки вырезались справа налево. Об этом же могут свидетельствовать знаки оборотной стороны: крайний справа обломан, тогда как крайний слева находится в свободном поле, т.е. он был последним. Кроме того, крайний слева знак выполнен в иной манере по сравнению с остальными — резчик не стал обводить его двойным контуром, что более уместно для последнего, а не первого из вырезанных знаков. На лицевой стороне — 3 знака, на оборотной — 5, на обеих сторонах фигурирует один и тот же знак. Треугольник его в обоих случаях повернут в одну сторону, что может свидетельствовать об одном и том же направлении следования знаков (справа налево, как мы предположили выше).

Последовательное расположение знаков (один за другим на обеих сторонах в одном направлении) наводит на мысль, что в данном случае граффити на кости представляют собой не просто механическое сочетание знаков собственности, а словесно-пиктографическое сообщение, т.е. письменность. "Сарматские" знаки обычно справедливо понимаются в качестве владельческих символов, поскольку, как правило, размещаются по одному или по два на различных предметах, выражая в общем смысле принадлежность вещи определенному человеку или человека к определенной семейной или родоплеменной общности. Вместе с тем имеются образцы, характеризующиеся последовательным размещением этих знаков одного за другим, как, например, на стеле из Новочеркасска и на стене керченского склепа 1872 г.¹³ Любопытно, что и в последнем случае в "текст" включены изображения животных, как и в нашем граффито. Это, видимо, означает, что животные как-то связаны с содержанием данных информативных комплексов. Наконец, то обстоятельство, что граффити выполнены на кости, т.е. на предмете, обозначение принадлежности которого какому-либо лицу посредством знаков собственности бессмысленно, указывает на письменный характер этих граффити, т.е. на словесно-пиктографическое письмо. Таким образом, имеется уже несколько памятников, которые подтверждают давнее предположение ряда исследователей о том, что "сарматские" знаки могли использоваться для письменности.

Два знака нашей надписи (у дерева и второй слева на обороте) имеют точные аналогии в числе "сарматских" знаков Северного Причерноморья¹⁴. Остальные знаки имеют не идентичные, но близкие параллели. Нынешнее состояние разработки вопроса о "сарматских" знаках не позволяют определить даже приблизительно содержание данной надписи римского времени. Можно высказать лишь некоторые суждения о характере данной письменности. Судя по сохранившейся длине ребра, имеющиеся на нем знаки составляют не менее половины первоначального текста¹⁵. На каждой стороне ребра содержалось по несколько знаков, в целом примерно 15. Такое количество знаков само по себе может свидетельствовать, что они не имеют алфавитного характера, т.е. не имеют значения букв или слоговых знаков. Это словесные знаки примерно того же типа, что существовали в ряде древних письменностей и очень хорошо иллюстрируются чукотским письмом Теневиля первой трети текущего столетия, где соединялись словесные знаки и пиктография¹⁶. Таким образом, можно предположить, что знаки данной надписи являются словами, дополненными пикрографическими изображениями (привязанный к дереву конь).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Надписи хранятся в Институте природоведения АН УССР в Киеве (далее это место хранения не указывается, даются лишь инвентарные номера типа 74-639, где две первые цифры обозначают год раскопок) в Институте археологии АН УССР (далее ИА). Почти все хранящиеся в ИА надписи не имеют инвентарных номеров: частично или все они были найдены в последний год раскопок (1980), и В.В. Лапин не успел закончить их камеральную обработку. Пользуясь случаем поблагодарить В.Н. Корпусову и С.Н. Мазарати за содействие в обработке этих материалов. Надписи из Музея природоведения обработаны мною при содействии В.В. Лапина. Надписи сделаны в основном на родосско-ионийской керамике, датируемой VI — началом V в., что далее не оговаривается (все даты — до н.э.). Номера надписей и рисунков к ним совпадают. Рисунки выполнены в 0,6–0,7 натуральной величины.

² *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III в. до н.э. М., 1982, № 101–103 (далее — ГК); *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 129 и сл. (далее — Русяева).

³ *Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ, 1980. № 3, № 67 (далее — ГЛБО 2).

⁴ *Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ, 1980. № 2, № 5–7 (далее — ГЛБО 1).

⁵ То, что надпись сделана именно на черепке, а не на целом сосуде, явствует также из той особенности, что она сделана под углом к краю венчика, тогда как посвященные надписи на целых сосудах вырезались параллельно ему.

⁶ *Dugas Ch.* La céramique de Cyclades. P., 1925. P. 30, 116, 197; *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. Bd. 3. Fig. 59, 128; *Scheffold K.* Die Griechen und ihre Nachbarn. B., 1967. Tab. X. Fig. 179a; *Lane A.* Greek Pottery. L., 1948. Tab. 25c; *Price E.R.* Pottery of Naucratis // J. of Hellenic Studies, 1924. Vol. 44. Tab. XI. Есть даже образцы ионийской керамики, декорация которых целиком состоит из "язычков", ср.: *Pottier E.* Vases antiques du Louvre. P., 1897. Pl. 13. Для сопоставления с амулетами интересно отметить, что на известной позднекоринфской амфоре из Цере с изображением выступающего в поход Амфиарая нарисована змея, сплошь покрытая "язычками", см.: *Pfuhl E.* Op. cit. Fig. 179, ведь и Ахилл изображался на амулетах в виде змея (ГК, № 124; Русяева, с. 130, 132).

⁷ Ср.: красис καὶ οἶ, выраженный в березанском письме Ахиллодора через κοῖ, а не хоῖ, как обыкновенно. То же читаю в посвящении стефанефоров V в. из Ольвии: κοῖ στεφ[αν]ηφόρ[ου] (Надписи Ольвии. Л., 1968, № 167).

⁸ *Ghali-Kahil L.B.* La céramique grèque. (Etudes thasiennes, 7). P., 1960, Pl. IX, 25.

⁹ Это граффито должно было помещаться в ГК, № 150. Ср. свастику на кувшинчике с березанского некрополя (ГЛБО 1, № 52) и на амулете из Ольвии (ГЛБО 2, № 88).

¹⁰ *Dugas Ch.* Op. cit. P. 35, 116, 197.

¹¹ *Ibid.* P. 88, 126.

¹² Это можно заключить из того, что изображение "дерева" фигурирует как на закрытых, так и на открытых сосудах, см. *Jeffery L.H.* Old Smyrna: Inscriptions on Sherds and Small Objects. // *An. of the British School at Athens*, 1964. Vol. 59, № 17, 34a, 44. Об астральном характере этого символа свидетельствуют сопутствующие изображения на греко-египетских амулетах, ср.: *Delatte A., Derchain Ph.* Les intailles magiques gréco-égyptiennes. P., 1964. P. 265, 275. Магический характер этого изображения на сосудах архаического времени подтверждается размещением его на внутренней части дна блюда из Старой Смирны, см.: *Jeffery L.H.* Op. cit. № 44.

¹³ *Соломоник Э.И.* Новые памятники с сарматскими знаками // *Археол. памятники УССР*. Киев, 1962. Т. XI. С. 159 (на укр. яз.); *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. Табл. LXXXIII.

¹⁴ *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, табл. IX, 641, XI, 868, XIII, 60.

¹⁵ Исполненные "сарматскими" знаками письменные сообщения вообще не были длинными, ср.: *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 113 и сл.

¹⁶ *Фридрих И.* История письма. М., 1979. С. 205.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

- КАМ – Киевский археологический музей.
КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л.: 1965.
НЭПХ – Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–1986. Вып. 1–12.
Bechtel HP – *Bechtel Fr.* Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917.
Bezljaj – *Bezljaj F.* Etimoloski slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–1982. Т. I–II.
Boisacq – *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907.
Chantraine – *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968–1977. Vol. I–IV.
CIE – Corpus inscriptionum etruscarum. Leipzig Firenze, 1912–.
CIG – Corpus inscriptionum graecarum. Berolini, 1825–.
CIL – Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1863–.
Detschew – *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg–Göttingen, 1955–1965. Bd I–II.
Frisk – *Frisk Hj.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1972. Bd I–III.
IG – Inscriptiones graecae. Berolini.
IGBulg – *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1956–1961. 1970. Vol. I²–IV.
IPE (IOSPE) – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionales Ponti Euxini. Petropoli. 1916.
Machek – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Pr., 1968.
Mayrhofer – *Mayrhofer M.* Kurzegefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953–1980. Lfg. 1–31.
OGIS – Orientis Graeci Inscriptiones Selectae / Ed. W. Dittenberger. Lipsiae. 1898–1901.
PB – *Pape W., Benseler G.E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1875³.
Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I–II.
RE – Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft / Begr. von J. Pauly, neu hrsg. von R. Wissowa u.a. Stuttgart, 1896–.
Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb, 1971–1976. Knj. I–IV.
Syll – Syllogae inscriptionum graecarum. Ed. W. Dittenberger. 3. Aufl. Leipzig, 1915.
TL – *Kalinka E.* Tituli Asiae Minoris. (Vol. I: Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti). Wien, 1901.
TLE – Testimonia linguae Etruscae. Ed. M. Pallottino. Firenze, 1968.

Vasmer ISR – *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

Walde–Hofmann – *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J.B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

Zgusta Kleinas. Pers. – *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

БЕ – Балканско езикознание.

ВДИ – Вестник древней истории.

ВЯ – Вопросы языкознания.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НЭ – Нумизматика и эпиграфика.

СА – Советская археология.

BCH – Bulletin de correspondance hellénique.

IF – Indogermanische Forschungen.

KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn.

SBAW – Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse.

SE – Studi etruschi.

КОРРЕКТУРНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

К статье Л.А. Гиндина

Опубликованные недавно М. Леженом и К. Бриксом (Brixhe C., Lejeune M. *Corpus des inscriptions paleo-phrygiennes*. Р., 1984. Т. I—II) материалы древнефригийских надписей как будто позволяют сделать предварительный вывод о том, что фригийский язык, аналогично древнемакедонскому, может рассматриваться в качестве протогреческого диалекта, ср. схожую мысль Вл. Георгиева о древнейшем родстве фригийского и греческого.

К статье В.Л. Цымбурского

Среди сосудов из открытого в 1985 г. в Болгарии Рогозенского клада внимание привлекает один (кат. № 162 — Изкуство 1986, № 6), в котором И. Маразов убедительно выявляет признаки мифа о Беллерофонте. В самом деле, три (к сожалению, в той или иной мере испорченные) фигуры: чудовище с львиным туловищем, двумя головами, из которых одна, сохранившаяся, козья, и хвостом в виде змеи, и противостоящий ему крылатый конь, по-видимому, наполовину скрывающий героя, от которого сохранились лишь нога и рука с поднятым мечом, — хорошо идентифицируются, соответственно, с Химерой, Пегасом и Беллерофонтом. Нетривиальной особенностью сцены, однако, является присутствие еще одного персонажа, так называемого "льва-грифона" с поднимающейся над его спиной человеческой головой и такой же змеиной головой на хвосте, как и у Химеры. Роль этой фигуры в композиции двояка. Во-первых, ее разворот совпадает с разворотом тела Химеры, так что возникает впечатление, будто на Беллерофонте движутся два противника и из-за Химеры выглядывает еще одно, подобное ей чудовище. Во-вторых, относительно оси симметрии, которая проходит через туловище Химеры с ее двумя головами, обращенными к Беллерофону и ко "льву-грифону", последние образуют также совершенно симметричную и композиционно неразрывную пару. Данное фракийское изображение Беллерофонта, будучи глубоко самобытным и не вписываясь в греческие каноны, разительно перекликается с реконструкцией мифа о Беллерофонте, обнаруживающей в диахронии вытеснение изначального противника героя Химерой, с вероятным промежуточным этапом, когда оба персонажа — балканский и малоазийский — могли существовать в одном мифе (ср. рассмотренную композицию с топономастической триадой: Фелл — Антифелл — Химера). Вместе с надежными фракийскими и иллирийскими параллелями к имени Беллерофонта Рогозенская сцена может служить определенным аргументом в пользу северобалканских истоков мифа.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Л.С. Бакун. Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе	5
Ю.Г. Виноградов. Табличка дикаста из Эрмитажного собрания	10
В.А. Воробьев. Индоевропейское и неиндоевропейское в греческой медицинской терминологии	16
Л.А. Гиндин. К вопросу о статусе языка древних македонцев	19
Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский. О Езеровской надписи и фрако-этрусских связях: проблемы мнимые и подлинные	27
Вяч.Вс. Иванов. Микенское и гомеровское греческое название соленого моря в свете сравнительного языкознания	36
О.В. Иванова. К вопросу об этнополитической ситуации в районе Фессалоники в начале 80-х годов VII в.	42
А.И. Иванчик. О киммерийцах Аристия Прокопинесского (Hdt. IV, 13)	48
И.А. Калужская. К возможности относительной хронологизации некоторых албано-восточнороманских лексических схождений	55
Л.В. Куркина. К проблеме словенско-западнославянских языковых связей	61
И.А. Левинская. Культ θεος ὑψιστος на Боспоре. I. К вопросу о влиянии культа Сабазия	67
А.Ф. Лосев. Об одном античном термине, лежащем в основе последующей философии	73
А.А. Молчанов. Минойский язык: проблемы и факты	78
Е.П. Наумов. Менандр о вторжениях "варваров" во второй половине VI в. (К вопросу о славянизации карпато-балканских земель)	85
Д.С. Раевский. Эллинические изобразительные памятники в культуре Фракии и Скифии	89
С.Ю. Сапрыкин. Два граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса	94
Т.Н. Свешникова. Календарь "волчьих дней" у румын	101
В.Н. Топоров. Понятие предела и ἑρως в платоновской перспективе	107
О.Н. Трубачев. Indoarica в Северном Причерноморье. *kank-uta- 'a gruibus fugatos/pulsos'	119
Т.В. Цивьян. Мотив суда/спора цветов в балканском фольклоре и "одористический код" в античной традиции	124
В.Л. Цымбурский. Баллерофонт и Беллер (Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции)	129
Е.Н. Черных. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции	136
В.П. Яйленко. Несколько греческих граффити и "сарматская" надпись с Березани	147
Принятые сокращения	155

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства
Т.М. Скрипова

Художник
Л.В. Гладышева

Художественный редактор
Г.П. Валлас

Технический редактор
М.К. Серегина

Корректор
Л.А. Агеева

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 32125

Подписано к печати 05.01.87
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 10,1
Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 1950 экз.
Тип. зак. 1043. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Сопоставительное изучение словообразования славянских языков

В сборнике представлены статьи языковедов Советского Союза и социалистических стран. Разрабатываются важнейшие вопросы теории и методологии сопоставительного изучения славянского словообразования. Показан широкий спектр применения сопоставительного метода при изучении родственных и неродственных языков, различных форм существования национального языка при межъязыковом и внутриязыковом сопоставлении.

Для лингвистов, занимающихся сопоставительными и системными исследованиями, преподавателей, переводчиков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга-почтой" "Академкнига":

Магазины "Книга-почтой":

252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 197345 Ленинград, Петрозаводская, 7; 117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой":

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 /"Книга-почтой"/; 370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 /"Книга-почтой"/; 232600 Вильнюс, ул. Университетского, 4; 690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 /"Книга-почтой"/; 320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 /"Книга-почтой"/; 734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 /"Книга-почтой"/; 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 /"Книга-почтой"/; 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 /"Книга-почтой"/; 191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57; 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2; 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16; 220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 /"Книга-почтой"/; 103009 Москва, ул. Горького, 19-а; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51; 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 /"Книга-почтой"/; 142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пушкино, Московской обл., МР, "В", 1; 620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 /"Книга-почтой"/; 700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1; 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700070 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 /"Книга-почтой"/; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 634050 Томск, Академический пр-т, 5; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 19 /"Книга-почтой"/; 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 /"Книга-почтой"/; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 /"Книга-почтой"/

2 руб.

« НАУКА »

В сборнике предпринята попытка осуществить комплексный, междисциплинарный подход к проблемам языковой и этнокультурной истории карпато-балканского региона, совмещающая данные лингвистики, филологии, истории, археологии. Характерная особенность сборника — его ярко выраженная историко-филологическая направленность. Впервые достаточно широко представлена проблематика языковых реликтов и культуры фракийцев. Ряд статей касается актуальных проблем эпиграфики и дешифровки.